ГЛАВА I

Если вы заблудились в самом сердце африканской саванны и до вас доносятся пронзительные звуки, смахивающие на завывание джаза, то сразу ясно, что кричит какое-то дикое животное. Но если вы услышите шипение питона на верхушке Эмпайр-Стэйт-Билдинг, то наверняка подумаете, что это веселый клерк насвистывает себе под нос нехитрую песенку. И, может, поэтому, когда первая пуля пролетела у меня над ухом в центре Лос-Анджелеса, я не сделал никаких выводов. Даже не обратил на это внимания.

Совсем недавно, проглотив на завтрак тосты и кофе, я пробежал заголовки газет, сообщавшие о последнем происшествии в Лос-Анджелесе: убили некоего Красавчика Лобо. Затем поехал по Бродвею, остановил свой желтый, с откидным верхом «кадиллак» напротив Хэмилтон-Билдинг и еще некоторое время оставался за рулем, тупо глазея на безликую массу снующих туда-сюда людей, такую же серую, как мое старое габардиновое пальто.

Стоял один из тех сухих предгрозовых понедельников, что частенько случаются в Южной Калифорнии перед сезоном дождей, когда по утрам задувает восточный ветер. А поскольку этот ветер, высушивающий деревья и землю, от которого вдобавок трескались губы и, казалось, оголялись все нервы, дул четвертые сутки, это начинало уже изрядно надоедать.

Щурясь от ветра, я вышел из машины и по тротуару направился к Хэмилтон-Билдинг. И вот тут-то над ухом просвистела пуля.

Никак не отреагировав на данный факт, я лишь механически подумал: что же такое могло просвистеть рядом с моей головой в тумане Лос-Анджелеса? Ведь в десять утра Бродвей переполнен людьми, спешащими в магазины, и клерками, выскочившими на минутку из контор выпить чашку кофе. А так как именно в это время огромный оранжево-зеленый трамвай, грохоча, проследовал на Четвертую улицу, я не услышал, как треснула витрина бара Пита, что рядом с Хэмилтон-Билдинг. Только шагнув вперед, заметил круглую дырочку в стекле и наконец все понял. Поэтому, когда вторая пуля пробила витрину над моей головой, я уже вполне осмысленно упал на четвереньки и нырнул в ближайший переулок.

Все заняло от силы пару секунд, но за эти пару секунд мне окончательно и бесповоротно стало ясно: кто-то решил превратить Шелла Скотта, частного детекти-

ва, блондина, предусмотрительного и хладнокровного, в труп длиной сто восемьдесят пять сантиметров.

Заметив двух или трех прохожих, смотрящих на меня вытаращенными глазами, я пополз вдоль какой-то кирпичной стены. Потом вскочил, сунул руку в карман пальто и вытащил свой револьвер тридцать восьмого калибра. Молодой парень, оказавшийся поблизости, как безумный прокричал что-то нечленораздельное и мгновенно исчез. Некоторое время я еще слышал удаляющийся топот его ботинок и вопли, которые он периодически издавал. Через полминуты топот и вопли стихли.

Это произошло так быстро, что я не успел ничего осмыслить. Прижавшись к стене с револьвером в руке, старался глядеть во все стороны сразу. Женщина средних лет, направлявшаяся к Третьей улице, вдруг замерла как вкопанная. Нет-нет, не закричала, не побежала — просто застыла, парализованная, очевидно, грозным видом моего револьвера. Да и моим собственным тоже. Двигался у нее только рот. Женщина раскрывала его, закрывала, снова раскрывала и опять захлопывала, точно старалась умять штук десять жевательных резинок сразу. Гм, вообще-то, сроду не думал, что я настолько ужасен, дабы вызывать подобные эмоции у дам.

Потом неподалеку остановился мужчина и тоже вылупился, словно на прокаженного. Но мне этот цирк уже надоел, и кивком револьвера я попросил обоих удалиться. Повтора не потребовалось. Однако и самому пора сматываться. Если кто-то хотел меня убить или просто пошутил столь оригинальным способом, все равно теперь он уже наверняка скрылся.

Мой «кадиллак» сиротливо стоял у обочины метрах в ста. Я набрался духу и, пригнувшись, как заяц дунул к нему. Больше никто не стрелял. Я с разбегу стукнулся о переднюю дверь машины и сел на корточки, не отводя глаз от витрины бара Пита. Вернее, от двух дырок в ней — вверху и внизу. Пули совершенно испортили Питу рекламу, а бутылка, стоявшая в витрине, разбилась, и виски разлилось по полке. Значит, стреляли с северо-восточной стороны Бродвея, возможно, из окон какого-то здания.

Продолжая пребывать на четвереньках, я стал открывать дверцу машины. Зеваки, столпившиеся на тротуаре, с интересом разглядывали меня, спрашивали друг у друга что-то насчет моего рассудка. Это было обидно, и будь я и вправду хоть каплю сумасшедшим, а они виновными в моих злоключениях, мне ничего не стоило бы быстренько уложить всех на месте. И хотя на миг в голову закралась мысль: а не слетел ли я правда с катушек, — то, что они ни при чем, сомнений не вызывало.

Юркнув в «кадиллак», я мертвой хваткой вцепился в руль. Всеми фибрами души ощущая неприятный озноб в области затылка, включил зажигание и помчался по Бродвею к северной части города. Справа высились дома, в одном из которых мог находиться стрелок. Допускаю, что он и сейчас обозревал пятачок, откуда я уехал. Или теперь следил за мной. В округе было пропасть укромных уголков, которые стоило бы обшарить, но я решил провести сперва «наружный досмотр».

Увы, минут через сорок, излазав весь квартал и задав кучу вопросов множеству людей, так ничего и не выяснил. Да в общем-то, и бесполезно было, конечно, надеяться отыскать именно ту пустую квартиру или контору с окнами на улицу, откуда стреляли, — существовал миллион домов, подъездов, закоулков, крыш и чердаков, где мог прятаться этот тип.

Когда я вернулся к Хэмилтон-Билдинг, там уже стояла полицейская машина, и коп разговаривал с какой-то женщиной. Другой полицейский, в штатском, мой знакомый сержант Дэнни Руссо, разглядывал следы от пуль в витрине Пита. Сам Пит грустно смотрел на разоренную витрину и качал головой.

Наконец Дэнни увидел меня.

— Привет, Шелл, — сказал он. — Будь осторожен. Похоже, в городе завелся опасный громила.

— Громила? — не понял я.

— Ну да. — Дэнни подошел к моей машине. — Какой-то негодяй шатается с пушкой по улицам и постреливает по сторонам!..

— Это я, — прервал я его страстную речь.

— Что — ты? — Он непонимающе уставился на меня, но я был спокоен, словно скала.

— Дэн, «негодяй» — это я. Я тут стал мишенью для какого-то идиота, ну и вытащил револьвер, да вот, кажется, нагнал страху на весь квартал.

Дэнни продолжал внимательно рассматривать меня, и по тому, как периодически хмурился, можно было предположить, что в голове его идет невероятно тяжелая работа мысли. Наконец обычно худое лицо Руссо растянулось в широкой улыбке.

— Ну-ну, Шелл! Конечно, Шелл! А что ты куришь?

— Дэн, я не шучу! Говорю тебе: в меня стреляли откуда-то сверху.

— Ты правда не шутишь, Шелл?

— Сейчас лопну от смеха, — вздохнул я.

Дэнни распахнул дверцу, сел рядом со мной и почесал переносицу.

— Дела-а-а! — пробормотал он. — А около дверей управления поймали странного человека, по-моему, чокнутого. Он заявил, что какому-то типу на улице стало плохо и он, грохнувшись на карачки, вытащил пушку и принялся палить во все стороны. Задержанный еле дышал, потому что бежал всю дорогу, пока его не остановили.

...Та-а-ак, ясно... Наверное, это тот парень, который умчался как лань при виде моего револьвера.

— У нас есть описание мужчины, у которого был приступ! — кричал тем временем мне в ухо Дэн. — По словам очевидца, у сумасшедшего с пушкой глаза были залеплены пластырем, он ростом не выше полутора метров, плотного сложения и лысый.

Клянусь, даже обиделся. Во мне метр восемьдесят пять босиком, я вешу почти девяносто килограммов и не ношу пластыря на лице. Правда, мои густые брови почти срослись на переносице и дугами обрамляют серые глаза, почти такие же светлые, как волосы, но пластырь?! Мне едва за тридцать, и я не лысый, а очень аккуратно подстриженный блондин.

Прокашлявшись, я торжественно сказал:

— Послушай, Дэн. Согласно или вопреки (как хочешь) твоему описанию, но, похоже, это был я. Когда ваш спринтер меня увидел, я просто вынужден был сложиться пополам на тротуаре, и не повторяй, ради бога, этих чудовищных примет, если надеешься здороваться со мной впредь.

— Но кто же стрелял в тебя, Шелл? — улыбнулся Дэнни.

— Понятия не имею.

— И никаких подозрений?

— Да говорю, не знаю! Я услышал свист пуль и сразу же упал на мостовую, чтобы чего не вышло. Признаюсь, падал довольно красиво.

— Давай-ка еще раз и поподробнее, — попросил Дэн.

Я дал. Рассказал то, что знал, но по глазам Дэнни видел, что столь скудные сведения его не особо устраивают. (Впрочем, меня они не устраивали совсем.)

— Но ты хоть приблизительно должен предполагать, кто бы мог за тобой охотиться, — заметил он. — Не валяй дурака, Шелл!

Я покачал головой:

— Да не валяю, Дэнни. Ей-ей, знал бы больше, обязательно сказал. Неужели думаешь, я сам в восторге от этой истории?

— Ну-ну. — Дэн важно похлопал меня по плечу: — Не бойся. Если кому-то и впрямь понадобилась твоя шкура, мы придем на помощь.

Утешив меня таким образом, он выудил из кармана пачку сигарет и, сунув одну в рот, вдруг посерьезнел:

— Кстати, Шелл, ты часом ничего не слыхал о Лобо?

Про Красавчика Лобо я прочел в утренней газете. Там писали, что он был найден мертвым в канаве за городом с тремя скважинами в голове. А поскольку мы с Лобо никогда не питали друг к другу особых симпатий, я счел пули в его черепе делом стоящим. С Красавчиком мы схлестнулись месяца три назад, когда я работал на Марти Садера, пожелавшего заиметь данные о доходах некоего букмекерского агентства. И хотя я не задавал лишних вопросов, Садер предупредил, что речь не о сведениях, которые можно получить, обратившись в само агентство или полицию. Еще дал понять, что не намерен светиться и потому решил пригласить человека со стороны, а я — лучший частный детектив, которого он нашел. «Не нужно льстить, мистер Садер», — ответил я тогда ему мысленно.

Правда, когда Садер, любезно улыбаясь, пригласил меня поужинать в ночной клуб «Нора» и там за роскошным пиршеством пообещал за исполнение поручения весьма недурной гонорар, мне сразу подумалось, что вряд ли смогу ему помочь. А значит, и себе тоже.

Но я старался изо всех сил. Старался-старался, однако так и не сумел раскопать ничего конкретного. Вот тогда-то и столкнулся с Лобо, который решил меня припугнуть. Я работал на Марти уже четыре дня, когда Лобо нашел меня, сообщил, что сую нос не в свои дела, и посоветовал заняться чем-нибудь иным, менее вредным для здоровья.

Я поблагодарил Красавчика за интерес к моей скромной персоне и продолжил собирать информацию, в связи с чем на следующем рандеву Лобо оказался уже менее галантен: начал угрожать, а в ответ на тезис, что мы имеем счастье жить в свободной стране, схватил меня за галстук и принялся трясти как грушу. Тогда я был вынужден сломать Красавчику большой палец на руке, и лишь после этого он меня отпустил.

Вслед за сим инцидентом в мой адрес понеслись оскорбления и угрозы, и наконец настал день, когда Лобо при встрече произнес глубоко запавшие мне в сердце слова: «Ты еще так молод, Скотт...» Фразу он не докончил, но я все понял, а он понял, что я все понял.

Хотя и не хотелось расставаться с жизнью, я продолжил свои розыски, но, увы, в некий прекрасный день вынужден был признать, что титанические усилия оказались напрасными: я не раскопал ничего стоящего и грустно доложил об этом Садеру.

Плату получил чисто символическую. Марти заявил, что не любит людей, которые его подводят. И никакие доводы — даже сломанный палец Лобо — не убедили Садера в том, что я не водил его за нос. В общем, дело то я оставил, однако встреть Красавчика еще раз — душу бы из него вынул, а постарался хоть что-нибудь разузнать. Ну а теперь, хвала всевышнему, он с тремя пулями в голове больше не стоял на моем жизненном пути.

Кстати, Лобо никогда не производил впечатления лица значительного, скорее — исполнителя чужих распоряжений. Но он был правой рукой Кольера Брида, человека очень влиятельного в Лос-Анджелесе. Брид был известен благодаря не только исключительно неспортивной фигуре, но и участию в куче законных и незаконных махинаций на Западном побережье. Поговаривали, что Брид представляет на Западе «Национальный консорциум», контролирующий деятельность рэке-

тиров в масштабах всей страны. Однажды ему даже пришлось предстать перед юридической комиссией Сената, но он сумел доказать там свою честность и порядочность делового человека, и никому не удалось доказать обратное. Лобо же, повторю, был связан с Бридом, и, размышляя об этом, я невесело думал о непредсказуемых последствиях своего конфликта с Красавчиком.

Примерно через неделю после того как я сломал Лобо палец, Брид, по слухам, в узком кругу заявил: «Если этот мерзавец Скотт снова сунется в мои дела, я его пришью». «Мерзавец Скотт» пришел тогда к двум выводам: во-первых, дела, в которые я «совался», оказались делами Брида, и во-вторых, я был ему совсем не симпатичен.

Дэнни с трудом прикурил от гаснущей на ветру спички, а я вздохнул:

— Мне действительно ничего не известно о Лобо, знаю лишь то, о чем писали газеты. А они писали только, что кто-то отправил Красавчика ad patres[1]. Ну и невелика потеря.

— Для добропорядочных обывателей Лос-Анджелеса, может, и невелика, — прищурился Дэнни, — но Брид будет страшно недоволен.

Я тоже зажег сигарету, глубоко затянулся и выпустил дым через ноздри не хуже самого Хэмфри Богарта.

— Да послушай, Дэн, почему это должно меня касаться? Еще час назад я вообще ни о чем понятия не имел!

— Ладно, Шелл, ладно. Но все равно странно, что ты даже не предполагаешь, кто в тебя стрелял.

Немного подумав, я снова вздохнул:

— Ох, Дэнни, есть немало ребят, которым я помог оказаться за решеткой, но сейчас они сидят, и с этой стороны опасаться некого. А что касается Лобо... У нас в свое время вышел небольшой инцидент, однако без последствий, история закончилась ничем: я не сумел собрать нужных клиенту сведений. Лобо же хотел, чтобы я провалил дело.

— Слыхал краем уха об этом, Шелл. Спустил то дело на тормозах?

— Да ты в своем уме, Дэн? Просто ничего не смог накопать. И, уж конечно, не я пришил Лобо.

— А вдруг стрелявший в тебя был и убийцей Красавчика?

— Не знаю, Дэнни, ей-богу, не знаю.

С минуту он странно смотрел на меня, потом тихо спросил:

— Тебе чем-нибудь помочь, Шелл?

Я замотал головой:

— Нет-нет! По крайней мере, не раньше, как что-то прояснится. Да и вообще, а вдруг это пальнула выхлопная труба?

Дэнни покосился на дырки в витрине.

— Ну ясно, труба, Шелл. А я-то и не догадался!

С самым счастливым выражением на физиономиях мы обменялись лучезарными улыбками. Я помахал на прощание ручкой Дэнни и остальным полицейским, затем вошел в подъезд и поднялся в лифте на второй этаж, где располагалась моя контора. Надпись на стеклянной двери гласила: «Шелдон Скотт. Сыскное бюро», и я вдруг подумал, что, возможно, через несколько дней тут может появиться имя нового владельца. Взбодренный такой лучезарной мыслью, отпер дверь и ступил в свою резиденцию. Под впечатлением последних событий машинально огляделся, словно ожидая кого-нибудь увидеть, но единственное место в кабинете, где в данный момент кипела жизнь, находилось на верху книжных полок, справа от входной двери. Именно там стоял аквариум с моими гуппи.

---

[1] Ad patres — к праотцам (*лат.*).

Гуппи — это рыбки, маленькие разноцветные тропические рыбки, похожие на картины сюрреалистов, радугу и овощной суп. Я подошел к полкам и нарочито бодро воскликнул: «Привет, гуппи!»

Наверняка со стороны это могло показаться идиотизмом, но в тот момент нервы действительно были на пределе. Гуппи же лениво шевелили хвостами, выпучив на меня свои круглые глаза, а некоторые хитрые самцы, не преминув воспользоваться появлением хозяина как отвлекающего внимание прекрасной половины населения аквариума фактора, лихо набросились на утративших бдительность подруг.

Измерив температуру воды, я опустил немного крабьего мяса в кормушку для взрослых рыб и кинул щепоть креветочной муки в зеленую ряску на поверхности воды — прибежище мальков.

Если у вас есть гуппи, то непременно есть и мальки гуппи. Как и люди, гуппи некоторое время проводят вместе, чтобы у них появились малыши. Но гуппи, в отличие от людей, развязывающих войны для поддержания стабильной численности населения, поступают проще: периодически поедают свое потомство. И ряска жизненно необходима малькам — прятаться. Эх, кабы и мы могли нырять в такую вот ряску!..

Еще пару минут я созерцал хватающих корм переливающихся рыбок, а затем приблизился к выходящему на Бродвей громадному окну и, глазея на прохожих, вспомнил опять о свисте пуль над головой.

Риск в нашей профессии — разменная монета. Я работаю частным детективом с конца войны, и на моем пути было уже много выстрелов. Один даже изрядно подпортил форму мочки левого уха, и до сих пор частенько приходится отвечать на дурацкий вопрос: «А что с вашим ухом, мистер Скотт?» Обычно говорю, что меня покусала в припадке страсти необузданная любовница. Рваное ухо плюс перебитый еще на Окинаве нос придают вашему покорному слуге достаточно грозный вид, но меня мало кто боится, хотя и на роль Адониса пока не приглашали.

Итак, повторюсь: в меня и раньше неоднократно стреляли. Но тогда я либо знал оппонента, либо приблизительно предполагал причину пальбы. В этот же раз, клянусь, абсолютно ничего не понимал.

Ежедневно в Лос-Анджелесе происходит несколько убийств. Но случай с Лобо выглядел неординарно. Газета, сообщавшая о смерти Красавчика, мало интересовалась личностью убитого; в гораздо большей степени ее занимали два других персонажа: пузатый босс Лобо и Марти Садер, давший мне однажды работу, в ходе которой мы сцепились с Красавчиком. Над этим стоило поразмыслить.

Раскручивая дело Садера, я из чистого любопытства навел справки о нем. Марти был предприимчивым и довольно преуспевающим дельцом, не особенно обремененным моральными принципами. Мне показалось, что и ночная забегаловка, где состоялась наша дипломатическая встреча, была одним из доходных предприятий Садера. Одним, но не единственным. Или же единственным законным.

В газетах прозрачно намекалось, что Марти пытался вторгнуться «на чужую территорию». И хотя журналисты напускали туману, из контекста можно было уразуметь, что речь о владениях Брида. И вот теперь, когда кто-то пришил его помощника, я явственно почуял назревающий в утреннем воздухе Лос-Анджелеса скандал. Разумеется, неофициальный. А тут еще Дэнни своими расспросами о Лобо навеял невеселые мысли, которые я тщетно пытался выкинуть из головы. Чего-чего, но оказаться замешанным в эту свару не было ни малейшего желания.

А вообще-то, убеждал я себя, такие фрукты, как Брид и Садер, уж наверное не обращаются к частным детективам для урегулирования своих отношений. И конфликт Садера с Бридом, и убийство Лобо навряд ли связаны с моим сегодняшним

приключением. Просто кому-то приспичило всадить в кого-то пару зарядов, а я там оказался случайно. И если действительно три месяца назад чуть не попал меж двух огней — Бридом и Садером, — то теперь просто надо быть поосмотрительнее, и все.

Я стоял у окна таким образом, чтобы кому-нибудь снова не пришло на ум сделать Шелла Скотта мишенью. И вдруг...

И вдруг я увидел девушку. Или женщину. Надо иметь богатое воображение и приличный словарный запас для описания ее по достоинству. Но если еще минуту назад я намеревался взять с книжной полки «Тропик Козерога» Генри Миллера, то теперь, заметив эту необычную особу, моментально забыл про Миллера.

На ней были темно-синие, какого-то мальчишеского покроя брюки и такой короткий голубой пуловер, что был виден живот. Девушка стояла на противоположной стороне улицы на пороге маленького магазинчика.

Черт ее лица я не видел, но разглядел огненно-рыжие волосы — нравятся мне такие, это о них поэт сказал «пылающая грива». Еще было заметно, что она стройная, да просто изящная, с возмутительно округлой грудью, и даже дурацкие брюки не могли скрыть ужасно аппетитного, простите, зада. Но и не будь эта девушка столь привлекательной, я все равно обратил бы на нее внимание — уж слишком странно она себя вела: постоянно вертела головой по сторонам, продолжая оставаться в дверном проеме магазина, где ее не было видно прохожим. Не исключено, что и ошибался, но, кажется, девушка посматривала на мое окно.

Очень скоро предположение переросло в уверенность. Сделав несколько нерешительных шагов и перейдя было улицу, она внезапно вернулась на исходный рубеж и опять уставилась на мое окно. Неслабо заинтригованный, я забыл об осторожности и покинул укрытие: стоял теперь прямо у подоконника.

Заметив это, девушка начала подавать какие-то знаки. От неожиданности у меня малость отвалилась челюсть. И внезапно, покинув свой наблюдательный пост, девушка вновь побежала через улицу, и грудь ее при каждом шаге подпрыгивала. Поистине умопомрачительная картина!

Движение на улице было интенсивное, однако она не обращала на машины ни малейшего внимания. Но они-то на нее обращали! Визг тормозов — и автомобиль замер в сантиметрах от девушки. Затем раздался глухой удар. Это другой автомобиль, резко затормозив, врезался в первый.

Она здорово испугалась — аж подскочила! — и замерла посреди улицы, прижав руки к груди. Мужчины в машинах так и впились в нее глазами, будто сроду не видели ничего подобного. Румяный толстяк даже наполовину вылез из своего авто и восхищенно присвистнул.

Я прекрасно его понимал. И сам сейчас с удовольствием присвистнул бы, однако вдруг вспомнил, что, высунувшись в окно, стану великолепной мишенью... Нет, чем глазеть неизвестно куда, лучше закрыть от греха подальше входную дверь на ключ, а потом... продолжить глазеть.

Но увы, эта гениальная мысль пришла в голову с явным опозданием. В тот момент, когда я отворачивался от окна, в двери уже стоял посетитель.

ГЛАВА II

Худой и хмурый человек лет сорока пяти. В правой руке он держал огромный пугач. Я знал это оружие — автоматический пистолет сорок пятого калибра, — но не знал этого мужчину и не имел ни малейшего желания знакомиться. А вот пришелец явно придерживался иного мнения.

— Ну, Скотт, — сказал он, — сейчас ты пойдешь со мной.

— Куда? И что все это значит?! — с апломбом воскликнул я.

— Да хватит, старик, — прервал он мою тираду. — Давай-ка, пошевеливайся, — и слегка поводил пистолетом на уровне моего носа.

Я сразу сделался более сообразительным. Ясно — кому-то что-то от меня нужно. Но, по крайней мере, убивать вроде пока не собираются — и на том спасибо. Черт с ним! Он победил, и пререкаться не стоило.

Держа руки на виду, дабы не нервировать гостя, я шагнул к нему. Когда расстояние между нами сократилось до метра, он предложил:

— Стой лучше там, Скотт. Грабли за голову, и только дернись! И не валяй дурака, — искренне посоветовал он, прицелился в мой галстук, а левой рукой вытащил у меня из-под мышки кольт. Засунув его себе в карман, кивнул на дверь: — Вперед!

Я не очень заторопился, и он повторил:

— Вперед! Или подремонтировать череп?

— Подожди! — всплеснул я руками. — Может, объяснишь, что происходит? Это ты в меня стрелял?

Визитер опять повертел пистолетом. В негодяе было не больше метра пятидесяти трех, но со своей пушкой он казался просто гигантом!

— У тебя проблемы со слухом, Скотт? — прошипел он. — А ну топай!..

Я несколько устал за сегодняшнее утро, и реакция была сейчас, наверное, похуже обычной, однако мне внезапно дьявольски захотелось расквасить этой сволочи морду. Но, хотя он стоял так близко, что, вытянув руку, смог бы его достать, я удержался от соблазна — парень был настороже. Эх, вот бы кто-нибудь или что-нибудь отвлекло его внимание!

От злости он заскрежетал зубами, и, моментально решив, что хватит испытывать судьбу, я взялся за ручку двери. И тут — о чудо! — послышался стук каблучков.

Коротышка тоже прислушался. Показалось даже, что он сразу стал еще сантиметров на тридцать ниже. Неужто удача? А каблучки все ближе...

— Подождем? — дипломатично предложил я.

Каблучки приблизились к моей двери и остановились. Вот кто-то осторожно взялся за дверную ручку, вот стал поворачивать...

И тут я вспомнил трюк, которому научился у приятеля — вышибалы в ночном клубе. Заведение пользовалось дурной славой, и ему порой приходилось выкидывать на улицу двух-трех подонков одновременно. Он говорил, что этот фокус еще ни разу не подводил: нагло смотришь в рожу первому, а бьешь второго, потом глядишь на третьего, а размазываешь нос первому. И в итоге, если лупить от души, на ногах остается всего один оппонент. Разумеется, предпочтительнее, чтобы уроды не имели оружия.

У меня был единственный противник, но, к сожалению, вооруженный. Продолжая за ним следить, пока медленно поворачивалась дверная ручка, я видел, как округлялись его глаза, и... И за секунду до того, как они наверняка вылезли бы из орбит или попросту лопнули, я, с абсолютно равнодушным видом отворачиваясь к стене, нанес левой рукой сильнейший хук в челюсть моего визави, моля господа, чтобы вся эта потеха не завершилась очередным траурным сообщением в газете.

Признаюсь, даже замер, ожидая выстрела, но его не последовало. И вообще, единственным более-менее громким звуком в комнате за эти пару секунд оказался стук моего кулака о челюсть коротышки, который мгновенно сомлел и начал плавно опускаться на пол, выронив пистолет.

Опускался он, наверное, минут пять. Я истомился в ожидании, так хотелось двинуть его еще и ногой по физиономии. Наконец он упал, но, увы, мне не суждено было исполнить финальный аккорд сладостной симфонии справедливого отмщения — дверь начала приоткрываться.

Нырнув в угол между стеной и дверью и высунув ногу, дабы не дать ей распахнуться слишком широко, я притаился в засаде, поскольку был уверен: это ломится та девица, которая только что так здорово перебегала улицу. В другое время, разумеется, ошалел бы от счастья, но сейчас ее визит был некстати, имелись дела поважней: очень надеялся, что незнакомец, распластавшийся на ковре, поможет прояснить, почему сегодня в беднягу Скотта ни с того ни с сего вдруг начали столь активно стрелять.

...А она была чертовски пикантна, эта малышка, когда, протиснувшись наполовину в комнату, вдруг остановилась, потому что вторую ее, так сказать, половину я зажал дверью. Замечательное зрелище! В левой руке она держала черную сумочку, обшитую красным шнурком, а под пуловером, как бицепсы атлета, воинственно проступали крепкие груди.

Задыхаясь, она прошептала:

— О-о-о, мистер Скотт!..

И я увидел ее лицо. Ей-ей, ничего прекраснее в жизни не видел. Рыжие волосы, в беспорядке разметавшиеся по плечам, оттеняли бездонную синеву глаз. А пухлые влажные губы я сразу решил поцеловать.

— О, мистер Скотт... — чуть не простонала она. — Слава богу, вы живы и здоровы!..

Я передумал целоваться. Я обалдел. «Слава богу, вы живы и здоровы...» Ничего себе!

— Милочка, — пророкотал почти отеческим тоном, — сейчас, честное слово, некогда, но если вы...

Однако девушка вовсе не собиралась слушать, а лихорадочно заговорила сама, и уже вскоре стало ясно, что она, в принципе, способна довести до белой горячки любого. Красивое лицо свело судорогой, синие глаза наполнились ужасом, и она говорила, говорила, говорила...

— ...они меня закрыли... Но я поднялась в подъемнике для подачи блюд и попала в ресторан «У Кларка»... А сюда пришла, как только...

— Где вас закрыли? В чем вы поднялись? Куда попали? — время от времени спрашивал я, но она точно не слышала и продолжала говорить.

— ...как только смогла... Я звонила много раз... Никто не отвечал... Я была так рада, когда увидела вас...

— Ну и чудно. Ну и не волнуйтесь, дорогая, — душевно сказал я. — Так о чем все же вы толкуете? Нич-ч-чего, знаете ли, пока не понял.

Девушка замерла, потом глубоко вздохнула и опустила голову.

— Простите, но мне было очень страшно. Вы...

В течение всей этой содержательной беседы я периодически посматривал на поверженного противника. Проследив за моим взглядом, девушка тоже увидела его и вскрикнула. Я решил, что ее испугал вид лежащего без чувств человека, но она не переставала удивлять.

— Что это... как... почему он здесь?..

Она даже попыталась убежать, но притиснутая дверью находилась всецело в моей власти.

— Э-э-э, нет, погодите-ка. Вас сюда, между прочим, никто не звал, — галантно протянул я. — Знаете его? Объясните же тогда, милая, по-человечески, что все это значит!

— Я... я не хочу, чтобы меня здесь видели, — всхлипывала девушка. — А он... он работает на Садера! Вам надо скорее от него избавиться!

— Конечно, детка, конечно. Но согласитесь, не могу же я, ну, например, выбросить его из окна, а? Так что произошло?

— Мне очень нужно кое-что сообщить вам! — воскликнула она.

— Да пожалуйста, и не нервничайте. Все наверняка не столь ужасно, как кажется. Послушайте, внизу, в этом же здании, есть бар, который называется «У Пита». Советую спуститься пропустить стаканчик. А я разберусь с этим типом и сразу приду. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась девушка. — Только, умоляю, поторопитесь…

Она задержалась еще на мгновение и быстро проговорила:

— Садер идет за вами по следу. За мной — тоже. Они хотят убить нас обоих. И это из-за меня, это я виновата…

Чувствуя, что вот-вот опять начнутся рыдания, я вытолкнул ее в коридор, а когда каблучки зацокали по полу, сам на пару секунд выглянул за дверь. И, клянусь, серьезность момента заставила меня весьма индифферентно понаблюдать за грациозным покачиванием закованных в синие брюки бедер.

«Убить нас обоих…» — вспомнил ее слова. Гм, даже так — не выяснить что-то, а прямо убить. Подумал, не связана ли эта история с некими моими делами, но в этот миг лежащий на полу человек начал постанывать. Тогда я захлопнул дверь, подобрал трофейный пистолет и вытащил у него из кармана свой кольт. Осторожно, чтобы не захватить гуппи, зачерпнул воды из аквариума и брызнул коротышке в лицо.

Он снова застонал и открыл глаза. Я взял его под мышки, проволок через всю комнату и бросил в кресло рядом с письменным столом. Подняв голову, он уставился тупым взглядом, а я шепнул ему на ушко:

— Задам пару вопросов. Не ответишь — отобью почки, чтоб лучше слышал! Зачем ты пришел? Кто тебя послал? Почему в меня стреляли?

Но единственное, что он смог, это высунуть кончик языка, глядя на мир с невыразимой тоской. Гм, девушка с огненно-рыжими волосами сказала, что этот подонок работает на Садера, но что же наводило на нее такой страх? В ее поведении было нечто беспокоящее меня, но я никак не мог сообразить, что именно, и никак не мог собраться с мыслями и ухватить это самое важное, самое главное.

Зло сгреб коротышку за борта пиджака и начал трясти как ореховый куст — голова его стремительно заплясала из стороны в сторону. Затем опять швырнул безвольное тело в кресло.

— Говори, скотина: кто тебя послал?

Его дыхание становилось все более прерывистым, а взгляд испуганным, но он по-прежнему безмолвствовал. Сильно захотелось еще раз съездить ему по роже, однако удержался. Когда парень щекотал мне бока своей пушкой, то казался очень грозным, но теперь он выглядел настолько жалким и беспомощным, что чуть ли не вызывал сострадание.

В общем, я не стал его бить, только поднес к носу кулак и сообщил, что ежели не заговорит в течение пяти минут, то будет жрать собственный галстук. Но бесполезно. Он лишь сопел, не проронив ни слова. Видно, чего-то или кого-то боялся. И тут я спохватился, что потерял уйму времени, а ведь надо еще встретиться с рыжей девушкой.

Со вздохом снял трубку, набрал номер отделения полиции, сообщил о присутствии в моем бюро вооруженного человека и стал ждать. «Пленник» в кресле все молчал. Я тоже.

Услыхав шум подъехавшей машины, пошел открывать дверь. Через минуту на пороге появились сержант Дэнни Руссо и двое полицейских.

Нахмурившись, Дэнни пристально смотрел на меня.

— С тобой не соскучишься. Ну что еще стряслось?

Я указал на кресло:

— Вот этому господину вздумалось прогуляться со мной, — и протянул Дэнни

конфискованный пистолет. — А чтобы я был посговорчивее, он принес эту игрушку. Случаем, не знаешь его?

Сержант бросил взгляд на полуживого коротышку.

— Как же! Он раньше уже сидел. Это Оззи Йорк, из окружения Марти Садера. А у тебя-то что общего с Садером, Шелл?

(Опять Садер! Значит, девушка не лгала, сказав: «Он работает на Садера». Но много ли правды в ее остальных словах?)

— Сам ничего не понимаю, Дэнни, — покачал головой я. — Этого типа в жизни не видел. — И добавил: — Может, все-таки заберете его?

Дэнни подошел к Йорку.

— В чем дело, Оззи?

Ответа не последовало.

— Только себе хуже сделаешь, если будешь молчать.

— Он будет молчать, — вмешался я. — Мне не сказал ни словечка.

— Посмотрим, — флегматично протянул Дэнни.

А мне страшно хотелось, чтобы они поскорее ушли. Я спешил. Поэтому, когда Дэнни защелкнул наручники на худосочных запястьях Йорка со словами: «Ну, поехали, Шелл», — я взмолился:

— Господи, извини, старик, но мне позарез надо в одно местечко! Езжайте, а я через часок подскочу.

Он удивился:

— Но, Шелл, ты ведь сам позвонил в полицию.

Я пожал плечами:

— Да мне же нужна была помощь! Как освобожусь, сразу дам официальные показания. Но сейчас, правда, страшно тороплюсь.

Сержант вздохнул:

— Ладно. Только обязательно сегодня. Комната сорок два, не забыл?

— Конечно, нет. Спасибо, дружище.

После их ухода я проверил кольт. Заряжен. Отлично, значит, мы оба готовы. Закрыл дверь на ключ и собрался отправиться в бар посмотреть, как там моя дорогая рыжая истеричка. Надеюсь, пришла в себя. Час назад, в бюро, я был слишком занят другим и потому не очень вник в смысл всех ее слов. Но вот что люди Садера запросто могут меня ухлопать, и из-за этой огненноволосой девицы в том числе, — это усек железно.

В Хэмилтон-Билдинг была огромная дверь, которую открывали по утрам. Я уже стоял у порога, когда увидел на полу маленький черно-красный предмет и понял, что это, раньше, чем наклонился его поднять. Та самая черная сумочка, обшитая красным шнурком. Ее сумка.

Дрожь пробежала по спине. Хотя стоп, она ведь могла ее просто уронить. А может, это и не ее сумка, мало ли в Лос-Анджелесе похожих сумок. Тем не менее, я поспешил в бар.

За столиками не было ни одного посетителя. Сам Пит от нечего делать меланхолично протирал стойку. Я поздоровался и спросил:

— Пит, а где девушка, которая недавно заходила к тебе? Такая… рыжая.

Пит радостно бросил елозить тряпкой по стойке и помотал головой:

— Не видел никакой девушки, Шелл.

— Ты уверен? — заволновался я. — Это жутко важно. Вспомни: у нее длинные рыжие волосы, синие брюки, очень стройная… ну и вся такая…

Пит странно посмотрел на меня:

— Да что с тобой, Шелл? Сегодня с самого утра не было ни единого клиента. Дела хуже некуда, да и вообще…

Но я его уже не слышал. Я убегал.

ГЛАВА III

Швырнув сумку на заднее сиденье, я резко рванул с места, но у первого же перекрестка попал в пробку. И лишь тут сообразил, что понятия не имею, куда и зачем еду. Свернув к тротуару, достал сигареты, закурил и от собственного бессилия начал крыть себя самыми ужасными словами, какие только вспомнил. Особенно злило, что чувствовал: иду по ложному следу и где-то допустил большую оплошность, хотя и не знал, где и какую. А потому первое, что сейчас необходимо, — успокоиться и рассудительно выяснить, в чем же моя ошибка.

Но впрочем, один прокол налицо: зря я отпустил девушку. Едва она сказала: «Они хотят убить нас обоих», нужно было связать эти слова с утренним салютом в мою честь и хорошенько допросить ее.

И вдруг волосы на голове поднялись дыбом: девушка не сказала, что хотят убить ее. Она сказала — нас. Значит, и сама замешана в этой истории. А как испугалась, увидев Йорка! Раз испугалась, следовательно, не исключено, его знала. А раз знала его — знала и других.

А другие, разумеется, были — неужто Оззи отправился на дело в одиночку? Напарник мог ожидать в подъезде, на улице или в машине. А требование Оззи пойти с ним не стоило понимать буквально — вряд ли бы мы стали гулять по улицам пешком. Конечно же, неподалеку был автомобиль, и наверняка за рулем сидел водитель. Оззи занялся бы моей персоной, а водитель доставил нас куда следует — все просто и логично.

Глубоко вздохнув, я вытряхнул на сиденье содержимое сумочки. Рассеянно просматривая разбросанные вещи, думал, что надо же ухитриться быть в тридцать лет таким болваном, и если меня сегодня не пристрелили, то только благодаря неплохой реакции, но никак не уму.

Вообще-то, я не жалуюсь на здоровье, но если не выпью утром несколько чашек кофе, туго включаюсь в ритм своей обычно суетной жизни. Нынче же вышел из дома не вполне проснувшись и отправился в бюро. А потом произошло множество всяких событий, и так стремительно, что я просто не поспевал за ними. Да и теперь, вроде уже совсем пробудившись, по правде сказать, понятия не имел, что делать дальше.

В сумочке оказался стандартный набор женских безделушек: губная помада, расческа, пудреница и прочая ерунда. А еще чек на имя Айрис Гордон, подписанный Марти Садером. Удостоверение личности и страховой полис также принадлежали мисс Гордон, а из водительских прав я узнал, что рост ее сто шестьдесят пять сантиметров при пятидесяти семи килограммах веса (отличное соотношение!), что ей двадцать пять лет и она не замужем (кстати, я тоже свободен). В удостоверении личности прочитал адрес: Голливуд, Де-Лонгпре-авеню, Колдуэлл-Билдинг, квартира семь.

Сопоставляя известные факты и размышляя об утренних событиях, я понял, что не желаю оказаться в итоге с продырявленной головой. Очень хотелось снова увидеть негодяя Оззи, ведь он связан с теми, кто пытался меня убрать. И рыжая Айрис наверняка знала его хозяина, раз собиралась предупредить о грозящей опасности. Следовательно, из всех жителей Лос-Анджелеса мне были известны два человека, которые могли бы объяснить, почему в меня стреляли: Оззи Йорк и Айрис Гордон. Правда, в отличие от Айрис, у мерзавца Оззи не было ни малейшего желания со мной разговаривать. Но, впрочем, сейчас их обоих все равно рядом нет.

Бросив сигарету, я вылез из машины и пошел к телефонной будке. Позвонив в полицию, услышал от Дэнни, что Оззи по-прежнему молчит, и предупредил сержанта о вероятной связи Йорка с теми, кто изуродовал Питу витрину. Повесив

трубку, решил: пусть Оззи занимаются копы, а я должен отыскать Айрис. Может, у кого-то и были с ней свои счеты, но меня интересовали собственные враги и то, что она о них знала.

Еще раз взглянув на адрес в удостоверении личности, включил зажигание. Конечно, найти девушку необходимо, но я уже наделал сегодня немало глупостей и, прежде чем браться за поиски, решил побольше разведать об этом прелестном создании.

С такими мыслями и поехал на Де-Лонгпре-авеню. Квартира под номером семь была на втором этаже. Подошел к двери и постучал.

Разумеется, вряд ли Айрис дома, но я не предполагал, что в квартире есть кто-то еще, и потому в некотором роде удивился, когда дверь скрипнула и на пороге нарисовалась босоногая девица, одетая в одну лишь пижамную куртку. Выглядела девица просто сногсшибательно!

Нет, это была не Айрис Гордон, эта девушка была крупнее и шире в плечах и бедрах. Ее лицо казалось каким-то необычным, но в то же время очень привлекательным, хотя чем именно, я даже не мог понять. Она слегка приоткрыла дверь и вопросительно посмотрела на меня.

— Здравствуйте, — сказал я максимально учтиво. — Мое имя Шелл Скотт. Могу я увидеть Айрис?

— Нет.

И хотя это «нет» прозвучало относительно любезно, чувствовалось, что продолжать разговор ей не хочется. Взгляд у девушки был холодный.

Похоже, надо представиться поподробнее.

— Я — частный детектив. У Айрис... мисс Гордон есть недоброжелатели. Это настолько серьезно, что мне пришлось вмешаться в ее дело, и надеюсь... гм... быть может...

— Вот как? Так вы ее друг?

Я замялся.

— Вообще-то, нет... По правде говоря, рассчитывал узнать что-нибудь о мисс Гордон. Хочу разыскать ее, понимаете? Я думаю, она...

И замолчал. Хотел соврать, что, возможно, Айрис похитили с целью выкупа, но эта уловка показалась наивной, и я выпалил другое:

— Айрис собиралась сообщить мне что-то очень важное, но неожиданно исчезла. Боюсь, как бы с ней не случилось беды.

Девушка в пижамной куртке нахмурилась, немного подумала, а потом широко распахнула дверь:

— Войдите, мистер Скотт.

Наверное, при иных обстоятельствах, видя на лице привлекательной особы волнение, я первым делом постарался бы поскорее запереть дверь и успокоить ее. Но в данной ситуации, увы, пришлось смиренно проследовать за ней и приземлиться на стул, на который она указала. Эту девицу ни капли не смущала ее одежда, точнее, отсутствие оной, и держалась она непринужденно, в то время как мои глаза то и дело лезли на лоб. Слава богу хоть пижамная куртка была ей великовата, отчасти скрывая, так сказать, верх весьма соблазнительных бедер.

Очевидно, до девушки наконец дошло, что я уже близок к инфаркту. Улыбнувшись своими страшно чувственными губами, она спокойно произнесла: «Извините», — и вышла из комнаты.

Я смотрел вслед. Ступала она медленно, грациозно, и в такт каждому шагу бедра ее плавно покачивались. Да, эту девушку нельзя было бы назвать изящной, скорее, наоборот. Нет-нет, она не была толстой, ничуть. Она была какой-то... статной, с пышными округлыми формами и высокой грудью. А на каблуках была бы ростом почти с меня.

Когда хозяйка вернулась, к пижамной куртке добавились черная юбка и шлепанцы. Как в начале знакомства, так и теперь на лице этой эффектной дамы ни следа косметики.

Усевшись на диванчик напротив меня, она спросила:

— Так что вы хотите узнать, мистер Скотт?

Я откашлялся и пробасил:

— Сперва хочу убедиться, что мы говорим об одном и том же лице. У мисс Гордон рыжие волосы, и она довольно симпатичная. А во что она была одета?

Мгновенный ответ:

— Айрис уходила из дома в синих брюках и голубом пуловере.

— Это действительно она, — кивнул я. — Мисс Гордон живет здесь?

— Да, мы живем вместе и обе работаем в ночном клубе.

Кажется, догадался, в каком именно, но для верности уточнил:

— И он называется?..

— «Нора».

Так и думал. «Нора». Заведение Мартина Садера. Дьявол, все нити вели к этому человеку. Надо как можно скорее увидеться с ним.

...Вспоминая нашу первую с Садером встречу, я постарался воссоздать ее детали. Вход в клуб был необычным, что, впрочем, только привлекало туристов: нужно было пройти метров двадцать по узкому переулку, разделяющему Шестую и Седьмую улицы, и там находилась дверь, ведущая к лифту, в котором посетители спускались в «Нору». Нечто подобное я встречал в некоторых кабаках Сан-Франциско.

Лифт был медленный. На глубину около двадцати метров он опускался целую минуту — и вот вы словно оказывались в преисподней. В «Норе» не было ни игровых залов, ни отдельных кабинетов — заурядный ночной клуб, однако атмосфера его позволяла чувствовать себя абсолютно изолированным от городского шума и суеты.

Вообще-то, это заведение не было известным, да и кухня не отличалась изысканностью блюд, но в клубе выступали занятные девочки, одну из которых я сейчас с интересом рассматривал. Между прочим, тогда, при встрече с Марти, не обратил на нее внимания — а зря.

— Скажите, владелец «Норы» — Садер, да? — спросил я ее.

— Да, Марти Садер. Клуб принадлежит ему.

— Простите, а ваше имя?

— Миа, — улыбнулась она и пожала плечами: — Фамилию не называю, все равно правильно не произнесете. Я итальянка.

— А когда вы видели мисс Гордон в последний раз, Миа?

— Ну, точно не скажу. Утром, я еще валялась в постели. Айрис предупредила, что идет за чеком, который забыла накануне.

— Чеком? Из «Норы»?

— Да. По понедельникам клуб не работает, и нам платят в воскресенье. Она забыла его вчера и, прежде чем пойти, позвонила в «Нору».

— Да-да, понял...

Однако на самом деле пока я мало что понял, хотя в голову вдруг пришла мысль. Достал найденную сумочку и вытащил оттуда чек.

При виде сумочки по лицу Миа впервые за все время пробежала тень беспокойства. Нахмурив брови, она резко спросила:

— Где вы ее взяли? Похожую недавно купила себе Айрис.

— Это ее сумка, — подтвердил я.

И, решив честно рассказать, что случилось, посвятил Миа в некоторые подробности, а закончил так:

— Айрис исчезла. Я случайно нашел сумку и из документов узнал адрес. Сюда же явился в надежде отыскать мисс Гордон.

Миа порывисто вскочила с дивана и нервно заходила из угла в угол. Через минуту снова села, возбужденно покусывая пухлые губки.

— Вам известно что-либо о причинах этих странностей? — спросил я.

— Ничего! — отрезала Миа. — Не понимаю, что происходит.

— Но может, вы кого-то подозреваете? — гнул я свое. — Ведь кто-то же хочет убить ее или нас обоих…

Она отрицательно покачала головой:

— Никого. А вообще-то, знаете ли, все это не слишком правдоподобно.

— Конечно, не слишком, — согласился я. — Только это почему-то становится опасным. Когда Айрис Гордон пришла ко мне, чек уже был у нее. Вы сказали, что сегодня не работаете. Значит, клуб закрыт?

— Как всегда по понедельникам.

— А не кажется ли вам это несколько необычным?

Она на секунду задумалась.

— Да, пожалуй… Обычно большинство подобных заведений не имеют выходных. Хотя я работала и в клубах, которые бывали закрыты не день-два в неделю, а чаще. Все зависит от хозяина.

Естественно, Миа права: в том, что ночной клуб Садера не работал по понедельникам, нет ничего криминального. И я продолжил:

— Вы сказали, что Айрис забыла вчера чек, а сегодня утром позвонила в клуб. Так с кем же она говорила?

Миа снова пожала плечами:

— Над этим я как-то не задумывалась. Ну, может, сам Марти или кто-то еще там был. Наверное, Марти. А поговорив по телефону, Айрис заглянула в спальню и сказала, что идет за чеком.

Разумеется, все это выглядело донельзя тривиально: одна, извиняюсь, артистка ночного клуба утром нежится в постели, а другая уходит за забытым чеком. Однако как же все-таки выяснить, почему некто вдруг возжаждал моей крови и зачем была похищена Айрис Гордон?

Я почесал затылок.

— Разок мне довелось побывать в «Норе». Это тот клуб, что расположен в переулке, и попасть туда можно, спустившись в лифте, верно?

Миа опять утвердительно кивнула.

— И это единственный вход в клуб?

— Единственный, которым обычно пользуются. Правда, имеется еще лестница, выходящая на Шестую улицу, но ее дверь всегда заперта, запасный выход. — Девушка подняла бровь: — Это подозрительно?

— Все возможно, — хмыкнул я. — Ну да ладно, а чем вы и мисс Гордон занимаетесь в клубе?

— Участвуем в представлении.

— Неужели? Но месяца три назад в «Норе» я вас не видел.

— Я там около двух месяцев. А вот Айрис работает уже полгода, она поет. Ну, а я… — Миа улыбнулась: — Я танцовщица…

Гм, не очень-то она походила на танцовщицу, во всяком случае, классического типа. Но, представив Миа на сцене, сразу понял, что танцующей она понравилась бы мне еще больше, чем сидящей на диване. Глядя на Миа, опять подумал, что ее лицо кажется каким-то неординарным. А поразило оно меня уже в тот момент, когда девушка открыла дверь.

Нет, Миа не была красавицей в общепринятом смысле, однако от нее словно исходил некий… шарм, что ли. И хотя порой блеск черных глаз казался дикова-

тым, а под спокойным выражением лица, очевидно, скрывались бурные эмоции, возможно, и примитивного характера, она была настолько притягательна, что вызывала неодолимое желание, извините, завалиться с ней на какую-нибудь очень широкую кровать. При взгляде на Миа вам сразу начали бы мерещиться кровавые языки пламени ритуального костра и гулкие удары тамтамов в джунглях, а необычные глаза и не слишком цивилизованный облик довершали картину.

Также удивлял ее голос. Казалось, он должен был соответствовать такому пышному телу, но говорила Миа тихо, приглушенно, как ветер шелестит травой в прерии. Видите, даже я сбился на лирику, однако, разговаривая с ней, и правда сам чуть ли не перешел на шепот.

Она сообщала то, что знала, отвечала на вопросы, потом молча смотрела на меня. Ее взгляд не был ни дерзким, ни надменным. Я — здесь, она — смотрит на меня. И все, не более того. Но взгляд этот был настолько притягателен, что в какой-то момент мне даже захотелось задернуть шторы. Чтобы стало темно, чтобы она меня не видела.

И вдруг я понял, что мы молчим и пристально рассматриваем друг друга уже минуты три. Что-то внезапно произошло между нами... Да нет, не то, что вы вообразили. Напротив — нечто мрачное и тяжелое витало теперь в воздухе этой комнаты и сжимало до спазм горло.

— Мне пора, — хрипло каркнул я. — Больше ничего не добавите?

— К сожалению, нет, — покачала головой Миа.

Я поднялся.

— Спасибо за информацию. Надеюсь, она пригодится.

Девушка тоже встала.

— Пожалуйста, держите меня в курсе ваших дел, мистер Скотт. Если бы можно было действительно чем-нибудь помочь... — Она запнулась. — Мы близкие подруги, и я очень люблю Айрис...

— Хорошо-хорошо, Миа. Я обязательно вам позвоню.

И ушел. Миа даже не проводила меня до двери. Она стояла возле дивана и смотрела мне вслед. Не зря, не зря я встретился с ней!

ГЛАВА IV

Повторюсь: от Миа я ушел убежденный, что не зря познакомился с ней. Помимо удовольствия от общения с пленительной девушкой, и правда кое-что узнал. Ну, например, то, что Айрис Гордон работала в «Норе» у Садера. И что, позвонив в клуб, она отправилась за чеком...

Разрозненные обрывки того, что уже стало известно, постепенно выстраивались в логическую цепочку, но, увы, выводы оказывались малоутешительными. Сперва в меня стреляют на улице; затем один из парней Садера угрожает револьвером; Айрис Гордон встречается со своим хозяином и вскоре, полумертвая от страха, прибегает ко мне предупредить об опасности. Ну а из этого прямо вытекает, что Марти Садер причастен к исчезновению Айрис и похищена она, похоже, напарником Оззи Йорка.

Мне очень не понравились собственные рассуждения: если они хотя бы в общих чертах верны, значит, я, сам того не ведая, здорово вляпался в некое темное дело. Но в одном убежден был твердо: девушка по имени Айрис Гордон хотела мне помочь, и найти ее нужно как можно скорее — лишь она знала, чего не знал больше никто. Хотя с другой стороны — я, едва разыщу Айрис, скорее всего, угожу в лапы Садера и его компании.

Потом в какой-то миг вдруг показалось, что все эти догадки и предположения

неразумны и беспочвенны. Но, тем не менее, действовать надо осмотрительно, и, остановив машину у Николс-Каньон-Роуд, остаток пути я проделал пешком.

До того как поехать сюда, я позвонил Дэнни. Йорк все молчал, только требовал адвоката. М-да-а, Оззи вряд ли расколется, даже если и знает, куда подевалась Айрис. Итак, единственный человек, у которого можно получить нужные сведения, — сам Марти Садер. В справочнике нашелся его адрес: Марти жил в Голливуде, тогда как «Нора» находилась в самом центре Лос-Анджелеса. Ладно, начнем с дома.

Отправляясь к Садеру, я ощутил пробежавший по спине неприятный холодок. Чувство тревоги, повторяю, не покидало с утра, с того момента, когда над головой просвистели пули, но сейчас стало совсем уж невесело.

Николс-Каньон-Роуд причудливо извивалась меж разбросанных в северной части Голливуда холмов. Несколько домиков теснились на самых их верхушках, другие, как гнезда ласточек, прилепились к обрывистым склонам.

Резиденция Садера была несколько на отшибе от остальных домов. Место удачное: земля ровная, просторная зеленая лужайка, а по краям участка спускались вниз крутые склоны. От их подножья казалось, что дом стоит на вершине кукольной горы.

Подойдя ближе, я увидел большое двухэтажное деревянное здание. Не сказать чтобы оно отличалось изысканностью дизайна и архитектуры, но, выкрашенное в белый цвет, еще издали привлекало внимание. Одно крыло выходило на север, другое — на юг. Плоская крыша словно прочерчивала по небу четкую горизонтальную линию. В доме было комнат двадцать, не меньше. Зашторенные окна, расположенные чересчур близко друг к другу, напоминали бойницы, да и весь особняк казался приземистым и похожим на крепость. Нет, я бы не согласился тут жить.

Дом стоял метрах в двадцати от дороги, к нему вела узкая тропинка. В мои планы не входило торжественное появление с парадного входа, и я нашел лаз в живой изгороди из обрамлявших лужайку кустов. Вытащив из кобуры кольт, сунул его в карман пиджака — с Садером надо быть начеку. Подойдя к двери, позвонил. Ни звука в ответ. Постучал. То же самое.

Признаюсь, меня снова пробила нервная дрожь, но все-таки решился: медленно повернул дверную ручку. И представьте — дверь открылась.

«Ну, Скотт, и что ты собираешься делать дальше?» — подумал я, хотя уже твердо знал: войду в дом. И, кстати, еще я знал: ежели вдруг окажется, что Садер не имеет отношения ни к моим, ни Айрис злоключениям... Но нет, нет, этого не могло быть!

Распахнул дверь и вошел. В тесной прихожей только допотопный платяной шкаф, а по обе его стороны — две двери. Старая лестница вела на второй этаж. В доме стояла гробовая тишина.

Минут за десять я обследовал все внизу: комнаты, библиотеку, столовую, кухню, ванную. Айрис нигде не было. Вернувшись к лестнице, подумал: выдержит ли она мои восемьдесят с лишним килограммов? А еще подумал, что дом — сущая развалина, и осторожно ступил на лестницу, держась за перила, покрытые, между прочим, толстым слоем пыли.

Наверху — длинный коридор. С правой стороны он заканчивался окном, слева упирался в дверь. А ведь за этой дверью вполне могла ждать засада.

Но нет, по-прежнему не слышно ни звука, и я уже пожалел, что не поехал сразу в «Нору». Однако раз уж влез в эту развалюху, надо обшарить ее снизу доверху: может, Айрис все же здесь.

Сперва осмотрел комнаты, расположенные по фасаду, и, честное слово, всякий раз, когда очередная дверь резко распахивалась от удара моей ноги, ожидал нападения. Но пока везде было пусто.

Уф-ф-ф, добрался до конца коридора и приоткрыл последнюю дверь. За ней была площадка с лестницей, похоже, ведущей на крышу. Взобравшись по ветхим ступенькам, я оказался на захламленном, пыльном чердаке с дрожащими под ногами старыми балками. Чердак тоже был пуст.

Тогда я спустился вниз и вошел в одну из двух расположенных по соседству спален. Не узрев ничего экстраординарного, кроме незастеленной кровати, заглянул во вторую спальню.

Безусловно, здесь жила женщина, о чем говорили маленькие безделушки, расставленные на трюмо, и множество расшитых бисером подушечек на кровати, на диване, в креслах. Загляделся на висевший на стене пейзаж, когда... раздался выстрел.

Как ужаленный я отпрыгнул вглубь комнаты и замер, а через несколько секунд все-таки решился подойти к открытому окну. Но только сделал шаг, прогремел второй выстрел. Во время третьего я был уже у окна и тут вдруг понял, что это какие-то... «спокойные» выстрелы — методичные и одиночные, словно кто-то упражняется в тире.

Высунувшись из окошка, увидел внизу зеленую лужайку и некое подобие сарая, сразу за которым начинались густые заросли кустарника, а еще дальше виднелась гряда покрытых лесом холмов. Метрах же в пятидесяти от дома в тени огромного дерева я заметил женщину довольно неопределенного возраста в костюме для верховой езды. Она сидела в кресле и держала в правой руке маленький блестящий пистолет. В данный момент эта особа целилась — похоже, в мишень, находящуюся прямо под окнами дома. Потом она снова выстрелила.

Но куда же стреляла эта оригинальная женщина? Может, замыслила разрушить старый, дряхлый дом? Шутки шутками, однако мне почему-то показалось, что четыре-пять точных выстрелов по каким-нибудь там перекрытиям — и этой хибаре конец. Мне, естественно, тоже.

А в левой руке женщины был стакан. Пальнув еще разок, она бросила пистолет на столик и поднесла стакан к губам. Выпив его содержимое, швырнула стакан на землю и принялась перезаряжать свое оружие. Патроны брала из коробки на столике.

Подумав, что передо мной сумасшедшая, я решил это проверить. Крадучись, выбрался из дома и попытался спрятаться за деревом, так, чтобы я ее видел, а она меня нет. Но она увидела меня сразу и, сколь ни странно, дружески помахала пистолетом (сроду не предполагал, что оружием можно размахивать дружески). Ну и ничего не оставалось, как покинуть свое укрытие и по возможности сердечно-сердечно крикнуть:

— Здравствуйте!

— Привет! — отозвалась она совершенно бесцветным голосом. Такие обычно бывают у пьяниц.

Я приблизился. Да, пила новая знакомая явно не кока-колу.

Помолчав, она поинтересовалась:

— Вы кто?

Женщина сидела с пистолетом в руке и, как-то помаргивая, смотрела на меня. Совсем еще не старая, лет сорока, дама, которая, увы, стремилась выглядеть на двадцать. Но эти усилия были не только безуспешными, они даже вызывали вдобавок весьма неприятное чувство — представьте, если бы Медуза Горгона, внезапно решив похорошеть, поотрубала всех своих змей, оставив кровоточащие обрубки. Впрочем, про Медузу я, конечно, загнул, эта безумная отнюдь не являла собой такое уж мерзкое зрелище, но выглядела, конечно, довольно экстравагантно.

Ее жидкие волосы были собраны в некое подобие хвоста, а нелепым одеянием она невольно обращала на себя излишнее и незаслуженное внимание — брюки для

верховой езды придавали бедрам вовсе не свойственную им округлость. Может, эта женщина когда-то и ездила верхом, но теперь сама здорово походила на лошадь.

«Вы кто?» — спросила меня она, и я вроде бы ухитрился ответить, не назвав имени да еще вдобавок соврав:

— Один из друзей мистера Садера. Скажите, пожалуйста, он дома?

— Понятия не имею! — Женщина передернула плечами. — Я всего лишь жена этой скотины.

Та-а-ак, она явно недовольна своей судьбой, хотя и Марти наверняка тоже вряд ли был в восторге от этакой супруги.

— Значит, вы его жена? — переспросил я.

— Да, и…

Она вдруг замолчала, вглядываясь вдаль. Я тоже обернулся, но кроме неба ничего не увидел. Стало не по себе.

— Здравствуйте! — как можно вежливее начал по-новой, но женщина продолжала куда-то смотреть блуждающим взором.

— Миссис Садер, вы здесь?! — отчаявшись, воскликнул я.

Наконец она, опять часто заморгав, уставилась на меня.

— Вы миссис Садер, верно? — сделал я еще одну героическую попытку штурма твердыни.

— Естественно, миссис Садер. — Она, слава богу, кажется, вновь вернулась на грешную землю! — А вы кто такой?

(Ну? Врать дальше? Хотя почему бы не назвать этой сумасшедшей свое настоящее имя? Все равно тут же забудет.)

— Меня зовут Шелл Скотт, мэм. Марти дома?

— Нет, — отвечала она равнодушно.

— А когда вернется?

— Когда ему заблагорассудится.

— Благодарю вас, — кивнул я. — Тогда мне уже пора… А не скажете, где сейчас ваш муж, миссис Садер? Он очень мне нужен.

Миссис Садер наклонилась за валявшимся стаканом (к нему прилипли травинки и кусочки земли), потом взяла со стола бутылку и наполнила стакан, долив до краев воды из кувшина. Ну а потом залпом выпила все — виски, воду, траву, землю — и снова вперила взгляд в меня.

Между прочим, на столике у нее был разложен целый арсенал: три ствола, один из которых огромный-огромный, никогда не видел подобного. Эта пушка смахивала на стартовый пистолет, какие используются на морских регатах. В Штатах такое оружие, по-моему, не производят, привозят из-за границы либо делают на заказ.

Кроме этой мортиры под рукой миссис Садер были автоматический пистолет сорок пятого калибра и револьвер тридцать восьмого, включая и малыша двадцать второго калибра с хромированной инкрустированной перламутром рукояткой, который женщина не выпускала из рук.

— Вы спросили, где Марти? — нахмурилась она. — Вроде сказал, что поедет в клуб, но держу пари, соврал, небось у своей потаскушки или где-нибудь пьет. И вообще, он такое дерьмо! — Громко икнула. — Так как, забыла, вас зовут?

— Скотт, миссис Садер. А когда Марти ушел?

— Не знаю, кажется, рано. Но ночевал сегодня здесь.

— Ну что ж, спасибо, — вздохнул я. — Пожалуй, пойду.

Она улыбнулась:

— Выпить хотите?

— Благодарю вас, нет! — испугался я и повернулся, чтобы взглянуть, куда же все-таки миссис Садер стреляла с таким прилежанием.

Гм, удивить меня трудно, но тут... К стене дома были подвешены четыре вязанки сена, наверняка предназначавшегося для лошадей, если только его не ела сама миссис Садер. Сено болталось прямо под окном той спальни на втором этаже, где я находился, когда услыхал выстрелы, а рядом... Рядом висел огромный портрет Трумэна. На земле валялись клоки выбитого пулями сена, и следы от этих пуль были видны на свежевыкрашенной стене.

— Неплохо развлекаетесь, сударыня, — заметил я.

Миссис Садер мрачно огрызнулась:

— Как умею!

И мне вдруг стало отчаянно жаль эту одинокую, несчастную женщину. Решил сказать ей хоть что-нибудь хорошее и воскликнул:

— А здорово вы отделали беднягу Трумэна! Но почему именно его?

— Потому что я республиканка!

Она зарядила свой маленький пистолетик, прицелилась и нажала на курок. Пуля подняла фонтанчик земли в полуметре от Трумэна.

Довольно! Больше здесь делать нечего. Вежливо пожелал бедной миссис Садер всего доброго, и она на прощанье даже еще раз улыбнулась. Сухая былинка прилипла к верхней губе. Это не сильно ее украсило, но и не показалось неприятным. Былинка была почти такого же цвета, как ее кожа.

...Я шел к «кадиллаку», повернувшись к дому спиной, и видел, как при каждом новом выстреле мой верный друг вздрагивает вместе со мной.

ГЛАВА V

Оставив машину на Олив-стрит, я прошагал метров сто по Седьмой улице и свернул налево. Здесь между обувным магазином и рестораном начинался переулок, который вел к «Норе». У двери лифта я остановился.

Со стороны какому-нибудь прохожему могло показаться, что вот, рассеянный завсегдатай «Норы» забыл, что нынче понедельник, клуб закрыт, и теперь думает, чем же заняться. Но кто бы знал, чего стоило это внешнее спокойствие — ведь сейчас всего двадцать метров шахты лифта отделяли меня от логова Садера. Было тихо, лифт не работал.

Я старался вспомнить расположение помещений «Норы». Кажется, дверь из лифта вела сразу в зал, где стояли столики. Справа, вдоль стены — стойка бара, а по левую сторону скрывались отдельные кабинеты. Гардероб, офис, прочие подсобные помещения размещались за кабинетами, а прямо перед входом — эстрада для оркестра и танцевальная площадка.

Пока гипнотизировал дверь лифта, пришла мысль, что если Марти и в самом деле похитил Айрис, то, не исключено, спрятал ее в другом месте, не обязательно в клубе. Хотя, разумеется, только у себя дома или в «Норе» Садер мог творить что угодно безо всякой оглядки, и, поскольку дома его не было, скорее всего, он здесь, возможно, и Айрис тоже. А если это так, вряд ли Марти придет в восторг от нашей встречи.

Вспоминая немногое, что успела рассказать Айрис, я внезапно чуть не подпрыгнул — «подъемник»! Айрис говорила о подъемнике, которым воспользовалась, чтобы подняться... куда? Да к Кларку!

Я еще раз глянул на ресторан на углу. Ну конечно, на вывеске было выведено: «У Кларка». Вот оно что! Значит, зал «Норы» внизу, прямо под рестораном, и именно этим путем Айрис Гордон выбралась из клуба.

Восхищенный собственной догадливостью, я чуть расслабился, но тут же опять едва не подскочил от неожиданности (честное слово, после всех нынешних событий нервы были уже на пределе): слева, сантиметрах в тридцати от тротуара, медленно проехал длинный черный «плимут».

Впереди сидели двое. Они даже не посмотрели в мою сторону, и я не обиделся: сегодня мною и так интересовались слишком часто. И тут вдруг понял, что видел уже где-то типа, сидящего рядом с водителем. Моментально забыв о лифте, подъемнике и Айрис, я начал лихорадочно перебирать в памяти самые разные знакомые лица, и...

И вспомнил! Месяц назад в газетах была фотография преступника, подозреваемого в краже со взломом. Его арестовали, но потом почему-то выпустили. Я бы, наверное, вообще не обратил тогда на это внимания, кабы не любопытный факт: за парня хлопотал Кольер Брид, тот самый Брид, чье имя фигурировало в куче крупных махинаций. И хотя появление «плимута» еще ни о чем конкретном не говорило, ситуация явно обострялась, и, может, в «Норе» мне сейчас было бы уютнее, нежели здесь.

Отошел в сторонку и продолжил наблюдать за машиной. «Плимут» остановился перед дверью лифта на том самом месте, где еще минуту назад торчал я, и из него вышел знакомый мне по фото в газете человек. Он посмотрел на карманные часы, что-то сказал водителю и, скрестив на груди руки, облокотился на крышу машины. Поскольку пока ничего интересного не происходило, я решил заглянуть в ресторан «У Кларка».

«Подъемник», — сказала Айрис, и находиться он должен где-то на кухне. В окно был виден длинный ряд столов и дверь, ведущая, судя по всему, именно на кухню, потому что в ней как раз показался официант.

«Ну, Скотт, смелее!» — подбодрил я себя и шагнул через порог.

В ресторане сидело много посетителей, которые пили, ели и громко разговаривали. На меня никто не обратил внимания, и я направился к кассирше. Та была поглощена подсчетом денег и сначала тоже меня не заметила. Тогда я жутко галантно склонился над ней и проворковал:

— Мисс, хочу от души поблагодарить повара за доставленное удовольствие. Сегодня был мой лучший обед за последний месяц!

Кассирша натянуто улыбнулась, словно говоря: «Мне это в высшей степени до лампочки, мистер». Но вслух все же буркнула: «Спасибо».

— Честно-честно, — заверил я, — не шучу, обед был великолепен.

Она пожала плечами:

— У нас новый шеф-повар. Наверное, сотый по счету. Если уж вам приспичило его похвалить, зайдите сами. — И суровая женщина в кассе мотнула головой в глубь ресторана.

— Благодарю, — кивнул я. — Так, значит, новый шеф-повар? А давно?

— С полмесяца. — Она впервые внимательно посмотрела на меня: — Но, простите, что-то вас не припомню.

— Очень жаль, я часто обедаю здесь.

— Да? Ну, в таком случае...

Не дослушал и решительно двинулся к двери, из которой выносили какое-то очередное блюдо. Мои часы показывали четверть третьего.

Кроме самого шеф-повара в высоком белом колпаке за заветной дверью никого не было. Повар стоял у плиты и длинной ложкой помешивал что-то в большой никелированной кастрюле.

Услышав шаги, он поднял глаза и закричал:

— Эй, мистер! Посторонним сюда нельзя!

Я добродушно улыбнулся:

— Вы, должно быть, новенький? Недавно в этом заведении, да? Я не совсем посторонний, моя фамилия Скотт, Скотт из Бюро гигиены. Тут на вас пришла жалоба, и мне поручено ее проверить.

Знаете, если сейчас и лгал, то не сильно. В Лос-Анджелесе действительно су-

ществует Бюро гигиены, в функции которого входит инспекция ресторанов и кафе, а также проверка жалоб посетителей. К тому же я назвал свою настоящую фамилию, ну а решимость немедленно приступить к исполнению служебных обязанностей была написана на лбу вашего покорного слуги самыми-пресамыми заглавными буквами.

И повар растерялся. Так растерялся, что, бросив ложку в дымящейся кастрюле, начал судорожно вытирать ладони об относительно чистый фартук. Потом робко протянул мне правую руку.

Я с удовольствием ее пожал, а повар занервничал еще сильнее:

— Вы уж извините, мистер Скотт. Работаю в этом ресторане только две недели, и вроде пока все в порядке... (Пожимая повару руку, я сделал вид, что рассматриваю его ногти. Он смутился.)

— Нам надо пройти по подсобным помещениям, — печально сообщил я. — А где, кстати, хозяин?

— Наверное, в зале. Позвать? — Несчастный вытянулся во фрунт.

— Нет-нет, пока в этом нет необходимости, — подарил я повару несколько лишних минут жизни. Потом вытащил из кармана блокнот и начал там что-то черкать, поглядывая на плиты, сковороды и кастрюли. Кухня по площади была примерно как зал ресторана. Когда входил, заметил дверь, ведущую на улицу, и две маленькие дверцы справа от кухни. Приблизился к этим дверцам и, распахнув их, увидел то, что искал.

— Не понял! Что такое? — вопросил грозно.

Повар снова затеребил фартук и, запинаясь, принялся объяснять:

— Понимаете, мистер Скотт, внизу находится... м-м-м... заведение... ночной клуб. Там нет своей кухни, и они пользуются нашими услугами. Впрочем, заказов бывает мало, лично я вообще не готовлю для клуба. Подробности можете узнать у владельца ресторана.

Сделал заинтересованное лицо.

— Да-да, непременно. Будьте же так любезны, найдите его.

Разумеется, я не имел ни малейшего желания встречаться с владельцем, просто позарез было нужно, чтобы повар оставил меня одного.

— Хорошо-хорошо, мистер Скотт! — с готовностью закивал он и испарился, а я пересек кухню и распахнул уличную дверь. По моему замыслу, вернувшись, они должны будут подумать, что «инспектор из Бюро гигиены» ретировался этим путем, даже не закрыв за собой дверь.

Затем, еле-еле угнездившись в подъемнике, я попытался захлопнуть створки, представляя реакцию хозяина ресторана, если он обнаружит меня тут со скрюченными, как у йога, ногами и неестественно вывернутой шеей.

С трудом створки подъемника все же закрылись, в полной тьме я стал дергать какие-то веревки и вдруг почувствовал, что начал опускаться.

ГЛАВА VI

Дрогнув, подъемник остановился. Я вытащил кольт и прислушался. Тишина.

Свет не проникал в мое узилище через щели подъемника. Я смекнул, что снаружи темно, и осторожно толкнул дверцы, которые со скрипом открылись. Высунув голову из своей клетки, увидел метрах в трех узенькую полоску света над дверью. Когда глаза привыкли к темноте, понял, что нахожусь в крошечной комнатке в глубине клуба, откуда официанты «Норы» забирали заказанные «У Кларка» блюда.

Я вытащил онемевшие ноги и вылез из подъемника. И тут показалось, что рядом кто-то разговаривает. На цыпочках подошел к двери: действительно, оттуда

доносились приглушенные голоса. Более высокий голос принадлежал женщине, два других — явно мужские. Все усилия понять, о чем речь, не увенчались успехом: я не различил ни слова, догадался лишь, что больше всех говорил один из мужчин.

Не стоило далее оставаться в этой темной каморке, пора наконец действовать. Правда, на секунду представил: хорош же буду, если с кольтом в руках наброшусь, к примеру, на теплую компанию игроков, погруженных в канасту[2].

И все же решился — пинком распахнул дверь и, прыгнув как олень, застыл посреди комнаты с пушкой в правой руке, зловеще наклонившись вперед, — ей-ей, вылитый Джеймс Кэгни в своих лучших боевиках.

Слава богу, здесь никто не играл в канасту, и, наверное, поэтому я никому не показался смешным.

Айрис Гордон сидела на стуле со связанными за спиной руками. Она резко повернулась в мою сторону, и умопомрачительные волосы взметнулись огненной волной.

За огромным белым столом, подперев подбородок ладонью, расположился мужчина, в углу комнаты, прислонившись в стене, стояли еще двое: один худощавый, другой наоборот, оба довольно высокие.

Увидев меня, тип, который сидел, начал медленно опускать руки на стол, а худощавый дернулся, отчего его пиджак распахнулся, обнаружив спрятанный под ним пистолет. И представляете, парень успел его выхватить. Надо признать, он оказался очень ловким — меня спасло только то, что я заранее держал кольт на взводе.

— Эй, поосторожней в движениях! — крикнул я, хотя мог бы и не повышать голоса: тишина стояла мертвая.

Рука парня с пистолетом замерла. Я навел на него кольт, готовый нажать на курок в любой момент, хотя, в принципе, вовсе не планировал перестрелки — я еще ничего не знал ни о своих противниках, ни о том, что вообще, собственно, здесь происходит.

Мужчина за столом сделал знак подчиненным. Худощавый бросил пистолет, и оба телохранителя опустили руки, дабы я зря не нервничал. Покамест никто не произнес ни слова. Немая сцена: трое застывших неподвижно хмурых мужчин, Айрис, уставившаяся на меня широко раскрытыми синими глазами, ну и я со своим любимым кольтом наизготовку.

Разумеется, хотелось бы поскорее решить эту китайскую головоломку, хотя за всю карьеру частного детектива, кажется, еще ни разу так не рисковал: даже не знал пока, чем сия затея в конечном счете обернется. Я один против Марти Садера и его приятелей, а рядом связанная девушка по имени Айрис, которая зачем-то настойчиво искала меня. Ей-богу, можно рехнуться!

И вдруг молчавшую до того Айрис будто прорвало.

— Шелл, о Шелл!.. — взахлеб залепетала она. — Я так рада, так рада!..

Я даже подумал, что слова «Шелл» и «рада» будут витать в этом гадюшнике еще минимум с полчаса, но нет, внезапно девушка замолчала, зато принялась пожирать меня такими глазами, будто перед ней материализовался сейчас с револьвером какой-нибудь святой.

А Садер стрельнул взглядом анаконды, грязно выругался и прошипел:

— Ладно, Скотт, и что дальше?

Я захлопнул ногой дверь и вежливо сказал:

— Привет, Марти.

Он медленно кивнул.

Да, это его голос я слышал, прячась в темной каморке, однако теперь он не про-

---

[2] Канаста — карточная игра.

являл уже ни малейших признаков беспокойства. Можно было подумать, что Садер присутствует на ланче, и со своим квадратным подбородком и олимпийским спокойствием он никак не походил на воротилу и дельца, широко известного в преступном мире.

Сидя за громадным столом, Садер казался мельче, чем был на самом деле. Темные волосы уже начинали редеть, а на висках появилась седина. Глаза пристально изучали меня из-под очков в тонкой оправе. Марти было около пятидесяти, но, чисто выбритый, загорелый, с белоснежными зубами, он выглядел моложе своих лет. А отличный черный костюм, белая сорочка и черный вязаный галстук придавали ему просто-таки благородный облик.

И вдруг Марти наградил меня приветливой улыбочкой:

— Чем могу служить, мистер Скотт?

Я улыбнулся еще сердечнее. Садер держался так, будто я был клиентом его фирмы, а вовсе не целился сейчас ему в лоб из кольта.

— Никому не шевелиться, — посоветовал я. Лишнее напоминание не повредит, ведь трудно держать в поле зрения всех одновременно. Потом обратился персонально к худощавому, стоявшему у стены.

— Эй, слушай внимательно! Достань вторую пушку большим пальцем и мизинцем левой руки. Только большим и мизинцем, и, повторяю, левой!

Он не бросился выполнять мою просьбу, а покосился на Садера. Тот кивнул. Тогда худощавый медленно вытащил из кобуры револьвер.

— На пол, — приказал я. — Бросай на пол!

Он подчинился.

— А теперь ты, — сказал второму. — Все то же самое и без фокусов, даже если ты левша.

Этот парень еще ни разу не пошевелился с момента моего появления, казалось, дышать и то стал реже. Я не думал, что ему взбредет в голову осложнять нашу встречу, и угадал: оружие сразу полетело на пол.

— Окей, и толкните их ногами вперед. Так... Теперь спускайте, ребята, пиджаки с плеч, а руки оставьте в рукавах и — равняйсь-смирно!

Худощавый было захорохорился, но потом смирился. Отныне приятели Садера были не опасны, и я повернулся к Марти:

— Ваша очередь.

Он не переставал улыбаться:

— Очень любопытно, мистер Скотт, оч-ч-чень. Даже забавно. Но у меня, представьте, нет оружия.

Садер широко распахнул пиджак. Вроде действительно нет.

— Встаньте, — строго велел я. — Встаньте и повернитесь.

Марти был сама любезность:

— Как вам угодно. — Встал и повернулся.

— Выверните карманы.

Он поклонился:

— Сию минуту, мистер Скотт. А вы недоверчивый. — Снова ослепительно улыбнулся: — Очевидно, поэтому до сих пор еще живы.

Пока я вникал в смысл этих слов, Садер полез в правый карман.

— Эй! — крикнул я. — Левой!

— Неудобно, — поморщился Марти, но наконец левой рукой он вывернул свой правый карман, а правой — левый. Оружия не было. — Удовлетворены, мистер Скотт? — поинтересовался ехидно. — Замечу, ведете себя не больно прилично. А ведь среди нас дама...

Не обращая внимания на его дурацкие сентенции, я подошел к Айрис. Она вся подалась мне навстречу и порывисто зашептала:

— Какое счастье, что вы пришли!.. Они хотят убить нас!.. Они обязательно расправятся с нами, Шелл!.. Давайте скорее уйдем отсюда!..

Поскольку в комнате стояла гробовая тишина, ее шепот был отчетливо слышен всем присутствующим. Видимо, Айрис была на грани нервного срыва, и я подумал, что, похоже, Марти действительно хочет прикончить нас обоих, хотя причин его нездорового интереса к моей персоне не знал. Да, следует поскорее выбираться из логова Садера.

Руки Айрис были связаны обрывками крепкой веревки. Я провозился с узлом несколько минут, и, освободившись наконец, девушка вскрикнула от боли в затекших суставах и начала растирать запястья. Затем вскочила и вцепилась в мою левую руку. Конечно, сейчас было не до объятий, и все же я не смог оттолкнуть ее. Душа у меня тонкая, а в тот момент я даже услышал частые удары собственного сердца, подумав, что так оно бьется, наверное, у схваченного за уши кролика.

Айрис же, зажмурившись, повторяла:

— Мне страшно... Мне очень, очень страшно...

И тут заговорил Садер:

— Так дело не пойдет, Скотт. Никак не пойдет.

— Это еще почему? — удивился я.

— А потому, что вам не вырваться. Или, в лучшем случае, не удастся уйти далеко. Чтобы подняться в лифте наверх, требуется минута... — Он вдруг нахмурился: — Постойте-постойте, но каким же образом?..

Марти замолчал, на скулах набрякли желваки. Он посмотрел на потолок, потом на стену, которая отделяла нас от зала клуба, маленькую лампочку над дверью, а после снова на меня и проскрипел:

— Вы не воспользовались лифтом!.. Как я раньше не догадался!

Хозяин «Норы» уставился на Айрис. Похоже, понял наконец, каким манером я очутился в клубе и как отсюда сумела выбраться девушка.

— Да-а-а, — протянул он. — А ведь я вроде надежно тебя запер... — Пожал плечами и добавил, не обращаясь ни к кому конкретно: — Значит, и у меня случаются проколы.

— Давайте уйдем! — зашептала мне на ухо Айрис. — Скорее...

Предложение замечательное. Просто гениальное. Вот только как уйти-то? Растворившись в воздухе? Или попробовать забраться вдвоем в подъемник, что было бы даже романтично, но, увы, обоим там места не хватит. Кроме того, три новых моих приятеля наверняка не будут сидеть сложа руки, пока мы станем подниматься в лифте или подъемнике...

— Вот же задачка, мистер Скотт, — прищурился Садер. — Да?

Он, черт побери, был прав! Конечно, я мог бы остаться здесь, отправив наверх Айрис, однако не хотелось упускать девушку из виду. И — решил нажать на Садера.

— Марти, существует еще черный ход. Где эта дверь?

Он отрицательно покачал головой.

— Не хочу убивать вас, — скривился я, — но мы уйдем. Любой ценой.

Хозяин «Норы» молчал.

(И что делать? Тремя пулями покончить с ними? А ведь не факт, что успею разделаться со всеми...)

— У вас ноль шансов, Садер, — боюсь, говорил я не слишком убедительно. — За пару секунд элементарно перестреляю всех троих.

Он собрался что-то ответить и открыл было рот, как вдруг лампочка над дверью ярко загорелась.

— Что это? — замер я.

Марти сдвинул брови.

— К нам скоро пожалуют гости. Лампочка горит, когда лифт едет вниз. Это... мера предосторожности.

Я вспомнил о черном «плимуте» и деланно равнодушно протянул:

— А-а-а, знаю, кто там. Еще наверху заметил людей Кольера Брида...

— Брида?! — И вот тут Садер потерял самообладание. Но, впрочем, ненадолго, уже через мгновение к нему вернулась прежняя сдержанность, хотя позиция в отношении нас, похоже, кардинально переменилась.

— Кажется, я и впрямь был излишне самоуверен, мистер Скотт. Там, — показал глазами в правый угол комнаты, — запасный выход. — И, не обращая внимания на нацеленный в его грудь револьвер, Марти полез в карман. Вытащив связку ключей, отделил один и положил на стол.

— Вот ключ. За дверью лестница, которая ведет в переулок. Бегите!

Да что же это происходит, господи?! Я стоял посреди комнаты с Айрис, повисшей на моем плече, и чувствовал себя полным идиотом.

— Решайте, — недобро ухмыльнулся Садер, — лифт опускается минуту. Когда лампочка погаснет — он внизу. У вас тридцать секунд...

...Тридцать секунд, но на что?! И почему он внезапно захотел, чтобы мы ушли? Мой мозг лихорадочно работал, но ничего путного на ум не приходило. В лифте мог находиться Брид с подчиненными, но ведь там могли быть и люди Марти... Ей-ей, я не очень понимал Садера!

— Так вы уходите или нет, мистер Скотт? — нетерпеливо рыкнул он.

Вон оно как! Ему необходимо избавиться от меня. И я нарочито спокойно пожал плечами:

— Да вообще-то, все это крайне любопытно.

Садер облизнул пересохшие губы и даже слегка побледнел. Он медленно поднялся из-за стола и взял ключ.

— Тогда уйду я. Отпустите меня, Скотт.

В его голосе чувствовалась явная тревога. Он подскочил к двери и вставил ключ в замочную скважину. Интересно, думал ли Садер о том, что запросто может получить сейчас пулю в затылок?

...А лифт вот-вот придет. И в нем наверняка люди Брида, которые чудно дополнят нашу и так оригинальную компанию. Кстати, почему-то вспомнились слова Брида: «Если этот мерзавец Скотт...» — ну, и далее.

Садер уже исчезал в темноте дверного проема, и при желании я еще успел бы выстрелить ему в спину. Двое телохранителей бросились следом за ним с болтающимися ниже поясницы пиджаками, а я...

Я отпустил их.

Отпустил потому, что единственным желанием сейчас было оказаться вдвоем с Айрис в каком-нибудь относительно тихом месте (хотя какое место в Лос-Анджелесе было теперь для меня тихим?!). И даже сам не побежал вслед за Садером и его молодцами, опасаясь западни.

Дверь запасного выхода захлопнулась. Может, ее даже закрыли снаружи на ключ. Ну и ладно — оказаться там, с другой стороны, я совсем не жаждал. Повернулся к Айрис и произнес, причем весьма сухо:

— Послушайте, милая, мне эта история уже надоела, тем более что я в ней до сих пор ничего не смыслю. Так что же все-таки стряслось?

— Садер нас убьет, — наверное, в сотый раз повторила девушка. — Он хочет убить нас...

Я разозлился.

— Вы меня в этом, черт возьми, давно убедили! Смените пластинку. Я хочу знать: за что?

Она задрожала.

— Понимаете... понимаете... — И — словно прыгнула в омут: — Садер застрелил человека, о котором пишут газеты! Его звали Лобо.

Гм, открыл было рот, дабы спросить, какое же отношение имеет это к нам обоим, но не успел.

Лампочка погасла.

ГЛАВА VII

— Идемте!

Я схватил Айрис за локоть и потащил к двери, через которую проник сюда. Захлопнув ее за собой, мы оказались в кромешной тьме. Отпустив девушку, на ощупь добрался до створок подъемника и открыл их.

О дьявол! Я шарил рукой в поисках самого подъемника и не находил его. Неужто шеф-повар или владелец «У Кларка» подняли свою проклятую частную собственность наверх? Ну мы с Бюро гигиены им устроим!..

С момента, как погасла лампочка, прошло всего секунд пять-шесть, не больше. Я нащупал в темноте руку Айрис. Почему-то была почти полная уверенность, что не мы интересовали тех, кто спустился в лифте, и, если не ошибался, наше убежище находилось в противоположном от лифта конце клуба — то есть, чтобы добраться до него, надо пройти через зал.

— Айрис, — шепнул я, — как попасть в зал?

Она не ответила и сделала несколько шагов. Я — за ней. Девушка остановилась, я тоже и тут же ткнулся носом в тяжелые пыльные шторы. Чуть отодвинув их, узрел зал «Норы». Правая сторона его была погружена во тьму, но сквозь приоткрытую дверь лифта сочился слабый свет. Слава богу, успел задернуть штору в миг, когда из кабины стали выходить люди. Четверо, и каждый держал ствол. Нас они не видели.

Склонившись к уху Айрис, я прошептал:

— Надо проскочить в тот конец зала и подобраться к лифту с левой стороны. Только незаметно.

Девушка крепко сжала мою руку, и мы шагнули в зал. Слабый свет из лифта не достигал нас, но я боялся налететь на стул или стол. К счастью, Айрис хорошо ориентировалась здесь, и половину пути одолели без проблем. К тому же на полу лежал мягкий ковер, который делал шаги бесшумными, и теперь я был уверен: если только кто-нибудь не включит освещение, мы достигнем цели и... Проклятье!!! Их было пятеро!..

Пятый только что на наших глазах вышел из лифта. В руке не было оружия, но что оно у него имелось, не вызывало сомнений.

На секунду оторвав взгляд от лифта, с трудом различил в темноте девушку. Айрис замедлила шаг и двинулась левее. Я, естественно, последовал туда же и едва не свалил стул. Айрис пошла быстрее, и я еле успевал за ней, опасаясь наткнуться на что-нибудь еще. Вскоре мы оказались в нужном конце зала, и я тихо сказал:

— А теперь, дорогая, направо. Эти ребята пробудут там недолго.

До лифта оставалось несколько метров. Пятый гость стоял в узкой полоске света с другой стороны кабины. Четко был виден его силуэт, однако он нас, по идее, заметить не должен. Во всяком случае, пока. Но нам же нужно, позарез нужно пройти к лифту!

И вдруг пятый резко дернулся. Я упал на колени и направил кольт ему в живот... Да нет, все спокойно. Найдя в кармане монетку, бросил ее в сторону лифта и, собрав все силы, приготовился к прыжку.

Монетка, почти беззвучно упав на ковер, привлекла тем не менее внимание го-

стя. Он невнятно выругался, нагнулся и принялся ощупывать ковер. В это-то мгновенье я и прыгнул на него из темноты и изо всей мочи ударил рукояткой револьвера по спине.

Он был немногословен — успел только выговорить «Уф!», а я уже шипел ему в ухо:

— Спокойно, приятель! Веди себя смирно…

Он застыл, я же позвал:

— Где вы, Айрис? Скорее сюда!.. — И сразу понял свою оплошность, но было поздно. Услышав имя девушки, лежащий на полу некто поднял голову, и мне, увы, пришлось еще раз трахнуть его кольтом по хребту.

В ситуациях, когда ваше оружие поневоле оказывается близко от врага, есть риск: ловкий парень может попытаться завладеть им. Однако этот, похоже, не относился к разряду особенных ловкачей — лишь вертел головой и дал мне неплохо разглядеть себя. У него было плоское лицо с маленькими и острыми черными глазками. Вроде я его уже где-то видел.

Но и он меня явно уже где-то видел, потому что вдруг ухмыльнулся:

— А ты, Скотт, теперь в шестерках у Садера?

Это было так неожиданно, что я на миг опешил и, когда Айрис дотронулась до моего плеча, едва не нажал на курок. Потом взял себя в руки и шепотом попросил нового знакомого:

— Повернись-ка.

Он повернулся, и я ударил его кольтом по голове. Парень, не охнув, распластался на ковре. Опять увы, но это был единственный способ утихомирить его на время. Клянусь, причинять ему боль совсем не хотел, даже стукнул, в общем-то, не очень сильно. Хотя, конечно, как ни крути, удар револьвером по затылку актом гуманизма не назовешь.

Мы с Айрис бросились в лифт, и я даже прикрикнул на нее:

— Чего ждете-то?

Девушка нажала длинным красным ногтем на кнопку в кабине, и двери стали медленно закрываться. В последний момент успел увидеть, как за шторами, где мы недавно прятались, вспыхнул свет. Значит, кто-то из гостей нашел выключатель. Когда двери уже почти закрылись, в зале, одна за другой, начали зажигаться люстры.

Поскольку теперь мы были вроде бы в безопасности и отпала необходимость шептаться, я громко спросил Айрис:

— Он точно поднимается? — имея в виду лифт.

Девушка утвердительно затрясла головой:

— Да-да, конечно, только медленно.

Она по-прежнему была в своем куцем пуловере и синих брюках, и ее замечательная грудь и округлые бедра невольно вновь привлекли мое внимание. Однако как следует сосредоточиться на этих аппетитных формах было некогда — слишком уж много других мыслей роилось в голове.

В запасе оставалось секунд пятьдесят, за которые я рассчитывал узнать хоть что-нибудь еще, и, бросив на девушку сурово-непоколебимый взгляд, твердо сказал:

— Ну а теперь давайте-ка в двух словах: что все это значит? Детали потом, при наличии свободного времени.

Айрис тяжело вздохнула:

— Садер убил Лобо.

— Уже слышал. Какое отношение это имеет к вам и ко мне?

— Дело в том… дело в том, что я узнала…

— Да что узнала?! — взорвался я, но тут же опомнился: — Пардон, продолжайте.

— Садер… Садер понял, что мне известны его дела. И он хочет меня убить. Он сказал: «Тебе крышка…» Я… Шелл… я…

— Ну, дальше, господи, дальше!

— …я узнала все вчера вечером, а когда сегодня пришла за чеком, Марти догадался и начал угрожать. Это было ужасно, Шелл…

Я ловил каждое ее слово.

— …и …я сказала Садеру, что вы тоже все знаете, знаете об убийстве и придете мне на помощь. А если со мной что-нибудь случится…

Шелл Скотт отказывался верить собственным ушам.

— Но почему! Почему я, Айрис?! Зачем вы приплели сюда мое имя?!

Она задрожала.

— Месяца три назад я видела вас с Марти в клубе. Он сказал, что вы детектив. А недавно в газетах писали, как вы раскрыли скандальное дело в Голливуде… И я… я назвала первое имя, которое пришло в голову…

С величайшим трудом сдержался, чтобы не отшлепать эту рыжую девчонку по заднице. Только и смог выдавить:

— Вы это… нарочно? Про меня?

— Да нет же, нет! Неужели не понимаете!..

Через секунду она должна была разрыдаться, но не успела: лифт остановился, и двери начали открываться. Правой рукой я крепче сжал револьвер, а левой толкнул Айрис вглубь кабины. Хотя, по правде, за такие фокусы именно ее следовало бы запустить вперед.

На улице перед лифтом ни души. Те парни внизу, наверное, еще ищут своего пятого. В конце концов, тут возможны два варианта: либо они знают про запасный выход, либо нет. Однако в любом случае надо спешить.

Еше раз оглядел переулок — никого. Черный «плимут» все на том же месте, но теперь он был пуст. Садера, разумеется, тоже след простыл. В общем, пока вокруг спокойно. Интересно, надолго ли?

— Постойте минутку здесь, — сказал я девушке и пошел к ресторану «У Кларка». Там, напротив входа, стоял большой черный «кадиллак».

В кабине сидели двое мужчин, одного из которых раньше не видел. А второй — сам Кольер Брид. Я понял это еще и по тому, что тротуар у машины был усеян едва надкуренными сигарами. Всем знакомым с привычками Брида было известно, что это означало: босс нервничает. Дорогое, конечно, удовольствие швыряться сигарами по доллару штука, но, не исключено, в том заключался своеобразный шик, хотя вообще-то стоило еще поискать, кто был бы так жаден до денег, как Брид. Может, и нашелся бы второй подобный, но вряд ли. Сейчас Брид весь был окутан клубами белого дыма, даже круглое лицо различалось с трудом. Он явно кого-то ждал.

Вернувшись к Айрис, я взял ее под руку и повел в сторону Шестой улицы. В нас никто не стрелял, кирпичи не падали сверху на головы, и прямо не верилось, что только что мы метались по темным закоулкам «Норы». Вдыхая полной грудью свежий воздух, спокойно шли по тротуару, будто пара влюбленных. Дойдя до Олив-стрит, повернули налево, вновь в направлении Шестой улицы. Девушка удивилась, но я важно изрек:

— Так надо. Все в порядке, продолжайте ваш рассказ со всеми мельчайшими подробностями.

И, пока дошли до нужного места, Айрис обрушила на меня целую лавину слов. Тараторила без умолку, а каждый раз, когда пыталась сама что-то спросить, я обрывал ее, дотошно выпытывая главные детали, чтобы досконально разобраться в происходящем.

Мы приблизились к дому, на нижнем этаже которого находился ломбард, во-

шли в дверь, и я окинул взглядом полки с оставленными под залог вещами. Ага, увидел то, что нужно.

Из-под прилавка высунулся хозяин ломбарда, маленький, юркий седой человечек в очках. Я достал из бумажника пятидолларовую банкноту, протянул ему и указал на массивный бинокль, лежащий на верхней полке:

— Будьте любезны, на несколько минут.

Старичок пробормотал что-то невнятное, но я, повернувшись к нему спиной, уже надевал на шею ремешок бинокля.

Через витрину лавки были отлично видны весь переулок, ресторан Кларка и даже черный «кадиллак». Владелец ломбарда суетился возле нас, предлагая купить по дешевке какой-то хлам. Наверное, я оказался излишне щедр, дав ему целых пять долларов, поэтому пришлось рыкнуть:

— Отстаньте, мистер! Мы только что обручились с леди, и я хочу получше ее рассмотреть.

Старик обалдел, зато сразу угомонился. Девушка же уставилась на меня глазами нашкодившего котенка, ожидающего порки. Продолжая размышлять над ее словами, я направил бинокль на автомобиль Брида.

Из рассказа Айрис следовало, что, когда она покидала «Нору» очень поздно вчера (или очень рано сегодня), клуб уже не работал. Миа вышла на улицу минут за десять до нее, а Айрис еще снимала грим, и тут из конторы Садера донеслись раздраженные голоса. Слов Айрис не расслышала, разобрала только несколько раз упоминавшееся имя — Лобо. Но и на это поначалу не обратила внимания — имя ни о чем ей не говорило.

Любопытная как все женщины, Айрис не спешила уходить, и вдруг, когда спор в конторе достиг апогея, голоса внезапно смолкли, а потом раздались громкие крики, шум, но сразу же стихли вновь. Тут уж Айрис действительно струсила и выбежала из «Норы», однако на улице обнаружила, что второпях забыла сумочку с чеком.

Минуты две она раздумывала, вернуться ли за сумочкой, но в переулок въехала машина и остановилась у двери лифта. К машине вышли двое, поддерживая третьего, который совершенно не стоял на ногах. Это было все, что Айрис увидела в минувшую злополучную ночь.

Убедившись, что хозяин ломбарда нас не слышит, я спросил:

— А третий? Он был жив?

— Трудно сказать. Выглядел сильно пьяным. Хотя я точно знала, что в клубе не осталось посетителей. В переулке было темно, те люди казались очень странными, я испугалась, поймала такси и поехала домой. Пришлось подняться в квартиру за деньгами, чтобы расплатиться с шофером — сумочку-то забыла в «Норе».

— Ну хорошо, а что было потом? И что у вас стряслось с Садером?

Айрис нервно хрустнула пальцами.

— Проснувшись утром, я обозвала себя идиоткой, понапридумавшей какие-то дурацкие страхи, — по утрам же все кажется лучше, чем на самом деле. И мне позарез нужен был чек. Я знала, что клуб сегодня закрыт, но на всякий случай позвонила — трубку снял Марти и сказал, что ждет.

Забрав сумочку, я зашла поблагодарить Садера. Он читал утреннюю газету, и мне в глаза бросился яркий заголовок «Убийство Лобо». Тут-то увиденное и услышанное ночью и обрело зловещий смысл: громкий спор, в котором повторялось имя Лобо, люди, выносившие тело из кабины лифта…

Айрис помолчала и вздохнула:

— Наверное, у меня был странный вид: я как помешанная уставилась на газету, стала тыкать пальцем в заголовок и что-то говорить. Не помню, что именно,

но Садер вскочил с кресла и схватил меня. — Она вытянула руку: четыре багровых кровоподтека явственно проступали на белоснежной коже. — А дальше все как в тумане. Вроде я закричала: мол, это он убил того человека. Садер обезумел и заорал, что убьет и меня, или что-то в этом роде. Я ужасно испугалась... Ну а остальное вы знаете. Я выпалила ему в лицо, что уже встречалась с вами. Тогда он сразу кому-то позвонил, а меня запер в комнате рядом с конторой. Но там, за шторами, есть дверь, помните? Короче, я убежала, стала звонить вам, но не дозвонилась. А потом решилась прийти сама...

— Вы выбрались через ресторан?

— Ну да, к счастью, на кухне в тот момент никого не было.

— А выстрелов в клубе не слышали?

— Нет.

Я поморщился:

— Когда ссора закончилась, кто-то, видимо, убил Лобо. Затем Садер вызвал машину, чтобы вывезти труп из «Норы» и бросить где-нибудь подальше. Вы сказали, Миа вышла минут на десять раньше, — похоже, Садер следил за сигнальной лампочкой и решил, что из клуба ушли все.

Айрис молчала. Да мне уже и незачем было дальше ее мучить: теперь я понимал все или почти все. Зная, что есть, по крайней мере, два человека, которые могут донести, Марти просто вынужден был избавиться от меня и Айрис еще до того, как мы заявим в полицию. Да даже если уже заявили, все равно нас необходимо убрать как свидетелей.

Разумеется, главная опасность грозила Айрис: она фактически являлась очевидцем преступления, и ее показания, если бы дело дошло до суда, имели бы решающее значение. Мое же свидетельство вторично, потому как основывалось бы преимущественно на ее рассказе.

С другой стороны, Лобо был правой рукой Кольера Брида — не зря тот с компанией уже здесь. Полиция полицией, но Марти решил отделаться от нас еще и затем, чтобы мы не встретились с Бридом, который наверняка усмотрел в смерти Лобо что-то подозрительное. Конечно, хозяин «Норы» сочинит для толстяка какую-нибудь более или менее правдоподобную версию случившегося, но если Айрис либо я столкнемся с Бридом, все попытки Марти обелить себя пойдут прахом. Вот почему он предлагал нам уйти через запасный выход. А когда понял, что уходить не собираемся, — свалил сам, даже с риском для жизни. Хотя, собственно, выбор у него был небогат: принципиальной разницы между моей пулей в спину или кого-нибудь из людей Брида, к примеру, в лоб для Садера не было.

Да, кстати: наверное, Оззи Йорка послал ко мне в бюро Садер, едва увидел, что Айрис сбежала. Обязательно нужно встретиться с этим коротышкой. И вдруг я вспомнил, о чем еще не спросил Айрис.

— А куда вы пропали после того как ушли из бюро?

— О мистер Скотт! Вы же велели ждать в баре, но только спустилась вниз, как на меня налетел какой-то мужчина с револьвером и затащил в автомобиль у подъезда. Но я специально уронила сумочку...

Плутовка явно напрашивалась на комплимент, и я кивнул:

— Это вы хорошо придумали и, может, лишь потому спаслись.

— Ну вот, — продолжила девушка, — а в машине я заметила, что тот тип сильно нервничает. Да вы видели его у Садера — высокий, худой. Сперва он следил за вашим подъездом, но тут появилась полиция. А я даже не могла позвать на помощь — он направил на меня револьвер, а потом рванул с места и поехал в «Нору».

— М-да-а, Айрис, — философски заметил я, — сегодня вам дважды сказочно повезло: первый раз, когда Марти не убил вас сразу, как Лобо, и второй — когда

ухитрились улизнуть из его берлоги. Но почему же, простите за бестактность, он дал вам, так сказать, отсрочку?

Айрис пожала плечами.

— Садер был очень встревожен и, думаю, хотел допытаться, не сообщила ли я обо всем кому-то еще, а главное, зачем пошла к вам. Ведь он не знал, что до этого я с вами в жизни не встречалась. Еще спрашивал о полицейской машине и человеке, который был у вас... Шелл, я сказала Марти, что, когда вошла, он уже лежал без сознания.

Я тоже пожал плечами:

— Ничего страшного, Айрис, напротив. Марти это наверняка привело в ярость. А тот парень в тюрьме.

— Садер пытал меня, был ли он жив или нет. Но я ведь действительно не знала. И тут, слава богу, появились вы...

Похоже, Айрис устала, да и немудрено. И хоть сама виновата, что влезла в эту скверную историю, в смелости ей не откажешь: невзирая на смертельную опасность, пыталась предупредить меня по телефону и даже пришла в бюро. Не удивительно, что, столько пережив, выглядит сейчас робкой и испуганной.

Слушайте, все это время я искал Айрис Гордон главным образом для того, чтобы получить нужную информацию. Но теперь, когда можно было ненадолго спокойно выдохнуть, вдруг показалось, что я ей даже уже что-то должен. Да хотя бы просто с уважением, по-мужски пожать руку. В общем, я больше не сердился на нее. Итак...Итак, ситуация в целом ясна, хотя и присутствовало некое смутное ощущение, что что-то я упустил.

...Бинокль все еще был направлен в сторону черного «кадиллака». Брид по-прежнему мусолил не знаю уж которую по счету сигару. И вдруг, швырнув ее в открытое окошко машины, вылез на тротуар.

Он глядел теперь куда-то вперед, и я переместил бинокль левее. Пятеро мужчин, вроде те самые, что недавно спускались в «Нору», вышли из переулка и приблизились к машине своего босса. Собственно, бинокль-то и нужен был мне для того, чтобы рассмотреть этих ребят получше.

Один из них, беспрестанно потиравший затылок, сказал несколько слов Бриду. Ага, тот самый, с плоским лицом и глазками-пуговицами, которого я слегка оглушил.

Брид что-то рявкнул в ответ. Даже отсюда, из лавки, было видно, как тряслась от негодования нижняя челюсть толстяка и колыхался огромный живот. Потом Брид с трудом снова втиснул грузное тело в «кадиллак», и машина тронулась. Когда она проезжала мимо ломбарда, я внимательно рассмотрел водителя. Оставшиеся на тротуаре подчиненные Брида сели в «плимут» и уехали; мой «знакомый» не переставал тереть ладонью череп.

Уф, пока все!.. И я понял, что умираю от голода. Даже закружилась голова, едва представил огромный сочный бифштекс.

Я сказал Айрис:

— Можем чуть-чуть расслабиться. Домой вам нельзя, нужно найти укромное местечко, где вы пожили бы несколько дней. Садер наверняка будет искать нас, так что ни в коем случае не вздумайте...

И осекся, потому что увидел наполненные ужасом глаза Айрис.

— Шелл... — задыхаясь, прошептала она. — О Шелл, они же теперь обязательно придут туда... Но ведь там Миа! И совсем одна!..

Ну, Скотт, и о чем ты думал раньше?!

ГЛАВА VIII

Я обернулся к лавочнику:

— Где у вас телефон?

От неожиданности тот чуть не свалился со своего высокого табурета и недоуменно уставился на меня через очки.

— Где телефон, спрашиваю?! — заорал я. — Отвечайте!

— Там, с другой стороны, — пробормотал он и уже более уверенно пропищал мне вслед: — Но аппарат служебный, вы должны заплатить!

Мы кинулись вглубь лавки, на бегу я спросил у Айрис номер. Телефон висел на стене. Бросив монету в автомат, я накручивал диск и ощущал, как пот выступает на лбу. Если Садер сразу поехал на квартиру Айрис и Миа, он уже там. В машине это минут двадцать, не больше.

Трубку никто не снимал.

— Айрис! — крикнул я. — Миа никуда не собиралась?

— Н-н-нет, — пролепетала девушка, — не собиралась...

Вспомнив соблазнительные формы Миа, ее глуховатый голос и загадочный взгляд, я дико разволновался, представив, что Садер может с нею сделать. Он не оставит ее в покое, зная, что девушки провели ночь в одной квартире и, разумеется, предполагая, что Айрис обо всем рассказала подруге. А если так, появился еще один опасный свидетель...

О небо, трубку сняли!

— Алло, — произнес голос, похожий на шелест травы в прерии.

— Миа?! — выдохнул я. — У вас все в порядке? Ничего не произошло?

— Ничего, все в порядке. А с кем я говорю?!

— Это Скотт, Шелл Скотт. Я был у вас сегодня. Миа, умоляю...

— Да-да, слушаю, мистер Скотт.

— Немедленно уходите! — завопил я в трубку. — Некогда объяснять!

— Простите, не понимаю...

— Миа, Айрис здесь, рядом со мной, а теперь в опасности вы, поэтому уходите как можно скорее!

Похоже, она все еще не врубалась до конца.

— Айрис?! — воскликнула она. — Вы нашли Айрис? Замечательно! — В голосе девушки слышалась неподдельная радость. — Я так беспокоилась... Но почему нужно куда-то идти? Я совсем голая...

— Какая? — не понял я.

— Голая, принимала душ.

Теряя остатки самообладания, я зарычал:

— Вы совсем перекупались?! Человеческим языком говорю: у-хо-ди-те!

Должно быть, мои яростные воззвания достигли наконец цели: она уже не таким спокойным тоном произнесла:

— Хорошо-хорошо, мистер Скотт. Только наброшу что-нибудь...

Я сунул трубку Айрис.

— Скажите ей, насколько это серьезно. Пусть ждет на улице желтый «кадиллак».

— Миа, дорогая, — затараторила Айрис, — это в самом деле очень серьезно. Жди нас... — вопросительно повернулась ко мне.

— На перекрестке Хэмптон и Карсон, — проскрежетал я.

— ...и, пожалуйста, поторопись, потому как...

Я вырвал у Айрис трубку, повесил на место и бросился к выходу.

Владелец ломбарда жалобно заверещал:

— Бинокль! Мой бинокль!..

Дьявол!.. Дурацкий бинокль все еще болтался на шее. Интересно, поймал старикашка свое сокровище или нет?

Мы поехали к перекрестку. Миа уже была там. Увы, не голая, но, прах меня побери, — почти!

Я притормозил, и Миа ловко прыгнула в машину. В руках она держала какие-то скомканные платья и прочие дамские принадлежности, которые сразу же положила себе на колени. И очень правильно сделала, потому что даже слепому было бы заметно, что под тонкой полупрозрачной хламидой на ней ничего нет! А я всегда отличался особенной остротой зрения.

— Ну и что это значит? — как ни в чем не бывало спросила Миа, когда машина тронулась. — Я даже не успела толком вытереться и надела первое, что попалось под руку, — добавила жалобно.

Могла бы не уточнять, сами видим. Я попытался сосредоточиться на дороге, но проклятое воображение рисовало совсем иную картину: Миа, вся в капельках воды, мечется по комнате в поисках одежды, а потом натягивает это эфемерное нечто прямо на мокрое тело...

«Мокрое тело!» Я даже застонал.

— Что с вами, Шелл?! — испуганно воскликнула Айрис.

— Ничего... — Стиснул зубы. — Старые раны...

Мы зашли в кафе, и я стал изучать меню. Девочки сказали, что не голодны, у меня же просто сводило желудок. (Да наверняка они сидели на диете и только за компанию согласились на салат.) Пока расправлялся с огромным куском говядины, Айрис поведала подруге о наших приключениях. Миа, вытаращив глаза, хлопала длинными ресницами и лишь изредка что-нибудь переспрашивала.

Когда я уже почти доел мясо, она бросила на меня свой сногсшибательный взгляд:

— Мистер Скотт...

— О господи! — прошамкал я. — Детка, мы уже достаточно знаем друг о друге — зовите меня просто Шелл.

— Хорошо, Шелл. А вы правда настоящий детектив? Я не очень поверила, когда вы приходили. Решила, розыгрыш...

— Розыгрыш?! — возмутился я. — Нет, милая, я самый настоящий детектив, — и, приоткрыв полу пиджака, показал кольт. Оружие производит неизгладимое впечатление на женщин, ну а кольты — в особенности.

Миа улыбнулась:

— Вы убиваете людей, Шелл?

— Естественно, а иначе зачем я бы его таскал? Целыми пачками.

— Простите, Шелл, — по-моему, чуть ревниво заметила Айрис, — но вы ведете себя сейчас как настоящий идиот.

— Да? Ну извините, неудачно пошутил. Револьвер беру только, если намечается прогулка с дамами.

Миа задумчиво произнесла:

— И все-таки я не верю — про Марти... Он всегда был таким обходительным...

— Разумеется, — кивнул я, — он и сейчас обходительный. Не удивлюсь, коли узнаю, что он трепетно обожает животных. Однако на свете очень много обходительных людей, убивающих других людей. Да вы еще сами убедитесь, коли он до нас доберется.

— Нет-нет, понимаю... — Миа решила поразмышлять вслух. — Такие истории печатают газеты, но это всегда происходит с кем-то, не с тобой... — И вдруг посмотрела мне в глаза: — Садер как-то разоткровенничался и рассказал, что мальчишкой никогда не ел досыта, а впервые прилично пообедав, решил, что отравился, — так у него разболелся желудок... — Миа секунду помолчала. — А недавно, во время антракта, неожиданно заявил, что скоро станет миллионером. И, кажется, не шутил.

— Послушайте, да ему просто захотелось поплакаться кому-нибудь в жилетку. Тысячи людей недоедали в детстве, но не все же становятся из-за этого убийцами, — философски заметил я.

Что-то после такой веселенькой беседы у меня тоже заныло в желудке. Подозреваю, от желания поскорее разделаться с Садером.

Я расплатился с официантом, и мы пошли к машине.

Когда-то я уже приезжал в этот старый загородный дом вблизи Брэш-Каньон, принадлежавший одному из моих друзей. Впрочем, дом — громко сказано, скорее, хижина из пары маленьких комнатушек. В одной стояла громадная кровать, а другая, с плитой, служила кухней. Тем не менее, при сложившихся обстоятельствах эта лачуга могла стать для нас сносным убежищем. Остановив верный «кадиллак» у крыльца, я громко объявил:

— Конечная! Пассажирок просят покинуть свои места.

«Пассажирки» засмеялись, захлопали в ладоши. Эх, молодость, молодость!

Место здесь было просто замечательное: буйный кустарник зеленел кругом, а в высокой траве я заметил белку, которая при виде людей моментально взбежала по стволу дерева вверх. Вошли в дом.

Изнутри наше временное пристанище выглядело, правда, менее привлекательно, чем снаружи, но, в общем-то, вполне приемлемо.

— Останемся здесь до утра, — предупредил я девушек.

Постельное белье оказалось, в принципе, свежим, однако попытки обнаружить съестное не увенчались успехом, и я сказал:

— Поеду поищу что-нибудь на ужин. А вы пока располагайтесь.

— Разве поблизости есть магазин? — прошелестела Миа.

У-ух-х!.. Задавая совершенно обыденный, житейский вопрос, она вперилась в меня такими глазищами, будто на самом деле говорила: «Ну что ты, глупенький! Иди же скорей ко мне, не бойся!» Кошмарная девица!

Но я был тверд.

— Да, — мужественно пробубнил я, отворачиваясь от нее, — да, Миа, поблизости есть магазин. Правда, не помню точно, где, но обязательно найду его и привезу вам чего-нибудь вкусненького!

Тут Миа упала на кровать, томно потянулась, и я дернул к двери.

— Купите салат, оливковое масло, лимоны, спагетти и мясо, — промурлыкала она вслед. — Будет ужин по-итальянски. Просто обалдеете!

— Шелл, — подала вдогонку голос и Айрис, — а вы уверены, что никого там не встретите? Ну-у-у, в смысле…

Я ободряюще улыбнулся:

— Не беспокойтесь, дорогая.

Судя по скрипу пружин, и Айрис рухнула рядом с Миа. Между прочим, я тоже был бы не прочь передохнуть хоть пяток минут, но в комнате не было стульев, а пристраиваться на кровати, занятой подружками, не рискнул. Да и действительно некогда.

На пороге задержался.

— Все, пока. Ничего не бойтесь, постараюсь скоро вернуться. — Покосился на хронометр: — Половина пятого. Отъеду примерно на час. У меня есть еще кое-какие дела, так что, если задержусь, не волнуйтесь.

— Это невозможно, — вздохнула Айрис. — Будьте осторожны, Шелл.

Миа молчала и, опершись на локоть, пристально смотрела мне в глаза.

Бросив последний взгляд на самое великолепное из виденных мною когда-либо зрелищ, я вышел. Хотя, повторюсь, с радостью бы остался.

Фил Сэмсон — крепкий, высокого роста парень с темными волосами и румяными, как у ребенка, щеками. Он всегда хорошо выбрит, но главное, что Фил — мой лучший друг и замечательный сыщик. А в придачу Фил — капитан отдела по расследованию убийств уголовной полиции Лос-Анджелеса.

Сейчас он сидел в своем кабинете и явно был чем-то недоволен.

Я пару минут потрепался о том о сем, а потом попросил разрешения на встречу с Оззи Йорком, уточнив, что хочу поговорить с глазу на глаз. Это мистеру Сэмсону совершенно не понравилось, и я призвал на помощь все собственное красноречие.

Минут через десять Фил пожевал потухшую сигару и хмыкнул:

— Ох, Шелл, а до тебя самого еще не дошло, что вообще-то ты не сотрудник уголовной полиции, а, прости, пожалуйста, лишь несчастный частный детективишка?

Я улыбнулся:

— Ну, допустим, не такой уж и несчастный, Фил...

Теперь он вздохнул:

— А зачем тебе встреча с Йорком без свидетелей?

— Затем, что, может, один на один он расколется или хоть на что-то намекнет. А мне это позарез нужно. Оззи в Центральной тюрьме?

— Да, в Линкольн-Хейтс. Его увезли туда после допроса. (Старые работники, такие, как Сэмсон, по-прежнему называют Центральную тюрьму Линкольн-Хейтс.)

— Ну так что, Фил? — продолжал канючить я. — Ведь хуже от того никому не станет, а мне здорово поможет. И, между прочим, это ведь и в интересах правосудия тоже, господин начальник.

Он вытащил изо рта сигару и проворчал:

— Отстань, Шелл.

Я не отставал, и он нахмурил брови.

Я замолчал, и он поднял на меня глаза:

— Скотт, у тебя в роду попрошаек не было?

— Огромное спасибо, Фил, — с чувством промолвил я. — И если нашей славной полиции понадобится когда-нибудь надежный и верный...

— Поедешь с лейтенантом Ролинсом. Что узнаешь — расскажешь мне.

— Хорошо, Фил, если он разрешит, все расскажу.

— Что-о-о?! Кто разрешит? Ролинс?

— Да нет, Фил, Оззи. Вдруг мне придется ему кое-что пообещать?

Румяное лицо Сэмсона стало обретать багровый оттенок.

— Ах ты!..

Но он сумел взять себя в руки, достал из кармана спичку, чиркнул ею об стол и принялся раскуривать потухшую сигару. Потом выпустил огромное сизое облако, а когда дым рассеялся, изумленно спросил:

— Ты еще здесь?! — И уже спокойнее добавил: — Все же, надеюсь, на днях забежишь — хотя бы поблагодарить.

— Конечно, Фил, обязательно, Фил. Забегу и поблагодарю. Да прямо сейчас поблагодарю: спасибо, старина!

— И не забудь написать заявление, — напомнил он. — Чтобы не было как в прошлый раз.

Я улыбнулся и вышел. Продиктовав миниатюрной секретарше заявление, спустился в вестибюль, где уже ждал лейтенант Ролинс.

— Поехали, Шелл! — кукарекнул он бодро. — Наконец-то мне поручили стоящее дело: отвезти тебя в тюрьму.

— А других так до сих пор и не поручали? — посочувствовал я.

Мы сели в радиофицированную полицейскую машину и поехали в тюрьму. Пока надзиратель ходил за Йорком, я отдал Ролинсу кольт. Проводив меня до комнаты для допросов, лейтенант сказал:

— Смотри там поосторожней.

— Не волнуйся, все будет в порядке, — пообещал я. — Тебе, кстати, приказали не только привезти, но и увезти меня отсюда.

Вошел и закрыл за собой дверь.

Мы с Оззи сидели за замызганным старым столом друг напротив друга на жестких деревянных стульях. Я пристально смотрел на него, и вдруг Оззи, к немалому удивлению, открыл рот первым:

— Чего тебе еще от меня надо?

— Сущую малость, — пожал я плечами. — Лишь то, что мне от тебя надо.

И, понимая, что здесь, в цитадели правопорядка, не могу заставить говорить его силой, решил избрать иную тактику.

— Послушай, Оззи, — вкрадчиво молвил я, — утром ты молчал, но это было у меня в конторе. А теперь, если действительно хочешь помочь себе, — расскажи, что знаешь, от начала до конца. Однако учти: я даром времени не терял и уже почти во всем разобрался.

Йорк зло засопел. Наверное, решил, что беру его на пушку.

— Хорошо, Оззи, — так же мягко продолжил я. — Тогда буду говорить сам, а ты мотай на ус. Первое: тебя и водителя машины, которая стояла внизу, послал ко мне Марти Садер, хозяин клуба «Нора» на Седьмой улице, верно? Между прочим, с ним мы недавно там виделись.

Йорк чуть подался вперед, а я добавил:

— Ну, и во-вторых, парень, сдается мне, что ты соучастник Марти в убийстве Красавчика и...

У него от неожиданности глаза полезли на лоб, а я вдруг понял, почему Оззи до сих пор молчал. Ведь признание в том, что ко мне его подослал Садер, автоматически было почти равносильно признанию в убийстве Лобо. Неужто и правда именно Йорк с напарником выволакивали мертвое тело Красавчика из «Норы»?

Я назидательно поводил в воздухе указательным пальцем:

— Кроме меня этого не знает никто из тех, кто может представлять для тебя опасность, понимаешь?.. Ну, все. А теперь давай-ка подробности.

Уголки губ Оззи дрогнули, но он продолжил молчать. Я подождал минут пять и, смекнув, что говорить Йорк не намерен, пошел ва-банк.

— Ладно, Оззи, теперь слушай в оба уха. Раз ты уже отсидел, а сегодня влез ко мне со стволом. И поскольку у тебя есть судимость, привычка таскаться с оружием добавит массу новых неприятностей. Но будет гораздо хуже, если я скажу, что ты мне им угрожал: достаточно написать заявление, и начнется следствие. А начнется следствие — сам понимаешь, уже не выкрутишься.

Так вот, объясняю последний раз — любому терпению приходит конец: коли ты, Оззи Йорк, расскажешь всю правду, я не стану писать этого заявления. Более того, о чем мы сейчас говорим, не узнает ни один полицейский, даю слово. Пораскинь умишком, если еще остался, что ты выиграешь и что проиграешь, продолжив упираться как баран.

Он закрыл глаза, потом открыл и, тряхнув башкой, наконец выдавил:

— И что же я выиграю?

— Я никому не скажу, зачем ты приходил ко мне в контору, а это немало. Чем меньше улик, тем меньше узнает полиция, и...

— И меня сразу выпустят, — докончил он с ухмылкой.

Но я не был склонен шутить.

— Может, ты слышал кое-что обо мне, Оззи, и если да, то, надеюсь, в курсе, что я дорожу своей репутацией даже в глазах подонков и умею хранить тайны. Повторяю: за исключением меня никто ничего не узнает, и, если договоримся, я сдержу слово, чего бы мне это ни стоило…

— Договоримся — о чем? — перебил он.

Я начал закипать.

— Эй, парень, у тебя нелады и с мозгами, и со слухом? Не забывай: мне многое известно о тебе, Садере, Лобо и всей этой грязной истории.

Йорк прикусил губу.

— А что не известно?

— Детали. Ты в меня стрелял. Потом явился в бюро. А что было бы дальше? Вы с сообщником повезли бы меня к Садеру или прикончили прямо в машине и выбросили на улице?

Он поморщился:

— Не будешь писать заявление?

— О господи, представляю, каково жилось с таким сынком твоим родителям! Нет, я не буду писать заявление и никому ничего не скажу, но если у тебя тут выбьют какие-либо показания — это не мои проблемы. А если мы, наконец, договорились, обвинение против тебя сможет выдвинуть только прокурор штата, но он не сможет его выдвинуть, если мы все-таки договорились и если ты не круглый идиот.

Он кивнул и хрипло произнес:

— О'кей, слушай. Как бы помягче выразиться… — Задумался. — Ну, в общем, представь: ты согласился прогуляться со мной и моим приятелем. Мы поехали в машине. А ты неожиданно исчез. Все! — И настороженно стрельнул в меня взглядом. Я ободряюще подмигнул, и Оззи продолжил: — Всех бы устроил такой вариант, верно?

— Кроме меня, — заметил я.

Он смутился:

— Ну да, конечно… — И вдруг: — А вообще-то, я ничего не знаю. Может, даже не знаю никакого Садера.

Но то был последний всплеск его яркой индивидуальности.

— Хватит ломаться! — гаркнул я. — Что потом? Ты должен был вернуться к Садеру?

Он вздохнул:

— Только позвонить… Но правда, не знаю я ни Садера, ни его дел…

Кажется, я понял Оззи.

— И куда ты, возможно, стал бы звонить?

Он ответил не сразу. Однако ответил.

— «Голливуд 32-27».

— Это телефон Садера?

— Без понятия.

— А что должен был сообщить?

Он заерзал на стуле, и я жестко приказал:

— Колись, Оззи, только не ври.

Йорк опять глубоко вздохнул и промямлил:

— Я доставил цветы.

— Что доставил?

— Цветы.

— Цветы? И все?

— Все, клянусь!

— Ладно. Но чей же это номер?

— Да говорю, без понятия! Смотри не забудь про свое обещанье.

— Черт, но ты ведь ничего не сказал по существу!

Он развел руками:

— Чем богаты…

(На самом деле я узнал кое-что из того, чего не могла знать Айрис, хотя, конечно, надеялся вытянуть из Оззи побольше.)

— Ладно, Йорк, допустим. А что стряслось между Садером и Бридом?

— Как будто тебе не известно, — буркнул он.

Естественно, у меня имелись соображения на сей счет, как и у любого сыщика, хоть мало-мальски сведущего о махинациях в нашем преступном мире. Но было принципиально, чтобы Оззи рассказал сам.

— Давай подробности, если хочешь, чтобы наш договор состоялся.

— Да какие подробности? — пожал плечами Йорк. — Брид — это же такая скотина… Короче, кто-то организовал громадную аферу, а Брид начал прибирать дело к рукам. А после вообще решил большую часть прибыли заграбастать себе, поделившись со стоящими за ним шишками.

— Какими шишками?

Коротышка вытянул шею, будто захотел получше меня рассмотреть.

— Тебе сколько годиков, малый? — насупился он. — А то не кумекаешь, о ком я?!

…Ох, да кумекаю. Обычно эти имена не назывались вслух, и мелкую сошку вроде Оззи редко посвящали в такие подробности. Но сейчас он явно намекал на тех весьма сомнительных «бизнесменов», против которых недавно выступили сенатор Кефауэр и налоговые службы. Дела-а-а…

Я тоже насупился:

— А Садер заправляет крупными махинациями?

— Еще бы.

— Ясно, Оззи. Все?

Он кивнул:

— Все.

— О'кей. Теперь скажи, чей это номер телефона, и до свиданья.

Йорк снова напрягся.

— Говорю же, не знаю, Скотт!

Может, то было и не очень честно по отношению к нему, но не мог, не мог я упустить такую важную зацепку.

— Замечательно, Оззи! — театрально взмахнул руками. — Тогда прощай. Но коли надеешься вспомнить, советую сейчас. Я-то обойдусь и без тебя — подкачусь к приятелям в полиции, но тогда дело точно получит огласку.

И Йорк сдался.

— Ладно-ладно, Скотт, не запугивай. Это номер любовницы Садера. Ее зовут Китти Грин. Больше не знаю ничего, не имею даже понятия, где живет. Оплачивает квартиру вроде Садер… Ну? Оставишь ты, наконец, меня в покое?! — чуть не закричал он.

— Да-да, Оззи, клянусь. И о своем обещании не забуду, не волнуйся…

Выйдя из тюрьмы и забрав у Ролинса кольт, я поехал с ним в полицейское управление — нужно было потолковать еще кое о чем. Когда приехали, сказал:

— Послушай, дружище, есть небольшое дельце. Мне случайно посчастливилось хорошенько разглядеть с полдюжины парней, пашущих на Брида, и двоих из команды Садера. А нельзя ли нырнуть в ваш фотоархив? Наверняка там имеются снимки этих ребят.

Шестое чувство подсказывало, что мне с ними еще предстоит свидеться, и потому надо было постараться узнать как можно больше.

— Да, и еще, Ролинс… — Сделал вид, что жутко удручен. — Извини, но я не написал заявление на Йорка…

Он округлил глаза:

— Как не написал?! Ведь это ты, ты, Скотт, заварил всю кашу!

— Ну да, заварил, но не горячись, — промямлил я. — Вообще-то, все заварил Оззи или тот, кто за ним стоит… Прости, я пообещал Йорку, что не стану писать заявление. Кабы был полицейским, был бы обязан, верно? А так… Но все, что вытянет из него следователь, не мои дела.

Лейтенант наградил меня недвусмысленным взглядом, и я поспешил направить нашу беседу в иное русло.

— Ну так как насчет фото, а? Это, понятно, очень трудно, да у тебя, конечно же, и времени нет…

Физиономия Ролинса растянулась в снисходительной улыбке. Он молчал, хотя было видно, что уже не сердился. Мне были знакомы все полицейские городского управления Лос-Анджелеса, и мы всегда поддерживали дружеские отношения. Я неплохо разбирался в работе полиции, а больше всего ценил ее замечательную организацию.

— Идем, — важно молвил Ролинс, и я последовал за ним.

Дойдя до нужной комнаты, лейтенант отпер ее ключом, пропустил меня вперед и закрыл дверь. Оставшись один в просторном кабинете, я сел за большой письменный стол и закурил. Через несколько минут Ролинс вернулся. С первого взгляда было видно, что его просто распирает от гордости, самодовольства и осознания собственной значимости.

Бросив на стол две пачки фотографий и выдержав паузу, Ролинс небрежно ткнул пальцем в толстую.

— Брид! — торжественно объявил он.

Потом показал на тонкую пачку:

— Садер.

— Молодчина! — воскликнул я.

Лейтенант расцвел.

— И как же быстро ты отыскал то, что нужно!.. А кстати, у вас нет данных на самых подозрительных лиц в Лос-Анджелесе?

Ролинс уселся напротив.

— Такой информацией не разбрасываемся. Хотя, после смерти Лобо…

— А что ты думаешь о Садере? — перебил я.

— Садере? — Лейтенант почесал затылок. — Ну, любопытный фрукт.

— Еще какой любопытный, — согласился я. — К тому же, между прочим, это, похоже, по его приказу в меня сегодня стреляли.

Ролинс посерьезнел.

— Слушай, Шелл, если тебе действительно есть что сказать, не юли. Нам, кстати, приходится ох как крутиться, чтобы помочь тебе. Утром я видел рапорт о происшествии возле Хэмилтон-Билдинг, ты же заверил Руссо, что не знаешь, кто стрелял.

— Тогда и правда не знал, клянусь!

На секунду подумал: а не поведать ли ему обо всем? Хотя… Хотя что мне известно конкретно? Рассказ перепуганной насмерть девчонки? У меня не было оснований не верить Айрис Гордон, но как отреагирует на это Ролинс, лицо, так сказать, официальное? Да, я располагал теперь ценными сведениями, полученными от Оззи, но ведь обещал же молчать!

Лейтенант испытующе гипнотизировал меня.

Я смутился.

— Понимаешь, до сих пор не могу утверждать, что это однозначно дело рук

Садера. Но ты же знаешь мои методы: идя по следу, способен даже натворить сперва глупостей, а разбираться буду потом. И хоть идей в голове полно, доказательств-то ноль. Вот когда выясню все окончательно, обязательно приду и расскажу.

— Хорошо, Шелл, — кивнул Ролинс и еще с полминуты сверлил меня взглядом. Потом мы начали перебирать фотографии.

Среди людей Брида попался снимок того парня с плоским лицом и узенькими глазками, которого я слегка пристукнул, уходя из «Норы».

— Вот этот, — сказал я, — этот меня очень интересует.

— Артур Боттен, кличка Флик... Ну, их тут у него еще целая дюжина. Десять лет назад был осужден. Сейчас, повторю, живет и, так сказать, трудится как Флик.

— Гм, занятно... — пробормотал я.

— Да обычное дело, Скотт. Такие типы могут иметь сотню кличек, но есть одна постоянная, под которой они известны в своих кругах. Флик приехал из Нью-Йорка месяца два назад и сразу попал в команду Брида. Между прочим, едва ли не самый стреляный воробей в его шайке.

— Даже так? — удивился я.

— Ага, сидел за вооруженное нападение и дважды подозревался в убийстве, но за недостатком улик оба раза его отпускали...

Ну что ж, теперь я достаточно знал о Флике, и еще около получаса потребовалось на просмотр других фотографий. Парней, бывших в «Норе» вместе с Садером, звали Пит Деррик и Лангер. Запомнив их рожи, я принялся изучать внешность Рея Клока, шофера Брида. Дальше занялся той четверкой, которая вышла из лифта «Норы» вместе с Фликом.

Это были Малыш «Джо-Джо» Клейн, огромный, точно горилла, Гарри Фишер, «Шенандо» Гамлет — пожалуй, наименее кровожадный в этой стае тигров — и, наконец, Вагнер, массивный человек с каким-то помятым лицом и очень подходящей к лицу кличкой «Одинокий»: к такому без особой нужды кто подойдет?

Я рассматривал фотографии, пока не убедился, что запомнил их всех. Искренне поблагодарив Ролинса, ушел. Без особой радости, ибо в стенах полиции, признаться, чувствовал себя в безопасности, а на улице нет.

По номеру телефона, который назвал Оззи, я нашел адрес Китти Грин, потом доехал до ближайшей телефонной будки и набрал «Голливуд 32-27», подумав об этом бабнике Марти Садере. Наверняка его амурные похождения и довели до безумия несчастную женщину в Николс-Каньон-Роуд. И почему-то возникла уверенность в том, что трубку обязательно поднимет особа с резким и неприятным голосом.

...Глупец, как же я ошибся!

ГЛАВА IX

Вы пробовали когда-нибудь охлажденный пунш с мятой? А знакома вам свежесть ковра из мягких сосновых иголок в хвойном лесу? Вот нечто вроде этого я ощутил, услышав голос на другом конце провода. Голос был полон нежности и покоя и вполне мог бы принадлежать вашей младшей сестренке или женщине, к которой вы питаете пока еще самые глубокие чувства.

И в первый момент я так удивился, что даже не сразу сумел ответить.

— Алло! Алло! — тревожно восклицала трубка.

А я слушал этот чудесный голос и думал, что случилось недоразумение: коротышка солгал либо я по ошибке набрал не тот номер.

— Алло, это «Голливуд 32-27»? — обрел наконец дар речи.

— Да-да, говорите.

Я почему-то чувствовал себя круглым дураком, но, тем не менее, стараясь дышать как можно спокойнее, произнес:

— Я доставил цветы.

В трубке помолчали. Потом удивленно:

— Повторите, пожалуйста!

Я повторил.

— Извините, — прощебетало, конечно же, какое-то просто неземное создание, — но вы, наверное, ошиблись. Кто вы?

— Я... доставил... цветы... — продолжал заклинать я утробным потусторонним голосом.

В трубке раздался веселый смех:

— Боже, что вы несете?! Ну правда, кто это?

Я повесил трубку, заглянул в блокнот с адресом мисс Грин и, сев в «кадиллак», поехал к ее дому.

Китти Грин жила на Колгейт-авеню рядом с Беверли-Хиллз. Ее коттедж почти не отличался от соседних, разве что был чуть меньшего размера. Еще с улицы я заметил ухоженный газон, на котором доцветали последние осенние цветы. Заасфальтированная дорожка вела к дому, и желтые листья кружились над ней. Дорожку, к слову, явно совсем недавно подметали. Честное слово, этот райский уголок навевал такой же покой и уют, как и голос в телефонной трубке. Остановившись напротив калитки, я вышел из машины и направился к коттеджу мисс Грин.

Поднимаясь вверх по аллее, изо всех сил пытался представить девушку, чей чистый серебряный голосок продолжал звенеть в моих ушах. Но нет, не получалось — так, нечто эфемерное, нереальное, смутное.

Постучав в дверь, услышал торопливые шаги. Дверь распахнулась, и я увидел Китти Грин. Она стояла на пороге, а свет из глубины дома четко обрисовывал ее силуэт. (Между прочим, мои часы показывали уже половину восьмого; солнце почти зашло, и начинало смеркаться.)

Это была маленькая женщина — метр пятьдесят пять, не выше — с густыми темными волосами, очень молодая, почти юная.

— Здравствуйте! А вы кто? — удивилась она. (Тот самый голос!)

— Добрый вечер, — почтительно кивнул я, тоже пытаясь говорить как можно нежнее. — Меня зовут Шелл Скотт. Очень хотелось бы с вами побеседовать. Разрешите войти? — И протянул ей удостоверение, в котором черным по белому было написано, что я частный детектив, на всякий случай уточнив: — То есть, сыщик. Так позволите?

Бросив взгляд на удостоверение, она сжала губы и на мгновение опустила голову, но тут же резко отбросила блестящие волосы назад и более внимательно посмотрела мне в лицо.

— Почему нет? Входите, мистер Шелскот.

Я шагнул через порог и вздохнул:

— Два слова.

Китти недоуменно застыла:

— Что значит — два слова?

Виновато развел руками:

— Ну, два. Шелл и Скотт.

— Ой! — И она громко засмеялась своим жемчужным смехом. — Простите, пожалуйста! Как глупо! То есть, я хотела сказать, какая я глупая! Садитесь, садитесь, мистер Шелл... — пауза... — Скотт.

Я опустился на стул, а она расположилась в огромном мягком кресле.

— Можно просто Шелл, мисс Грин. Мисс? Я не ошибся? (Да вряд ли ошибся: она походила на изящную школьницу; лет двадцать — потолок.)

Китти кивнула:

— Конечно. Но откуда вам известно, что я — Грин?

— А это не так?

— Так, верно. Кэтрин Грин, хотя друзья зовут меня просто Китти.

Улыбнулась:

— Вы тоже можете, если… если объясните цель визита.

Ох, даже и не знал, как начать. У нее был вид милой девочки-подростка, собравшейся внимательно слушать учителя на уроке.

— Вы не против поговорить о мистере Садере? — начал я.

— О Марти? А что случилось? — Она заволновалась. — Надеюсь, с ним ничего не произошло?

— Да нет, все в порядке… пока… но…

Я чувствовал себя не в своей тарелке, но, черт возьми, нужно действовать решительнее. Между прочим, еще не известно, что сообщит мне эта куколка. Красивые женщины зачастую лживы: не доверяйся внешности, Шелл, ох, не доверяйся!..

Состроил официальную физиономию и почти сурово вопросил:

— Вы хорошо знаете Садера?

— Да, — удивилась она.

— И где познакомились?

Китти нахмурила свой фарфоровый лобик:

— А вот это мое личное дело, мистер… Шелл…

(Ого, а крошка-то с характером!)

Конечно, она права: это не должно интересовать меня ни дня в году. Но сегодняшний день был особенным, и сегодня это меня интересовало.

Как мог мягко произнес:

— Простите, но проблема в том… Проблема в том, мисс Грин, что я в курсе… м-м-м… ваших отношений с мистером Садером.

Она вызывающе подняла голову:

— И что же?! Явились читать мораль, мистер Скотт, или зачем-то еще?

— Простите, — повторил я, — за бестактность… — И вдруг неожиданно для самого себя выпалил: — А между прочим, ваш Марти сегодня утром приказал своим людям пристрелить меня! Вот так!..

Чуть исподлобья следил за ее реакцией. Сначала до Китти не дошел смысл моих слов: смотрела по-прежнему агрессивно. Однако уже через несколько секунд глаза ее округлились, и она пролепетала:

— Что?! Как вы сказали?.. Да вы, вы, наверное…

— А когда со мной было бы покончено, — продолжил я, — его головорезы должны были позвонить вам и сказать: «Я доставил цветы». То есть Шелл Скотт уже на том свете. Понятно?

Лицо Китти исказилось от гнева. Побелев как мел, она встала и тихо, но решительно отчеканила:

— Лжец! Убирайтесь вон! — И тут же голос ее окреп: — А-а-а, так это вы недавно звонили! О господи, неужели думаете, что…

За следующую минуту ваш несчастный покорный слуга поимел удовольствие услышать, что он гнусный тип, подлец, мерзавец и негодяй, ибо нагло вторгся в ее дом и собрался ее шантажировать. В качестве заключительного аккорда Китти буквально набросилась на меня, и пришлось сдавить ей запястья, дабы уберечь цвет и форму собственного лица. Но и даже когда крепко держал мисс Грин, та продолжала громко кричать, брыкаться и пытаться царапаться своими длинными холеными ногтями. И, между прочим, как говорят в подобных случаях, в гневе казалась еще прекрасней.

Наконец, убедившись, что ударить все-таки не получится, Китти ловко вывернулась и, отбежав в угол комнаты, схватила с журнального столика изящную высокую вазу, стоившую, должно быть, тысяч двадцать, не меньше, и запустила мне в голову. Не нагнись вовремя, неизвестно, чем бы это закончилось. А так, пролетев через всю комнату, ваза грохнулась о стену и рассыпалась на тысячу крохотных осколков.

Гм, вот это было уже совсем некрасиво. Я скакнул к хулиганке и снова сжал ее руки. Отныне она не представляла опасности для моей драгоценной жизни и, желала того или нет, была вынуждена слушать.

— Повторяю еще раз, кошечка: утром некто дважды стрелял в меня, но промахнулся. И если стрелок не сам твой Марти, то я должен узнать, кто!

И Китти Грин внезапно успокоилась. Я отпустил ее, и она тут же залезла в свое кресло, поджала ноги и стала растирать запястья.

— Извините, — сказала тихо. — Но я все равно уверена, что вы врете. И вы... вы сделали мне очень больно.

— Это вы извините, мисс Грин, — вздохнул я. — Вы тоже доставили мне несколько веселеньких минут, но... к сожалению, я не вру.

Она вдруг улыбнулась, а потом негромко рассмеялась, ей-богу!

— Ну ладно, так что там у вас за дурацкая история?

— Увы, совсем не дурацкая, мисс Грин, — пожал плечами я.

— Китти.

— Что?

— Называйте меня Китти.

— Спасибо, Китти, вы мне тоже сразу понравились.

Теперь рассмеялись мы оба.

— Но что же сказать, Китти, чтобы снова не вызвать вашего гнева? Поскольку мои доводы слишком серьезны, наверное, лучше пойду.

Она замотала головой:

— Нет-нет, я больше не буду сердиться, мистер Скотт... то есть, Шелл... — И опять виновато улыбнулась.

— Хорошо, — согласился я, — только не забудьте о своем обещании. А теперь ответьте на вопрос: был у вас Садер утром, до обеда?

— Нет.

— А после?

— Тоже нет. Знаете, обычно Марти приезжает без предупреждения. Может, и сегодня хотел, да что-то его задержало?

«Без предупреждения...» — подумал я и взглянул на зашторенные окна. Не исключено, Садер еще появится, но...

Постепенно события выстраивались в довольно четкую логическую цепочку: отдав подчиненным приказ убить меня, Марти обязательно должен был бы приехать в дом Китти, где наверняка чувствовал себя в полной безопасности, и ждать тут телефонного звонка своих головорезов. Но его планы сперва нарушила Айрис, сбежавшая из «Норы», а потом и я — когда отделал и сдал в полицию Оззи.

— Китти, — обратился к девушке, — у меня есть основания полагать, что я позарез был нужен Садеру, и не для того, чтобы получить подарок ко дню рождения. Я говорил с одним из его людей, его женой, самим Марти, наконец. И к тому же сегодня произошли события, которые...

Но Китти уже не слушала — не моргая, уставилась на меня так, будто я влепил ей пощечину, крепко вцепилась в подлокотники кресла и судорожно ловила ртом воздух. Я ничего не понимал.

— Его женой?! — наконец, задыхаясь, выдавила она. — Какой женой? У Марти нет жены!..

Китти казалась такой несчастной, что захотелось обнять ее и утешить, как маленькую девочку. Но чем, чем тут можно было утешить!..

— Китти, дорогая… — растерянно пробормотал я. — Ради бога, простите, но разве вы не знали, что Садер женат?

— Не городите чепухи! — огрызнулась она. — У него нет жены!

Девушка старалась говорить бодро, но тонкий голос ее дрожал.

— Увы, Китти, — вздохнул я, — у Садера есть жена. Утром я виделся с ней, и мы даже немножко поболтали. Но не пойму, зачем Марти понадобилось скрывать это от вас — дело, в общем-то, обычное.

— Нет-нет! — Голос ее окреп. — Не верю… Не верю, мистер Скотт!

(Да, с ней было непросто — даже когда она не дралась.)

— Вы хоть раз звонили Садеру домой, Китти? — просто спросил я.

— Н-н-нет… — Девушка на секунду умолкла. — Не звонила, потому что… потому что он запрещал… — договорила растерянно и встала.

— Ну, еще бы не запрещать, — грустновато улыбнулся я.

Китти какое-то время неподвижно стояла посреди комнаты, а потом вдруг подошла к телефону и стала набирать номер.

— Что вы делаете?! — воскликнул я.

— Ничего, хочу услышать Марти и убедиться, что вы лжете.

— Не советую, Китти, — снова вздохнул я. — Не звоните туда, пожалуйста.

— Оставьте свои советы при себе! — отрезала она и через мгновение уже говорила в трубку: — Алло! Добрый день. Можно позвать к телефону мистера Садера? Его нет? А когда будет?.. — С полминуты молча слушала, и лицо ее становилось все мрачнее. — А извините, с кем?..

Я внимательно наблюдал за Китти, наперед зная, что та услышит в ответ. И вот губы девушки дрогнули, а глаза наполнились слезами, хотя она не зарыдала, нет. Крепко сжав рот, уставилась в одну точку и, очевидно, дослушав говорившего на другом конце линии, переспросила:

— Кто звонит? О, это Китти Грин… — Снова пауза, и: — Нет-нет, не волнуйтесь, я больше не позвоню… — Прижав трубку к уху, она слушала что-то еще, а затем ледяным тоном медленно произнесла: — Да-да, хорошо… — И, положив трубку, снова опустилась в свое, должно быть, любимое кресло.

Китти долго сидела неподвижно. Я от нечего делать принялся изучать рисунок обоев на стенах, и вдруг раздался ровный, спокойный голос:

— Вы оказались правы, мистер Скотт.

Попытался утешить ее:

— Страшно сожалею, что так получилось, мисс Грин… — Но, увы, это было единственное, что я мог предложить маленькой подружке Садера в качестве успокоительного.

Самое лучшее сейчас — уйти.

Поднялся со стула:

— Мне пора, мисс Грин.

Однако реакция ее была совершенно неожиданной.

— Нет-нет, мистер Скотт! — вскрикнула девушка. — Пожалуйста, не уходите! Она… она знает все. Про меня и Марти… И она хочет, чтобы мы встретились. Вы… поедете со мной?..

Ничего себе предложеньице! Я как-то не планировал еще раз посещать Николс-Каньон-Роуд. По крайней мере, в текущем столетии. Да и Марти уж точно не будет в восторге, увидев меня на пороге своего дома, и к тому же целым и невредимым.

Плюс наверняка за мной вовсю охотятся люди Брида: повздорив три месяца назад с Лобо, я в свете нынешних событий автоматически попадал под подозрение

в убийстве Красавчика. Ну и наконец, оглушив в «Норе» Флика, который меня узнал, действительно точно громогласно объявил на весь город: Скотт — человек Садера.

Конечно, полный абсурд: я — человек Садера! В обычной ситуации мне было бы глубоко плевать, что там вообразят какие-то уголовники, но... Но то в обычной, а теперь приходилось с грустью констатировать: я, Шелл Скотт, оказался меж двух огней. Точнее, двух разъяренных волков. Короче, здорово влип.

— Поверьте, это плохая идея, — попытался отговорить я Китти. — Не надо ехать, не надо. Там... там вас не ждет ничего интересного.

Она посмотрела мне в глаза:

— Я хочу поехать и хочу увидеть ее. И все равно отправлюсь туда, даже если придется идти пешком.

Я вздохнул:

— У вас есть машина?

— Нет. Пока нет, правда... Правда, Марти обещал подарить, когда мы с ним... — И не договорила.

Решение Китти было абсурдным, но я уже знал, что не отпущу ее одну. На мгновение стало жутко не по себе, когда представил юную хрупкую девушку рядом с сумасшедшей миссис Садер.

Закрыв глаза, она прошептала:

— Ну? Вы едете?

На Китти было жалко смотреть, такой слабой и несчастной казалась она сейчас.

Да еду, черт побери, еду!..

ГЛАВА X

Мы оба молчали. Надеясь, что Китти образумится, я иногда уточнял, не передумала ли она, но слышал в ответ неизменное «нет».

Свернув на Николс-Каньон-Роуд, сотый раз вздохнул: а мне-то за что все это? Везу девочку к старой мегере, которая в придачу — жена человека, пытавшегося меня убить. И еще в такую ночь!

Да, была уже почти ночь, и наиболее располагающая, на мой взгляд, ко всякого рода преступлениям — если только такие ночи вообще существуют. В безлунном черном небе сияли далекие звезды, холодные и какие-то враждебные. Ветер гнул верхушки деревьев, то завывая, то ненадолго умолкая, чтобы потом внезапно обрушиться на все сущее вновь.

И вот в этакую-то веселенькую ночку мы направлялись в гости к сумасшедшей. Да еще по собственному желанию!

Светящиеся окна дома Марти были видны издалека. А в тот момент, когда остановил у обочины «кадиллак», входная дверь открылась, и оттуда высунулось лошадиное лицо миссис Садер.

Я вылез из машины, подал руку Китти, и мы вместе пошли к дому. Миссис Садер, не отрываясь, смотрела на меня слегка блуждающим взором. Невольно поежился. В руках ее, к счастью, не было сейчас ни пистолета, ни стакана, однако с последним госпожа Садер явно рассталась совсем недавно: глаза ее горели пьяным остервенением. Она еле ворочала языком, хотя очень старалась и сумела почти без акцента выдавить:

— А вы-то что здесь делаете?

— Сопровождаю мисс Грин, — галантно ответствовал я. — Мы приехали вместе.

— Ну а теперь валите отсюда! — заявила она.

Я пожал плечами и собрался было направиться к калитке, но Китти схватила меня за руку:

— Ради бога, не уходите, Шелл! — И взволнованно обратилась к миссис Садер: — Мистер Скотт нам не помешает, уверяю вас! Пожалуйста, разрешите ему остаться!

Только теперь жена Марти посмотрела на Китти, и стало ясно, что она видит соперницу впервые. Мутные глаза пристально разглядывали тонкие черты юного, свежего лица девушки, и, должно быть, неосознанно, миссис Садер вдруг дотронулась до своей щеки. Потом перевела глаза на стройную фигурку Китти, одетой в элегантный костюм, — и, знаете, мне снова стало жаль бедную, пьяную миссис Садер.

А та хриплым голосом неожиданно произнесла:

— Да ты, оказывается, красивая…

Похоже, ей и впрямь хотелось рассмотреть девушку, с которой Марти проводит свободное время. Каюсь, до этого момента я про себя ее иначе как каргой и не величал, но сейчас правда жалел, потому что представлял, какие чувства испытывает женщина, знающая, что муж, которому она не нужна, развлекается с другой, очень молодой и очень красивой. Но… Но тут она набрала в легкие воздуха и вновь стала той, утренней, миссис Садер.

— Так вот ты какая, новенькая!.. Новенькая — очередная в его длинном-предлинном списке… Последняя шлюха, которую он где-то подобрал… — готовая сорваться на крик, злобно забормотала она.

Китти задрожала, а миссис Садер, как цапля вытянув шею, вперилась в нее сверлящим взглядом.

— Послушайте, сударыня! — не выдержал я. — Выбирайте-ка выражения, когда…

— Когда общаюсь со шлюхой, хочешь сказать? — оборвала она меня.

Лицо Китти было теперь полной отчаяния неподвижной маской, а пьяная старуха все орала:

— Шлюха! Шлюха! Шлюха!.. Ты даже не замужем!.. А я — я замужем! За ним! А ты, грязная…

Внезапно она заткнулась, наградив и многострадального Шелла Скотта ненавидящим взглядом.

— Так зачем вы просили меня приехать? — вдруг спокойно спросила Китти.

Госпожа Садер не удостоила ее ответом и продолжала в упор пялиться на меня.

— Уходите, — выдавила наконец. — Вас я не звала и видеть не желаю.

Но тут снова вступила Китти, и тон ее был на диво решительным:

— Это я попросила мистера Скотта поехать со мной и хочу, чтобы он остался.

Миссис Садер резко повернулась к ней, обдав заодно и меня тошнотворным запахом перегара. Помолчав несколько секунд, проворчала:

— Я, между прочим, у себя дома! А вам обоим здесь делать нечего.

— Нет уж, позвольте, — упрямо дернула плечом Китти. — Вы сами пригласили меня…

Мисс Грин явно оправилась от первой, внезапной, атаки жены Садера, и ее собственный, как я убедился, твердый характер оказался сильнее страха, наверное, все же испытываемого Китти в обществе этой безумной пьянчуги. Но у меня-то не было ни малейшего желания влезать в грандиозный скандал, признаки которого уже вовсю витали в воздухе.

— Нам действительно лучше уйти, Китти, — предложил я. — Разве не видите, в каком она состоянии. Пойдемте.

Но девушка отрицательно замотала головой.

А миссис Садер не унималась. Не уверен, что, приглашая Китти, она собира-

лась закатить ей сцену, но, увидев такую молодую и цветущую соперницу, не сдержалась. Подскочив к девушке, грубо схватила ее за руку.

— Ты считаешь, что все продумала?! — закричала хрипло. — Что он меня бросит? Ну нет, он мой муж, а ты ему скоро наскучишь! Ведь ты, милочка, не первая и не последняя. Да у него еще сотня таких будет, и даже лучше!

Лицо госпожи Садер перекосилось, покрасневшие глаза готовы были испепелить Китти, в уголках рта выступила пена.

Я увидел, как напряглась бедняжка при последних словах старой фурии. Та тоже заметила это и продолжила вопить, брызжа слюной:

— Десять лет я считаю его потаскушек, одну за другой. Он бросит и тебя, не сомневайся. А я останусь! Я всегда остаюсь, потому что он меня любит! Ты поняла: любит! Меня одну!

И — горделиво подбоченилась, презрительно глядя на Китти, готовую разрыдаться. Грудь девушки бурно вздымалась, она ловила ртом воздух, и наконец, словно пробудившись от страшного сна, вырвалась из цепких рук пьяной миссис Садер и с искаженным лицом побежала к машине. Я — за ней. Сев в «кадиллак», Китти уронила голову и заплакала.

Обратно мы ехали молча. Китти, отвернувшись к окну, за всю дорогу не произнесла ни единого слова, лишь иногда слегка вздрагивала и зябко передергивала плечами. Мне, естественно, говорить было тоже не о чем.

Остановив машину возле дома Китти, вышел, чтобы подать ей руку, но она, опередив меня, уже бежала по темной аллее. Я поспешил следом, однако девушка, вбежав в дом, захлопнула дверь перед самым моим носом.

Вернувшись в машину, я закурил и подумал: «Ты такая свинья, Марти, что мне хочется даже не пристрелить тебя, а прирезать!»

ГЛАВА XI

Глянул на часы: ровно девять — и обругал себя последними словами: мотаюсь черт знает где, а мои девочки там одни, да еще ждут спагетти!

Выжимая из «кадиллака» почти все, на что он был способен, при повороте с Фейрфакс-авеню на бульвар Санта-Моника я вдруг увидел в зеркале заднего вида слепящий свет фар.

Список продуктов лежал в кармане, и я поехал к магазину «Келси», заранее предвкушая, как буду есть спагетти по-итальянски, приготовленные Миа. Эх, все-таки жаль, что совершенно нет времени заняться ею всерьез.

Голод и зверская усталость. Спина затекла; попытался усесться поудобнее и... снова заметил свет фар машины, ехавшей сзади.

Вот это было уже совсем нехорошо, а у меня, между прочим, на такие вещи нюх. Ведя какое-то дело, больше всего не люблю, когда мне яркими фарами слепят глаза. «Ведя какое-то дело...» Эта мысль даже показалась забавной: какое же дело веду я сейчас?..

Обычно в бюро является клиент и просит за определенную сумму решить его проблемы. А сейчас? Сейчас я — и, заметьте, бесплатно — пытаюсь решить свои собственные проблемы. Слушайте, сейчас я сам был своим собственным клиентом!

И во всем виновата рыжеволосая певичка Айрис, в чьей симпатичной головке родилась гениальная мысль: сказать Садеру, что она, видите ли, оказалась свидетельницей того, как тот с дружками пришил Лобо. Да еще и меня в эту гадость впутала, поставив вашего покорного слугу в куда более сложное положение, чем если бы, допустим, предложила: «Вот вам, мистер Скотт, миллион долларов. Займитесь моим делом». Обычно так поступает большинство нормальных клиентов, но, правда, с единственной оговоркой: почему-то никто не предлагает миллион.

Да-а-а, нынешний случай — явно новая страница в моей практике. Уж лучше бы все оставалось по-старому.

Я почти подъехал к магазину. Автомобиль с назойливыми фарами следовал на расстоянии сотни метров. А может, случайность? Машин на дороге много. Резко свернув влево, затормозил на малоосвещенной улочке рядом с магазином и оглянулся: зеленый блестящий «де сото» с откидным верхом проехал мимо. Наверное, действительно нервы стали сдавать.

Купив все, что заказала Миа, я зашел в мясную лавку и выбрал еще три телячьи вырезки, а спустя четверть часа уже подходил к своему «кадиллаку» с объемистым пакетом продуктов и большой бутылкой виски «Старый дед», которой предстояло отлично дополнить наш ужин. Бросив пакет на заднее сиденье, хотел было сунуть туда же бутылку, но передумал, бережно положил рядом с собой. Она станет моим единственным спутником в дороге, и время от времени я буду трогательно и нежно касаться ее рукой. Включив зажигание, обернулся посмотреть, нет ли сзади машин, и замер. На противоположной стороне темной улицы стоял «де сото».

Маловероятно, что то был близнец автомобиля, ехавшего недавно за мной по пятам. Скорее всего, тот же самый. И что это значит: нервы уже ни к черту или действительно слежка? Огляделся и увидел мужчину невысокого роста, торчащего у освещенной витрины магазина. Он явно смотрел на меня, однако я так устал, что не возникло ни малейшего желания проверить свои подозрения. И вдруг...

— Эй, подождите! — Мужчина махнул мне рукой, но я уже ехал.

Он даже попытался бежать за машиной.

— Эй, мистер, стойте!..

Ощущая неприятную дрожь в коленках, лихорадочно размышлял, сколь обоснованны мои подозрения. Признаться, находился в таком состоянии, что в каждом встречном готов был видеть русского шпиона. В общем, чувствовал себя прескверно.

Еще с полчаса я ехал очень осторожно, вертя головой по сторонам в ожидании непредвиденных осложнений, но, слава богу, ничего не случилось. Около половины одиннадцатого подрулил к нашему убежищу, дважды посигналив, взял пакет, бутылку и вылез из машины.

Дверь открыла Айрис. Свет из комнаты обрисовывал ее стройную фигурку и игриво переливался в рыжих волосах.

— Я уже стала беспокоиться, Шелл, — сказала она.

— Наверное, просто очень хотите есть, дорогая, — предположил я.

Айрис улыбнулась:

— Зверски голодна, но и за вас волновалась не меньше.

Она распахнула дверь настежь, я вошел, поставил пакет с продуктами на пол, повернулся к Айрис и... еле узнал ее.

О, она была прекрасна!.. За время моего отсутствия Айрис отдохнула, и голос ее стал мягким и нежным. Я и раньше знал, что у нее рыжие кудри, но только сейчас заметил золотистые искорки, которые загорались и ослепительно мерцали, едва девушка хоть чуточку шевелилась. А большие, обрамленные черными ресницами глаза блестели ярким синим огнем. Какая жалость, что мне нужно опять вернуться в город!

Присев на краешек кровати, я зачарованно уставился на Айрис. Увидев виски, она нагнулась за бутылкой, и короткий пуловер задрался, обнажив грудь. Не замечая этого, она радостно воскликнула:

— Шелл, вы прелесть! Хотите?

Я настолько был потрясен открывшимся видом, что стоило неимоверного труда ответить так, будто ничего особенного не произошло.

— Конечно, хочу, ведь сегодня еще не пил... — Сам же пялился на грудь Айрис. — А... а найдутся тут три стакана, чтобы... нам всем...

(Ой, пуловер вдобавок еще и пополз с плеча!)

— Но где же Миа? — с трудом выдавил я.

— Скоро вернется. (Вот это номер!)

— И куда же она пошла?

— Не нервничайте, Шелл. В магазин.

— В магазин?! Зачем? — недоумевал я.

Айрис тоже села на кровать, совсем рядом, и, словно желая успокоить, погладила меня по коленке. Гм, успокоила, нечего сказать!

— Миа забыла попросить вас купить чеснок, — пояснила Айрис тоном прилежной ученицы: — А соус по ее рецепту без чеснока не приготовишь. Соседский мальчик сказал, что недалеко есть магазин. Ну, Миа и пошла.

...Два небольших розовых холмика совсем близко. Я почувствовал, что сейчас рехнусь. Надо во что бы то ни стало хватать себя в руки...

— Какой мальчик?! Какой магазин? — Попытался сделаться воинственным и грозным. — Мы приехали сюда бродить по окрестностям?

Но Айрис не испугалась.

— О Шелл, ну что вы такое говорите! «Бродить по окрестностям»! Вот увидите, Миа вернется через четверть часа.

— Но она даже не знает, открыт ли магазин!

— Продавец живет там же, — сообщила Айрис, — нам мальчик сказал. Чего вы раскричались, лучше выпейте.

— О'кей, — проворчал я. — Дайте бутылку, мне это действительно необходимо. Да не ищите стакан, я из горлышка.

— Но, может, вы... Ой, мистер Скотт!..

Айрис растерянно смотрела на свою обнаженную грудь. Сцена занятная, жаль, времени на спектакль целиком катастрофически не хватало.

— Простите... — покраснела, одергивая куцый пуловер.

— Ничего-ничего, — тактично пожал я плечами, — с кем не бывает.

— А знаете, — сказала она, — я так хотела бы одеться специально к ужину.

— «Одеться к ужину»... — рассеянно повторил я. — Да не до ужина, милая. Времени — только чтобы выпить, не более. Даже не дождусь Миа.

— Жаль, мне правда хотелось выглядеть сегодня элегантной, — вздохнула Айрис. — Ведь вы не видели меня в платье, Шелл.

— В платье вы наверняка еще прекраснее, — галантно отчеканил я.

Она лукаво стрельнула глазами, капризно надула губки и, обойдя кровать, взяла одно из разложенных на подушках платьев Миа.

Приложив его к груди, кокетливо чирикнула:

— Нравится?

— Очень!

Критически осмотрев платье со всех сторон, Айрис бросила его на постель и взяла другое.

— А это?

— Еще лучше.

Она улыбнулась:

— Тогда его и надену, Шелл. И сниму, наконец, эти проклятые брюки.

Я с трудом сглотнул. На миг показалось, что язык прилип к нёбу, но все же взял волю в кулак и с усилием сумел произнести единственное слово:

— Замечательно!..

Айрис стояла совсем рядом, так близко, что я мог бы коснуться ее рукой. Голубой пуловер сзади был на пуговицах, которые она начала медленно расстегивать. Представляете, что чувствовал в тот момент?!

— Не смотрите, хорошо? — попросила Айрис.

Не смотреть?! Эх, девочка, а сама-то поняла, о чем просишь? Сие сильнее меня, потому в ответ я лишь выдавил жалкое подобие улыбки.

Она тоже улыбнулась и повернулась спиной. Я же, пока Айрис одну за другой расстегивала четыре большие пуговицы, размышлял о том, с чего это она вдруг стала переодеваться при мне, если Миа и вправду отправилась за чесноком. О женская душа!..

Справившись с последней пуговицей, Айрис слегка дернула плечом, и пуловер упал на пол. Спина была восхитительная! Ой, а вот если бы сейчас она вдобавок повернулась передом... то есть, лицом... И если б еще...

Но нет, суровая жизнь бесцеремонно вторглась в хрупкий мир моих мятежных грез, и, хотя возбудился почти до предела и сердце собиралось вот-вот выскочить из-под пиджака, вдруг показалось, что снаружи донесся шорох. Я прислушался и понял: шаги.

— Ничего не слышите, Айрис? — спросил тихо.

— Что? — Она была всецело поглощена платьем.

— Кажется, на крыльце кто-то стоит.

— Где?! — воскликнула девушка и резко обернулась.

...Да, грудь у нее, конечно, что надо, но, увы, любоваться ею было уже некогда. Еще мгновенье как завороженный я пялился на Айрис, одновременно слыша, что открывается дверь. А еще через секунду грубый голос рявкнул:

— Руки на колени, Скотт! И не двигаться.

Ну что за жизнь! Я так и не добрался до своего глотка виски. А может, и не только глотка. И не только виски...

ГЛАВА XII

«Не двигаться», — велели мне, но это просто наглость, и я оглянулся полюбопытствовать, кто же там раскомандовался.

...Слушайте, в другой ситуации нарисовавшийся в дверях плюгавый тип вызвал бы во мне гораздо меньший интерес, нежели полуобнаженная Айрис. Но сейчас был несколько иной случай: в руке этот недомерок сжимал револьвер. И — пикантный нюанс: хотя оружие было направлено на меня, его обладатель, не отрываясь, пожирал глазами Айрис. И вообще-то, его можно было понять.

— Не двигайтесь, — проворчал он и Айрис.

Но девушка, не обращая на эти слова ни малейшего внимания, повернулась к непрошеному зрителю спиной и начала опять натягивать пуловер.

— Встань, Скотт! — услышал я.

И тут осенило — то был подручный Брида, которого видел в бинокль выходящим из «Норы» и чью фотографию показывал лейтенант Ролинс в архиве отдела специальной службы лос-анджелесской полиции.

Джо-Джо Клейн, кличка — Малыш. Еще один субтильный человечек с огромным револьвером. Везет же сегодня на недоделков! Хотя, по правде, уже казалось, что за мной гоняются абсолютно все, у кого есть пистолет.

— В чем дело, дружище? — невинным тоном поинтересовался я.

— Где Садер?

— Кто-о-о?!

— Садер, идиот!

— Ты в своем уме, парень? Откуда мне знать!

Он шагнул вперед и заорал:

— Отвечай, скотина! И не валяй дурака!

— Да не валяю. Мне действительно не известно, где Садер.

Человечек ухмыльнулся. Он не верил, это ясно. (А между прочим, я на его ме-

сте тоже бы не поверил.) Внимательно посмотрел на Джо: нельзя сказать, что Малыш был совсем уж некрасивым, но темные густые волосы почти закрывали глаза, перебитый нос сросся кое-как, выглядя еще хуже моего, и все это вместе придавало ему довольно устрашающий вид.

— Можешь не верить, но я правда не знаю, где Садер, — повторил я.

— Ладно-ладно, колись! Ты же работаешь на него. — От возбуждения Малыш даже затоптался на месте.

Я вздохнул: эх, к сожалению, оглушил в «Норе» Флика после того, как он увидел меня, а не до.

— А Брид в курсе, что ты здесь? — спросил теперь я.

— Еще бы! — хохотнул Джо-Джо.

— Ну тогда передай, пожалуйста, Бриду, что вы все рехнулись — я ни на кого не работаю, а на Садера тем более. Я только хочу, чтобы меня оставили наконец в покое. В общем, можешь отправляться баиньки, понял? А кстати, как ты меня нашел?

Малыш ухмыльнулся, оскалив острые зубы. Он был явно польщен.

— Да ты сам показал дорогу, кретин. А я ехал следом. Несложно, да? — И опять посуровел: — Ладно, хватит крутить! Где Садер?

«Ехал за мной… сам привел… Ну ясно: зеленый “де сото”, тип у магазина, пытавшийся заговорить… Ты и правда кретин, Скотт!»

А Джо-Джо все потрясал своим пугачом. Похоже, у него насчет Садера была просто навязчивая идея, и избавиться от Малыша становилось для меня вопросом чести.

— Послушай, Джо, — ласково прогугукал я. — Если твои куриные мозги вообразили, что еду к Садеру, то, как видишь, попал пальцем в небо. Его здесь никогда не было и быть не могло.

Покосившись на Айрис, Малыш ехидно усмехнулся:

— Конечно, вижу. Здесь он совершенно не нужен, — но тут же снова насупился: — Кончай болтать! Поехали. Оба.

— Куда это? — удивился я.

— Узнаешь. И раз я для тебя не авторитет, то с боссом точно станешь посговорчивее. А он оч-ч-чень обрадуется вашей встрече.

— Не думаю, — максимально равнодушно проговорил я и, затаив дыхание, шагнул в сторону двери, всем сердцем моля бога, чтобы Джо-Джо не вспомнил о моем кольте.

Но он оказался не так глуп, как я надеялся.

— Эй! — кивнул коротышка Айрис. — Ну-ка, птичка, возьми его игрушку. И без глупостей!

Метнув на Малыша ненавидящий взгляд, девушка протянула руку к моей кобуре. Прекрасные синие глаза округлились, когда она сжала прохладный металл револьвера, и…

И вдруг Айрис как-то странно посмотрела на меня, потом на Джо-Джо, и мне показалось, что ей в голову пришла явно безумная мысль. Безумная потому, что все это могло кончиться очень плачевно.

— Не надо, Айрис… — пробормотал я. — Не надо…

От волнения она даже высунула кончик языка, но, услышав мои слова, замерла, по-прежнему держа в руке револьвер.

— Теперь брось его! — приказал Джо-Джо.

Девушка опять глянула на меня.

Я медленно кивнул:

— Бросьте, Айрис, бросьте.

Она швырнула кольт Малышу под ноги. Джо-Джо, не отводя от нас цепких глаз, стремительно нагнулся, схватил его и сунул в карман.

— Отлично! Ну, кукла, вперед.

Джо-Джо держал пушку наготове, и ничего не оставалось, как подчиниться. Айрис вышла первой, я — за ней, чувствуя на затылке хриплое дыхание Джо-Джо, чуть не наступавшего на пятки. Раза два он даже ткнул дулом револьвера мне между лопаток, но очень резко и быстро — чтобы я не смог завладеть оружием. Да вряд ли бы рискнул — спина у меня нежная и чувствительная, я привык беречь ее, как, впрочем, и остальные части тела.

Малыш велел нам лезть в «кадиллак», и когда я сел за руль, вспомнил вдруг про Миа: шляется где-то со своим треклятым чесноком! А может, ей следовало бы нагрянуть именно сейчас — мало ли... Хотя нет, появление девушки еще сильнее разозлило бы Джо-Джо. Нет-нет, Миа, не появляйся!..

Малыш велел мне ехать. Я решил без возражений выполнять все требования, тем более что Айрис сидела рядом с бандитом и дуло его револьвера упиралось в ее правую грудь. Притворился, что не вижу.

Мы остановились у невысокого здания в самом центре Риверсайд-Драйв и вышли из машины. Айрис по приказу Джо-Джо нажала кнопку звонка над дверью. Вывеска на фасаде гласила, что в этом доме располагается «Финансовое общество “Салем и К°”», однако я подумал, что под ней скрывается нечто иное.

За дверью послышались шаги, и на пороге появился Гарри Фишер. Я сразу узнал его, вспомнив фотографии, которые рассматривал в полиции. Это был человек высокого роста и мощного телосложения.

— Ты где пропадал, Джо-Джо? — зевнул он. — Ну, что там еще?..

При виде меня и Айрис умолк. Мы пошли по коридору: впереди Гарри, следом я и Айрис, а сзади семенил Малыш с револьвером в руке.

Две вещи стали понятны сразу: во-первых, Малыш привез нас в логово Брида, но во-вторых — здесь нас явно не ждали.

Войдя в ярко освещенную комнату, я узрел самого Кольера Брида с неизменной сигарой в зубах. Он глыбой возвышался над письменным столом и походил на пожилую беременную женщину, если только такие бывают: огромный живот и дряблые щеки дрожали при каждом движении.

Брид вроде бы даже слегка удивился, увидев нас, и хорошо поставленным баритоном пророкотал:

— Что происходит? — Сурово глянул на Малыша: — Я слушаю!

Коротышка торопливо затараторил:

— Понимаете, босс, я следил за этим парнем, потому как подумал, что он едет на встречу с Садером. Ну и решил накрыть их обоих...

Брид продолжал пристально смотреть на Джо-Джо. Тот передернул плечами и заговорил еще быстрее:

— ...Скотт, это, поехал за город. Я, это, — за ним. А он... А он, оказывается, намылился к этой пташке... — Джо-Джо ткнул пальцем в сторону Айрис. — Ну... я и привез их сюда... Я правильно сделал, босс?

И замер.

Брид, немного помолчав, добродушно кивнул:

— Замечательно, Джо, молодец! Ты сделал все абсолютно правильно.

Малыш принял стойку «вольно» и ухмыльнулся:

— А видели бы вы, как я их брал! Пришлось действовать осторожно, очень осторожно, потому что этот Скотт...

— Я понял. Я все понял, Джо! — оборвал его Брид.

Лицо Малыша вытянулось, от обиды он даже надул губы как ребенок. Похоже, очень хотел докончить рассказ о своих великих подвигах.

А Брид уставился на нас. Пока он слушал Малыша, я успел рассмотреть ос-

тальных присутствовавших в комнате. Кроме Джо-Джо с перебитым носом, Гарри, открывшего дверь, и самого Брида тут были еще трое. Разумеется, сразу узнал Флика, которого малость пристукнул в «Норе» и который просто пожирал меня теперь своими глазками-пуговицами.

Джо-Джо отдал Бриду мой кольт, а своим револьвером продолжал периодически толкать меня в спину — наверное, это ему страшно нравилось. В руке у Фишера был небольшой пистолет, и он им то поигрывал, то целился мне в голову. Честное слово, в какой-то момент опять показалось, что весь мир вооружен и целится сейчас в одного меня.

По сравнению с почти двухметровым Фишером Гамлет казался совсем маленьким. Справа от него стоял Вагнер — «Одинокий», высокий, худощавый и очень некрасивый человек с изрытым оспинами лицом. Мелькнула мысль, что в драках такой навряд ли беспокоится за свою физиономию — хуже она все равно уже не сделается.

До нашего прихода Вагнер и Гамлет сидели на стульях, теперь оба встали. Неужто из вежливости? Увы, моментально оценив обстановку, я понял, что трепыхаться не имело ни малейшего смысла.

— Трудную задачку ты задал нам, парень, — вздохнул Брид. — Боюсь, чтобы решить ее, ребяткам придется немного с тобой повозиться.

— Я ничего не делал, Брид, — возмутился я, — и не задавал никому никаких задачек! Да объясните же, наконец, что происходит?!

После этих моих проникновенных слов Брид громко рассмеялся, и его громадный живот затрясся, как студень.

— Ха-ха-ха, ничего не делал! А кто чуть не угробил Флика?

И внезапно, резко сменив тон, зловеще прогрохотал:

— Заруби на носу: я ненавижу Садера с его жалкой шайкой и не успокоюсь, пока не узнаю все до конца!

— Но я не работаю на Садера! — попытался возразить я.

Толстяк поднял кустистые брови и саркастически хмыкнул:

— О, разумеется, не работаешь! А ну-ка, парни, — приказал Флику и остальным, — свяжите их обоих. Может, станут поразговорчивей.

— С удовольствием, — мрачно скривился Флик.

Гамлет вышел и вскоре вернулся с длинной веревкой, а Флик достал из кармана маленький ножик и перерезал ее пополам.

— Сперва ты! — Он рассмеялся мне в лицо: — Ну что, Скотт, теперь моя очередь перекрыть тебе кислород, да?

Я молчал.

Гамлет поставил рядом два стула, и уже через минуту мы с Айрис сидели на них с крепко стянутыми за спиной руками.

Флик чуть отошел, любуясь, словно художник своим произведением, и особенно пристрастно глазея на Айрис. Потом придвинулся ближе и, протянув руку к ее груди, слегка ущипнул за то место, на которое если и имел кто-либо из присутствующих хоть какое-то право, то, ясно, не он.

— Привет, крошка! — Флик наверняка воображал, что ведет себя жутко галантно.

Девушка покраснела и неожиданно спокойно, наградив его презрительным взглядом, произнесла:

— Будьте добры, развяжите, пожалуйста, кто-нибудь на минутку руки, чтобы я врезала по этой гадкой роже.

Флик обалдел.

— Ах, тварь! — взревел он, побагровев от ярости. — Жаль, не разделался с тобой еще тогда!..

— Уймись, — вмешался Брид. — Оставим эмоции на будущее, а пока займемся делами.

Флик заткнулся, не спуская глаз с Айрис. И вдруг снова ущипнул ее, уже не шутя, сильно и зло, желая причинить настоящую боль.

Рыжеволосая Айрис, отвернувшись ото всех, кусала губы.

Рассвирепев и забыв, что связан, я попытался рвануться к Флику и едва не грохнулся вместе со стулом физиономией вниз.

Вагнер и Гамлет захохотали, но тут же подхватили стул, вернув меня в исходное положение. Да-а-а, выглядел я жутко нелепо: даже Айрис сморщила маленький носик — то ли от сочувствия, то ли от презрения. Лучше бы уж второе!

А Брид, опершись о подлокотники, начал подталкивать свое кресло на колесиках поближе к нам, ворча что-то под нос и смахивая сейчас на инвалида-колясочника. Устроившись поудобнее, осклабился:

— Ну, Скотт? Разминка закончена? Не нервничай и будь благоразумнее: все эти твои потуги бесполезны! — Он было захихикал, но сразу посерьезнел: — Так где Садер, а?

— Не знаю.

— Как не знаешь? Раз работаешь на него, обязан знать, где хозяин. За что же он тогда тебе платит?

Видимо, шутка, потому как остальные почтительно засмеялись.

— Господи! — устало вздохнул я. — Ты вроде умный, Брид, а не разумеешь простой вещи: я не работаю на Садера и без понятия, где он.

Брид скривил толстые губы, вроде бы как задумался, а после посмотрел куда-то поверх моей головы и медленно кивнул.

Я не мог полностью повернуться, но слева заметил Флика и Гамлета, стоявших в углу комнаты. Гарри и Джо опирались на стол Брида. Хотя не было видно пятого, Вагнера, я догадался, где он, и, едва Брид кивнул, догадка полностью подтвердилась: тяжеленный кулак врезался мне в висок, и острая боль пронзила череп. Жирная рожа Брида на секунду исчезла, подернувшись темной пеленой, потом проявилась вновь.

Тряхнув головой, я пробормотал:

— Погоди, Брид, выслушай... Не работаю я на Садера и никогда не...

Брид снова зыркнул вверх — не то развлекался подобным образом.

...Бабах!!! Этот удар оказался еще сокрушительнее: затылок словно раскололся пополам, а перед глазами поплыли ослепительные круги. Меня замутило, и голова бессильно упала на грудь.

Откуда-то издалека донесся голос Брида:

— Ну ты уж слишком, Вагнер! Мне пока не нужно, чтобы парень заткнулся навсегда.

Я попытался взглянуть на самодовольную морду Брида. Внутри кипело сейчас столько злобы, что, не будь веревок, я бы, наверное, сумел вспороть ему брюхо зубочисткой. Не выношу дурных компаний, особенно если этой сволочи от меня что-то нужно. Они, твари, издевались над нами, а я был абсолютно не в состоянии хоть как-то ответить.

Брид встал, подошел вплотную и, приблизив свою красную рожу, оскалился:

— Как дела, старик? Понравилось? Эх, Скотт-Скотт, не упрямься, и все будет в ажуре.

Я выдохнул:

— Можно задать вопрос без риска снова схлопотать по черепу, Брид?

Уголки его губ поползли вверх.

— Пожалуй, но только один.

— Ну почему, почему ты думаешь, что я человек Садера? — чуть не заорал я.

Брид прищурился:

— А тебе очень нужен ответ, Скотт?

Я кивнул, полагая, что лучше узнать хоть что-то, чем мучиться лишь догадками. Кивнул — и огненные язычки боли лизнули затылок.

— Флик сказал, — пояснил Брид, — что, когда Садер свалил из «Норы», ты тоже был там. Вот и хочу выяснить, чем вы связаны.

— Считаешь, я на него работаю?

— Да, считаю. А кроме того, мне известно, что Садер недавно нанимал тебя, и именно тогда он пытался сунуть свой нос в мои дела. Ну и наконец, Скотт: однажды ты не очень по-джентльменски обошелся с Лобо…

Гм, а ему известно многое, даже то, что я проводил расследование для Марти, и эта осведомленность меня совершенно не радовала.

— Послушай, Брид, не стану отказываться, что выполнял кое-какие поручения Садера, но клянусь: не раскопал ничего существенного, и на том наши отношения закончились. Он был обычным клиентом, не более, а я никогда не интересуюсь у клиентов, зачем им те или иные сведения. Это моя профессия, в конце-то концов, и повторяю: ни до, ни после того раза я не работал на Садера.

Кольер Брид молчал, и поскольку новые удары на бедную голову Шелла Скотта не посыпались, я отважился на следующий вопрос:

— А зачем тебе нужен Садер, Брид?

…Ох, задать-то задал, но уже через секунду раскаялся в этом: подумал, что сейчас произойдет нечто страшное — меня либо застрелят, либо посадят на электрический стул. Однако ничего такого не случилось. Брид только меланхолично пожимал плечами, и его отвислые щеки тряслись в такт волнообразным колыханиям брюха.

— Да ты сам знаешь, зачем, Скотт, — почти миролюбиво ответил он.

— Лобо? — предположил я.

— Лобо, — подтвердил он. — И Садер должен передо мной объясниться, если только… ты не желаешь сделать это за него.

Я чуть не взвился к потолку вместе со стулом.

— Конечно, не желаю! С какой стати?! Но ты… действительно веришь, что Красавчика убил Садер?

Брид ласково, прямо по-домашнему улыбнулся:

— А вот сейчас и расскажешь. Если не хочешь, чтобы парни разобрали твой черепок на кусочки. — Я невольно содрогнулся, ледяные мурашки забегали по спине. — И… — Брид выпустил огромное облако дыма. — И коль ты и впрямь не работаешь на Садера, Скотт.

Боже!.. Да-а-а, вляпался по самое некуда! И пускай можно еще понять, почему Брид вбил себе в башку, что я человек Садера, но в предположениях насчет осведомленности вашего горемычного рассказчика об убийстве Лобо он зашел слишком далеко. С моей точки зрения, разумеется. С его здесь все было логично.

А еще я понял главное: если Брид действительно убежден, что это я пришил Красавчика, моя песенка спета… Хотя подождите, ему же нужен был Садер! Значит, хотел проверить всякие варианты…

Нет, разумеется, при желании я бы кое-что прояснил Бриду, но как это отразится на мне? Коли расскажу то, что узнал от Айрис — где, когда и кем был убит Лобо, — Брид еще чего доброго решит, что раз я в курсе, то и у самого минимум рыльце в пушку, если непосредственно и не помогал Марти укокошить Красавчика. Да-а-а, теперь в каждом человеке, имевшем любые связи с Садером, Брид будет видеть потенциального соучастника убийства Лобо.

Я чувствовал себя так мерзко, что лучше и не пытаться выразить это словами. Моя недолгая, но прекрасная жизнь, что тебя ждет?!

И я заговорил:

— А если докажу, что Лобо убил Садер и я здесь ни при чем, что будет со мной и девушкой?

Глазки Брида почти утонули в щеках.

— Тогда мы отпустим вас, — ласково пробасил он. — И чем скорее докажешь, тем быстрее уйдете, дружище Шелл! Неплохая сделка?

«Неплохая сделка»?! Да он врал, что отпустит, врал, это ясно! И сам прекрасно понимал, что я знаю, что он лжет, и стану изо всех сил изворачиваться, дабы не остаться в дураках.

Попытался разобраться в разбегающихся мыслях, но голова просто трещала. И я плюнул на все: будь что будет! Утробно вздохнул:

— Ладно, Брид, слушай. Лобо убил Садер... Ну, может, не лично, но... В общем, детали мне не известны, и узнал я об этом только утром...

Я говорил, а сам думал о торчащем за спиной Одиноком — ударит или нет? По глазам негодяев видел: не верят ни единому слову. Но что оставалось делать? И я — говорил, говорил, говорил...

— Ну почему вы подозреваете меня, Брид?! Рассказать, как мы с девушкой влипли в эту историю?

Пришлось начать с самого начала, с того момента утром, когда в меня стреляли. Потом поведал о развитии дальнейших событий, попытавшись обрисовать ситуацию в целом, как она была мне известна со слов Айрис и исходя из собственных соображений и впечатлений, в надежде, что Брид все же поверит. А закончил свой страстный монолог так:

— Увы, я и Айрис оказались меж двух огней: тобой и Садером. Выйдя из комнаты рядом с конторой Марти, мы подошли к лифту, чтобы подняться наверх. Ну, каюсь, оглушил Флика, а что было делать? Вот и все.

Брид ни разу не прервал меня, но смотрел холодно, почти враждебно.

— И разве не ясно, — пылко воскликнул я, — что если мы с Айрис знаем, кто убил Лобо, Садер охотится за нами! Он боится, что дадим показания в полиции или расскажем обо всем тебе, а потому хочет убрать свидетелей. Понял?

— Что касается Лобо — да.

Брид бесстрастно смотрел мне прямо в глаза, и неожиданно лицо его растянулось в ухмылке:

— Но разве ты такой дурачок, Скотт: зная, что Садер может тебя убить, сам лезешь к нему в пасть?

— О черт! Да уже объяснял! Там была Айрис!..

Брид глядел поверх моей головы (знакомый взгляд), и я напрягся — неужели все по-новой, и теперь это точно будет конец...

И меня прорвало. Я что-то орал, проклинал этого заплывшего жиром борова, а он неторопливо подошел к столу, взял в руки не то шар, не то мячик и так же не спеша вернулся.

Я дернулся, пытаясь пригнуться, и получил сильный удар по темени.

— Сволочь!.. — успел вскрикнуть и рухнул на пол вместе со стулом.

Когда очнулся, увидел перед глазами маленькую блестящую точку. Лежал и глубокомысленно размышлял, что бы это могло быть. Туман в голове понемногу рассеивался, и я вдруг понял, что это пуговица, оторванная пуговица, может, даже моя. Лежал и думал: «Вот и хорошо, вот и нечего мозги ломать... Это просто пуговица, обычная пуговица, и все...»

Через какое-то время я начал различать голоса и вспомнил, где нахожусь и кто я вообще такой. Потом появилось желание освободить руки, чтобы уточнить, на месте ли голова.

Еще минуты через три я увидел Брида, вернее, двух Бридов, потому как в гла-

зах двоилось. Наверное, со стороны здорово смахиваю на умирающего гладиатора — мелькнула мысль.

А после мелькнула другая: до того как бейсбольный мяч в кулаке Брида опустился мне на голову, вроде осенила же какая-то идея. Но какая?.. И, кстати, стало понятно, что кроме Брида, почти одновременно с ним, меня шарахнули сзади, и чем-то гораздо более тяжелым. Кто? Да наверняка ублюдок Вагнер!.. Ох, ну как же вспомнить, что именно меня осенило, и любой ценой вырваться из этого гадюшника, разделаться с Вагнером, глотнуть свежего воздуха...

...«Воздуха»?! Вернулся с неба на землю. Да сейчас хоть бы голову ощупать, и то хорошо...

— ...Ну, Скотт... — Голос Брида доносился откуда-то издалека. — Нам уже лучше? Продолжим?

Оба Брида слились наконец в одного, но Гамлет, Флик, волосатый Гарри и Джо-Джо еще оставались шевелящимися размытыми пятнами.

Хотя вот начал различать и их лица. Ага, теперь я видел, но, увы, не мог вспомнить то, что было дьявольски необходимо вспомнить как можно скорее.

— ...О да, Брид, спасибо... — с трудом просипел я, еле ворочая языком. — Все просто замечательно... А что же вы остановились?

Брид вновь по-доброму рассмеялся:

— Ой, ладно тебе! Ну теперь-то скажешь, где Садер?

(Кошмар! Да он сумасшедший! Он так и не поверил. И тут... И тут я вдруг вспомнил!..)

— Брид, — протянул многозначительно, — ты поставил меня в трудное положение. Дай минуту подумать и вели принести воды... — Мне нужно, страшно нужно было потянуть время, дабы обмозговать ситуацию, а то еще пара ударов — и навсегда забуду даже собственное имя.

Брид насторожился:

— Решил признаться? Молодец!

— Сначала воды, а то мозги совсем усохли после вашей гимнастики.

Брид захихикал и сделал знак рукой стоящему позади меня.

«Опять?!» — чуть не завопил я, но на сей раз ничего страшного не произошло: Одинокий пошел за водой.

Он вернулся со стаканом, наполненным до краев, и приблизился почти вплотную. Да-а-а, вторую подобную рожу действительно трудно было отыскать, и я, совершенно неожиданно для себя, вместо того чтобы, так сказать, припасть губами к живительной влаге, довольно внятно буркнул что-то типа «мерзкая скотина».

Реакция у Вагнера оказалась отличная: он моментально швырнул стакан мне в лицо, — но и у меня неплохая, невзирая на последние потрясения. Я успел увернуться, и стакан лишь скользнул по щеке, да несколько капель воды брызнули в глаза.

Брид заерзал в кресле.

— Мое терпение на исходе, Скотт. Нечего паясничать, рожай быстрей!

Однако я молчал. Молчал потому, что не знал, где скрывается Садер, и сейчас лихорадочно размышлял об этом.

Боров повернулся к Флику:

— Хватит ждать! Займись девчонкой. Может, будет поразговорчивей.

— С удовольствием, — снова проскрежетал Флик и, щерясь, подошел к Айрис.

Девушка побледнела, а негодяй засмеялся и вдруг резко хлестнул ее по щеке. Голова Айрис дернулась, и длинные рыжие волосы взметнулись вверх огненной гривой. На мгновенье она перевела взгляд на меня, но тут же опять стала смотреть на Флика, и выражение немигающих синих глаз красноречивее любых слов говорило то, что она о нем думает.

Флик не на шутку рассвирепел, судорожно сжав правую руку в кулак.

— Прекрати! — закричал я. — Останови его, Брид! Я скажу...

Брид кивком указал Флику на угол. Тот послушно отошел, и Брид подпер пухлой ладонью подбородок:

— Ну, Скотт, слушаю.

Я набрал побольше воздуха в легкие и — как ухнул в ледяную воду:

— Ладно, ты выиграл. Да, я работаю на Садера.

ГЛАВА XIII

Кольер Брид буквально сиял от удовольствия. Флик же, напротив, не успокаивался. На лице его неподвижной маской застыла зверская ухмылка: он был вроде даже раздосадован тем, что я решил расколоться.

А Брид поудобнее расположил свою рыхлую тушу в кресле на колесиках и заговорил почти любезно.

— Ну, Скотт, истина все же восторжествовала! — ерничал он. — А мы-то уж едва не поверили, что мерзавец Садер собрался тебя, беднягу, убить.

Я горестно вздохнул:

— Ты был прав, что не поверил. — Язык еще плохо слушался, и говорил я негромко и медленно. — Да, я работаю на Марти Садера, он меня нанял. Ну а что тебе тут наплел — ложь.

Брид сиял как новенький доллар.

— А я это сразу понял, Скотт! Да-да, отлично понял! Я слышал и раньше о тебе, Скотт. Люди говорили, что у тебя здорово подвешен язык, и я не поверил с самого начала ни единому твоему слову. Да-да! Это, может, с кем другим, Скотт, такие штучки пройдут, но только не со мной, я любого насквозь вижу. Да неужели же ты надеялся, что клюну на эту дурацкую историю о ваших приключениях?

Толстяк, не скрывая эмоций, упивался тем, что вывел меня, как полагал, на чистую воду. Кажется, сейчас он даже был склонен к великодушию.

Я промолчал, думая совсем о другом: в гудящей, словно колокол, несчастной голове сновали, мельтешили, громоздились одна на одну мысли, догадки, предположения, факты и вопросы, на которые пока не находил ответа. И самое неприятное — не было ни времени, ни возможности спокойно и обстоятельно все обмозговать и взвесить.

Но ведь молчать долго опасно.

— Скажи, пожалуйста, Брид... — решил немножко польстить ему. — Вот говорят, что ты очень умный и хитрый человек. Ты — главный в вашей команде. А не объяснишь, зачем все-таки я понадобился Садеру?

Брови негодяя полезли вверх, что, похоже, означало усиленную работу мысли. Он достал из коробки очередную сигару и, откусив кончик, прикурил от мигом поднесенной кем-то из шестерок спички.

Ей-ей, на Брида сейчас просто приятно было смотреть — такой чинный, благообразный и, главное, уравновешенный.

— Видишь ли, дружище Скотт... — Брид, выпустив пару клубов густого дыма, заговорил вежливым, менторским тоном. — Я полагаю, он решил расширить круг полезных людей. Ко всем прочим недостаткам у него же еще и мания величия: представь, надумал подорвать в деловых кругах мой авторитет — ну не сумасшедший? И подпряг, глупец, к своим грязным делишкам тебя, Скотт. Да только размечтался он о невозможном. Не Марти тягаться со мной, ты в этом уже удостоверился, правда? — И хитро прищурился.

— Правда-правда, — закивал я, надеюсь, очень убедительно.

Главную ценность для меня сейчас представляло время. Надо обязательно хоть

что-то говорить, говорить и говорить — дабы выиграть несколько лишних минут. И я изо всех сил старался продолжать эту идиотскую беседу, тогда как в мозгу начинал уже вырисовываться более-менее четкий план дальнейших действий. Ну, еще бы пару минуток…

— Хорошо, — снова кивнул я, — допустим, у Садера мания величия и, как ты считаешь, не все дома. Значит, он в самом деле желает убрать тебя с твоего места. Важного, значительного, дорогого места…

Пока мои сентенции не вызывали какой-либо откровенной реакции Брида. Не вызывали вроде и подозрений — уже хорошо.

— Продолжать? — облизнул я пересохшие губы.

— Продолжай, — тон Брида был нейтральным. — Но расскажи что-нибудь, что было бы мне не известно. А главное, как далеко Садер готов зайти в своих бредовых планах. Я — слышишь, я! — держу под контролем всю эту территорию! И за моей спиной очень надежные и влиятельные люди. Что какой-то жалкий Садер сделает со мной? Да ничего!

— А вдруг Марти думает иначе? — возразил я.

— Тогда он просто дурак! — заявил Брид, но, кажется, в заплывших жиром маленьких глазках на миг промелькнула растерянность.

Я еле сдержал улыбку.

— Он просто дурак! — раздраженно повторил Брид.

— Ну ладно, — тихо сказал я, — только выслушай, пожалуйста, до конца: хочу сделать тебе одно предложение… — Пошевелив плечами, опять почувствовал, как сильно затекла спина. И не только спина — ноги с руками тоже. Поморщился: — А нельзя ослабить веревку? Или хотя бы развязать руки? Даю слово, что не…

— Говори! — рыкнул Брид.

Я помолчал, собираясь с мыслями. Собрался.

— Хорошо, слушай. Предлагаю сделку, а ты за это отпустишь девушку, она тут ни при чем. Я работаю на Садера и в курсе всех его, как ты выразился, делишек. Могу добыть интересные сведения. В общем, если отпустишь Айрис, готов работать на тебя.

…Черт, наверное, я мог бы стать неплохим актером: отчаянно врал, врал и врал, глядя честнейшими, преданнейшими глазами прямо в поросячьи глазки Брида.

Но тот был осторожен.

— Какая сделка? — Голос его стал сухим и жестким. — Ты забыл, Скотт, в каком положении находишься. Какая еще сделка? — фыркнул с угрозой. — Хотя за… услуги я, возможно, и оставлю тебя в живых, понял?

Да понял, понял, чего уж тут не понять, — однако продолжил долбить свое.

— Тебе нужен Садер. К сожалению, не знаю, где он сейчас прячется, но давай прикинем варианты. Правда, меня на твоем месте больше бы интересовало другое…

И замолчал, кашлянул пару раз…

— Что — другое? — медленно проговорил Брид.

Я сделал вид, что колеблюсь: сказать — не сказать?..

— Ну же!

— А-а-а, ладно, — махнул я рукой. — Догадываешься, что Садер богат, очень богат?

Толстяк усмехнулся:

— Догадываюсь! А если к его богатству прибавить то, что он у меня за последние годы украл…

— Ну, это ваши проблемы, — пожал я плечами. — Но вот самое интересное, что большую часть состояния он хранит в клубе, в «Норе».

— Заливаешь, Скотт? — Брид сунул окурок в пепельницу.

— Ничуть. Не в той я сейчас ситуации.

Брид завозился в кресле, засопел, и искорка жадности богача скряги на мгновенье мелькнула в его глазах.

— Откуда тебе известно?

— Да какая разница, Брид? — напускал я туману. — Известно, и все тут. Мне, между прочим, известно даже, где находится сейф, вот только не знаю шифра. Хотя со временем, может, и узнаю, от Садера — он мне доверяет... — Понизил голос и еле слышно прошептал: — Но коли надумаешь, никаких подачек и комиссионных твоим парням. Согласен?..

Если до того Брид слушал мою трепотню не больно внимательно, потому как чутьем старого лиса не шибко верил мне, то, едва речь зашла о деньгах Садера, все же притупил бдительность, в нем проснулась, никогда, впрочем, не засыпавшая, жадность, но что делать дальше — он не знал. Хотя, может, и знал, да осторожничал.

Мне же нужно было ковать железо, пока горячо, и, воспользовавшись ступором толстяка, я дал волю своей необузданной и буйной фантазии.

— Да, чуть не забыл. Тут недавно Садер завел еще кое-какой бизнес, по-моему, типа рэкета. В общем, что-то связанное с мафией. Ну, ты небось понимаешь. Так вот на этом он теперь зашибает просто бешеные бабки.

Глазки Брида забегали, как мыши. Моя сказочка его явно заинтересовала.

Я же не успокаивался — терять-то нечего! По крайней мере, пока болтаю, по голове не бьют. И на том спасибо.

— А еще у Садера, — втолковывал Бриду, — есть надежные люди, которые поставляют наркоту всем до единого наркоманам Лос-Анджелеса — и беднякам, и высокопоставленным шишкам. Представляешь, сколько Марти имеет только от продажи кокаина, морфия и еще черт знает какой дряни, а? Представляешь?!

Брид сглотнул слюну, а я нес дальше.

— Могу постараться достать список его клиентов-наркоманов. Не всех, разумеется, а самых-самых... Ну, ты догадываешься...

Он очумело смотрел на меня, а я продолжал развивать свой сногсшибательный проект:

— Ничего не скажу конкретно, но ведь и на этом ты бы сумел заработать кругленькую сумму, а, Брид?..

Как понимаете, мне ни шиша не было известно ни о каких списках, да и о высокопоставленных наркоманах тоже. Вообще-то, вся эта басня была шита белыми нитками и при ближайшем рассмотрении в момент лопнула бы как мыльный пузырь, однако жадность Кольера Брида, давно вошедшая в определенных кругах в поговорку, уже ослепила его. А если Брид что вбивал себе в голову, вышибить это оттуда было практически невозможно. Я о том знал и из-под полуопущенных век следил теперь за реакцией на мои фантазии сидящего напротив в кресле на колесиках человека-свиньи.

Он молчал, вытаращившись на меня в упор. Ну, хорошо — пускай таращится, лишь бы не дрался.

Прошла минута, другая...

И вот, когда Брид, казалось, был вконец заинтригован моими россказнями, я решил пальнуть из главного орудия. Похоже, пора. «Смелее, мистер Скотт!» — воскликнул про себя, а вслух изрек:

— Ладно, Брид, я тебя понимаю. Поди, молчишь и думаешь: «Да какие же это новости?! Все это я и сам давно знаю...» Может, и знаешь, Брид, но, уверен, не все. И сейчас... сейчас скажу то, о чем ты совершенно не подозреваешь. Такое, готов побиться об заклад, тебе никогда даже на ум не приходило. Говорить?

Брид как удав вытянул толстую шею, а я многозначительно покосился на находившихся в кабинете.

Флик стоял, прислонившись к стене. После того как я начал выдавать свои кошмарные проекты, он опустил пистолет и, подобно Бриду, не сводил с меня глаз. Вагнер-Одинокий оседлал стул и нервно поигрывал револьвером. Гарри Фишер, Гамлет и Малыш Джо-Джо стояли вокруг огромного письменного стола Брида.

Покосившись на Айрис, я похолодел. Чер-р-рт! Плетя небылицы, совсем забыл о ее существовании, а Айрис сейчас с нескрываемым отвращением смотрела на меня, и губы ее дрожали от негодования и презрения.

Ну, разумеется, бедняжка тоже приняла все выданное мной за чистую монету и теперь считала Шелла Скотта не только холуем Садера, но и самым отъявленным негодяем и мерзавцем если не в Штатах, то уж в Лос-Анджелесе — точно. Не очень-то это было приятно.

Хотя, конечно, кабы Айрис как следует поразмыслила, она, уверен, уловила бы, что я блефую. Но несколько утешило вот что: если в эту игру поверила Айрис Гордон, девушка пусть и эмоциональная, но достаточно здравомыслящая, то глядишь, удастся убедить и Брида.

В комнате было тихо-тихо. Все ждали, что же я выдам еще.

И я выдал.

— Брид, — торжественно произнес я, — ты, возможно, воображаешь, что, начиная охоту на Садера, находишься в безопасности? Страшное заблуждение! Садер идет по твоему следу и уберет тебя при первом же удобном случае. Хотя, не исключаю, тебе это и известно... — Перевел дух и продолжил: — Поверь, Садер очень хитер и, чтобы рассчитаться с тобой, имеет неплохие шансы, а главное...

Ну, тут уж не удержался и сделал просто-таки театральную паузу. Брид от волнения даже разинул рот, а я нарочито небрежно бросил крючок.

— Понимаешь, Брид... — горестно вздохнул и обвел его приспешников долгим взглядом. — Понимаешь, один из этих парней... на жалованье у Марти Садера. — Пожал плечами: — Все.

Брид захлопнул рот.

ГЛАВА XIV

Это была бомба...

Пухлые руки Брида судорожно вцепились в подлокотники кресла. Вагнер вскочил и, опрокинув стул, прижался к стене. Флик шагнул вперед. Правая рука Гамлета потянулась к кобуре, а огромный Гарри и маленький Джо-Джо как вкопанные застыли у стола.

Брид на удивление шустро выгрузил необъятное тело из любимого кресла, семеня, подбежал ко мне и начал трясти за плечи.

— Оставь... — пробормотал я. — Оставь меня, Брид! Потряси лучше собственных дружков...

Но он был настолько ошеломлен, что, похоже, ничего не соображал.

Наконец обрел дар речи:

— Скотина!.. Врешь! Ты все врешь! Придумал это, чтоб спасти свою поганую шкуру, ублюдок!..

Никогда еще не слышал, чтобы мужчины, тем более столь дородной комплекции, так визжали. Вдобавок он всего меня забрызгал слюной.

— Прекрати истерику, Брид! — заорал и я. — Ты что, баба?..

Он замер и наконец убрал с моих плеч толстые волосатые руки.

— Ну и дрянь же ты, — презрительно процедил я. — И дрянь неблагодарная!

На физиономии Брида не отражалось ни единой мысли: либо их в его голове сейчас вообще не было, либо, наоборот, было столько, что они друг друга взаимно уничтожили.

— Естественно, я хочу остаться живым, — рассудительно кивнул я. — А кто не хочет? Но, между прочим, хочу спасти еще и тебя, так что поимей хоть каплю здравого смысла, идиот…

Да-а-а, порядком обнаглел, однако Брид не отреагировал даже на «идиота», и я продолжил:

— А вот Садеру здравомыслия не занимать. Да-да. Знаешь, сколько он заплатил мне за согласие работать на него? Столько, что я не смог отказаться, понял? Он-то в курсе, кто лучший детектив в Лос-Анджелесе, и, выложив кругленькую сумму, Марти заполучил человека, имеющего доступ к любой информации, даже секретной.

Во взгляде Брида все явственнее проступала тревога, а я не унимался:

— Садер начал следить за тобой месяца три назад. Я, правда, не участвую непосредственно в его делах, но, гм… своего рода консультант. Поэтому мы не раз обсуждали всякие вопросы, в том числе и касающиеся тебя, Брид. Нет, не стану хвастать, что посвящен в мельчайшие детали махинаций Марти, но в целом вполне прилично их себе представляю. Ну а главное, сам понимаешь: если Садер мыслит занять твое место в вашем бизнесе, ему край необходимо убрать тебя. Я не прав? И способ, который он избрал для осуществления этого плана, не так уж и плох: Садер просто купил одного из твоих людей.

Брид здорово нервничал. Бубнил что-то себе под нос, сопел, кряхтел, кусал губы и как заводной отрицательно мотал головой, будто хотел сказать: «Не верю!»

Я покровительственно усмехнулся — давай, мол, решайся! — и перевел взгляд на Айрис, чтобы узреть, как мило улыбнется она своему хитроумному герою.

Но Айрис и не думала улыбаться. Девушка глядела прямо перед собой, и в синих глазах ее стояли слезы. Сердце мое сжалось.

— Кто?! — раздался вдруг рев над ухом.

Я сделал вид, будто не понял:

— Что — кто?

— Кто это? — хрипло повторил Брид. — Который из них? Отвечай!

Если до того слышались хоть какие-то звуки, производимые находящимися в комнате людьми — бормотанье, шепот и тому подобное, — то теперь в воздухе повисла гробовая тишина.

…М-да-а, назад хода нет, на карту брошено все. У меня оставался мизерный шанс уцелеть, и от того, что произойдет сейчас, зависело, задержится ли еще некий Шелл Скотт на этом свете или, увы, быстренько переберется в мир иной.

Тщательно прокашлялся. Все терпеливо ждали, когда я наконец прочищу горло. Потом, подавшись немного вперед, с пафосом произнес:

— Ладно, смотрите, ребята! Смотрите на него хорошенько! — И виновато добавил: — Прости, Флик, прости, дружище… Пускай буду свиньей, но речь о том, кому выжить — тебе или мне. Извини, я выбрал себя…

Едва только начал говорить, взгляд мой уже замер на Флике. Он сразу все понял и с рыком набросился на меня. Одинокий попытался его остановить, но Флик увернулся. Гарри и Джо-Джо тоже рванулись к нему, но опоздали — я почувствовал сильный удар в челюсть. Второй удар пришелся в ухо, однако тут подоспели Гарри с Джо-Джо и, схватив разъяренного Флика за руки, оттащили его в сторону.

Удивительно, на сей раз я не ощутил никакой боли — наверное, мне уже отбили все отвечающие за болевые ощущения нервные окончания. С какой-то стороны, это хорошо, но вот досада — и голова теперь совсем перестала соображать, а она ведь могла еще пригодиться.

Тем временем Гарри и Джо-Джо зажали Флика в углу, и Вагнер вытащил из кармана его пиджака револьвер. Гамлет стоял неподвижно, нацелив на Флика свой пистолет.

Как из тумана донесся голос Брида:

— Хватит ломать комедию, Скотт. Твоя история шита белыми нитками, и я почти уверен, что ты врешь. Смотри, если решил таким манером водить нас за нос, велю Флику пришить тебя на месте.

А Флик вопил из другого угла кабинета:

— Тварь! Да ты минуты не проживешь, едва возьму пушку!..

Но я не обращал на него ни малейшего внимания и пристально смотрел в глаза толстяку.

— Опять спешишь с выводами, Брид. Надеюсь, сейчас убедишься сам. Вспомни-ка, кто из них пришел в твою команду последним?

Брид оглядел присутствующих, насупился и медленно произнес:

— Флик...

— В том-то и дело... — Драматичный вздох. — И вообще, я знаю гораздо больше, чем ты предполагаешь.

(Мне нужно, позарез нужно было вспомнить, как давно Флик работает на Брида! И я изо всех сил старался детальнее восстановить в памяти разговор с лейтенантом Ролинсом, когда мы с ним в полиции рассматривали фотографии преступников. Стоп!..)

Я бесстрастно пожал плечами:

— Флик у вас месяца полтора, не больше. Разве нет, Брид?

— Да, — насторожился толстяк.

Я снова пожал плечами, словно говоря: «Ну, вот видишь», и поинтересовался:

— Будешь слушать дальше?

Брид хмуро кивнул.

— Ты не удивился, что Флик озверел, когда я заговорил о нем?

Брид бросил взгляд на Флика и опять вперил колючие глазки в меня.

— А теперь ответь, — сказал я, — почему, по-твоему, Садер убил Лобо?

Но он молчал, похоже, совсем запутавшись в пестром частоколе правды и лжи, который я тут нагородил.

— Ну, отвечай! — не унимался я. — Или воды в рот набрал? Неужели не понятно: как раз я-то честен! Эй, назови хотя бы возможную причину этого убийства, и я махом докажу, что ты неправ.

Мне очень хотелось услышать его версию, потому что уже знал, чем парирую.

— Дай-ка порассуждаю, Скотт, — выдавил Брид после некоторого раздумья. — Ясно, Садер мечтает прыгнуть выше головы, помешать моему бизнесу (это рэкет-то он называет бизнесом? Ну-ну!) и самому организовать нечто подобное. Поэтому он нанял тебя... — Брид достал следующую сигару, закурил и продолжил: — Признаю, он начал неплохо разбираться в моих делах, Скотт, но, право слово, меня это ни капельки не тревожит — свалить Кольера Брида у мерзавца кишка тонка, так-то!

Я слушал очень внимательно.

— И вот однажды я послал к Садеру Лобо — напомнить, что мне причитается половина доходов от его махинаций. В противном случае Садер должен был выйти из игры, если только, конечно, не желал бо-о-ольших неприятностей. Видать, ему не хотелось ни первого, ни второго; он разозлился и убил Лобо. Уразумел, Скотт? А другого объяснения смерти Красавчика нет и быть не может.

...Отлично! Я все услышал от самого Брида. То, о чем раньше лишь догадывался, стало понятным. Да-да, вероятно, с Лобо так и было, но меня-то эта версия не устраивала! Вернее, устраивала не совсем, тут надо бы расставить кое-какие акценты.

Кивнув, словно сказанное Бридом мне давным-давно известно, я, тем не менее, возразил:

— И все же ты несколько ошибаешься. Безусловно, Лобо передал Садеру ультиматум, который, разумеется, того не устраивал. И тогда… Тогда Марти решил нанести удар первым (а он готовился, готовился к этому). Он решил объявить тебе войну! Убрав Красавчика, Садер избавился от одного из врагов, но не самого опасного. Главное, прекрасно понимаешь, покончить с боссом. Флик-то и должен был по приказу Садера убить тебя выстрелом в затылок.

Брид поперхнулся дымом, а я, скорбно вздохнув, подвел итог:

— Вот… вот прелюдией к чему должна была стать смерть Лобо.

Брид сидел неестественно прямо и не шевелился.

— Тебе еще что-то не ясно? — поинтересовался я. — В тот чертов вечер, когда Красавчик заявился в «Нору» перед закрытием клуба, Флик по случайному стечению обстоятельств торчал в конторе у Садера. И Лобо сразу обо всем догадался, что предрешило его судьбу.

Откинувшись на спинку стула, я слышал, как бешено колотится мое сердце. Последняя часть сказки была особенно рискованной и уязвимой. Я ступил на лезвие ножа: ведь если Флик сможет доказать, что, к примеру, провел предыдущий вечер в обществе каких-нибудь девиц, — мне крышка.

Однако все точно онемели. Никто не проронил ни словечка в поддержку Флика, не спросил его об алиби. И самое удивительное — молчал Флик. Испепелял меня диким взглядом, но молчал!.. Не знаю, может, с ним случился какой-нибудь шок?

Но я-то этому, естественно, только обрадовался, более-менее облегченно выдохнул и подсыпал еще угля в топку.

— Видишь ли, Брид, — сказал я, — похоже, Флик заранее предупредил Садера о твоем ультиматуме. Хотя это предположение, доказательств нет. Но вроде логично, да?

Брид кивнул — согласился.

— Так какие еще доводы тебе нужны? Когда Садер и Флик столкнулись в «Норе» с Лобо, они убили его? Убили. А кто последним пришел в твою компанию? Флик. Ну? И дальше будешь считать неправдоподобным, что Садер подослал к вам своего человека? Да Флик без особого риска пришил бы тебя по первому же сигналу хозяина. Или сомневаешься?

После этих моих слов Брид сперва побледнел, а потом стал вдруг просто багровым, и глаза налились кровью. Да-а-а, смерти он боялся, страшно боялся. Он с поразительной легкостью распоряжался чужими жизнями, а сам был трусом, и еще каким. Но нет времени размышлять о нравственных качествах Брида. Надо спешно нанести последний удар.

— И наконец… — устало вздохнул я и немного помолчал. — И наконец вот что: я никак не мог оглушить Флика в «Норе», о чем он напел вам, по весьма веской причине. Меня там тогда не было, слышишь?

И многозначительно уставился на толстяка. Пускай переваривает.

Но тут же я буквально похолодел. Господи! Айрис!.. Стало жутко при мысли, что единственным неосторожным словом несчастная девушка мгновенно разрушит шаткий карточный домик, построенный моим воображением и подпертый лишь несколькими сомнительными фактами. Ведь если эти сволочи возьмутся за нее, все пропало!

Покосился на девушку — и вовремя.

Айрис сидела с таким выражением лица, словно собиралась что-то сказать. Она даже приоткрыла рот, но, заметив мой предостерегающий взгляд, плотно сжала губы. Вид растерянный, однако в синих глазах не было больше ненависти ко мне. Значит, кое-что поняла.

Я посмотрел на Брида:

— Ну и что думаешь?

Вроде ему все должно быть уже ясно, но я не унимался. Может, элементарно боялся молчать?

— Да просто, все очень просто, — энергично пожимал я плечами. — И кстати, Брид, ты уразумел, каким манером Марти улизнул из «Норы»?

Разумеется, присутствующим было известно о черном ходе из подземелья Садера, но сейчас это не играло роли. Единственный, кто видел меня в клубе, — Флик, другие наверняка уже не застали Садера в его конторе.

— Не знаю, конечно, деталей, — заметил я, — меня-то там не было, но, похоже, когда Марти убегал, кто-то из его людей слегка пристукнул Флика, для алиби перед тобой. Но вообще-то, Флик — любимчик Садера, точно-точно. Ну и суди сам, как Марти удалось уйти…

Брид впервые за время с начала моего спектакля обратился к Флику.

— Как… как ты мог?.. — Толстяк с трудом шевелил языком.

Зеленый от страха и злобы Флик заверещал:

— Он врет! Клянусь жизнью, босс, врет!..

— Заткнись! — громыхнул Брид.

На Флика было даже жалко смотреть.

— Но, босс, босс, ведь это он оглушил меня! — чуть ли не простонал Флик. — Зачем, зачем он это придумал?! Он… он…

— Сказано: заткнись! — прошипел Брид.

Я снова заговорил:

— По-моему, больше доказательств и не требуется. Кстати, поглядите на его череп: рана должна быть пустяковой, небось — так, шишка; вряд ли Садер велел сильно бить одного из преданнейших ему людей. А может, там даже и шишки-то нет.

Флик, чуть не плача, поднес руку к затылку:

— Как нет?! Да вот же она! Потрогайте! Это Скотт, Скотт, мерзавец, меня оглушил, а сам… — И осекся, увидев приближающегося к нему с ухмылкой на рябой роже Вагнера.

Но я не стал ждать дальнейших событий, повернулся к Бриду и небрежно спросил:

— Ну, босс? Я по-честному рассказал, что знал. Давай отпускай нас, как договорились. А чуть позже добуду деньги, драгоценности и списки.

Брид удивился:

— Отпустить вас? Как договорились? — Вежливо улыбнулся: — А разве мы о чем-то договаривались, Скотт?

У меня внутри все оборвалось. Жирная тварь!..

А Брид рассмеялся:

— Ты продал Садера, Скотт, и продал очень легко. Не уверен, что завтра же не продашь ему меня. И не воображай, что я развесил уши и поверил твоим сказкам о сейфе, деньгах и списках, парень. Ты лишь открыл мне глаза на Флика. За это спасибо, но не больше.

О боже!.. Живительный оазис, который почудился было на горизонте, таял как мираж.

— Отпусти хотя бы девушку! — воскликнул я.

— Чтобы она там забавлялась с мальчиками Садера?! Пускай сидит тут.

— Хорошо, давай по-другому. Хочешь, прямо сейчас поеду за деньгами, списками наркоманов… Даже Садера приволоку! — Я готов был поклясться достать луну с неба, лишь бы вырваться из этого гадюшника.

Брид скорчил гримасу:

— Лучше я предложу тебе сделку. Находишь Садера, приносишь, что обещал, и можете проваливать на все четыре стороны. Согласен?

— С-с-согласен… — пробормотал я, — но… Но ведь это то же самое.
— То, да не то! — хрюкнул Брид. — Увидишь! Ну? Правда согласен?
— Да. Прикажи развязать, и пойду.
— А куда же ты пойдешь, Скотт? — ехидно поинтересовался Брид.
— Туда, где находится Садер, — пожал плечами я.
— А ты знаешь, где он находится?
— Еще бы!
Брид добродушно закивал:
— Замечательно! А не хочешь позвонить Садеру отсюда? Ему же будет приятно услышать голос своего… консультанта. Вот телефон.
…Да-а-а, этого не предусмотрел… И теперь вся выдуманная мной история рискует рассыпаться. И впрямь, как карточный домик.
Брид же все улыбался.
Надо признать, он отнюдь не был дураком. Может, конечно, и не отличался особенным умом, но уж дело свое, как говорится, знал. Ладно, надо продолжать игру — строить карточный домик дальше…
— Что-то не так, Скотт? — прервал Брид мои размышления.
Я снова вздохнул:
— Вообще-то, собирался действовать иначе, но приказываешь ты. Развяжите, раз надо звонить.
От волнения я даже вспотел, и жизнь в эти мгновения показалась прекрасной, как никогда. Украдкой взглянул на Айрис — девушка, не отрываясь, смотрела на меня, и в глазах ее больше не было презрения и гнева: напротив, я понял, что она за меня очень сильно переживает. И вдруг подумалось, что рыжеволосая Айрис гораздо смелее и мужественнее, чем я.
Джо-Джо острым ножом перерезал веревки, и тотчас тысячи маленьких острых иголочек впились в спину, руки, ноги. Через минуту кровообращение восстановилось, и я почувствовал себя гораздо лучше.
Первое, что сделал, — ощупал несчастную свою голову. Вроде цела. Встал, подошел к столу, где стоял телефонный аппарат, и без спроса опустился на мягкий стул, не чета тому, на котором мучился раньше.
Брид тоже подкатил в кресле и расположился напротив. Не заметил ли он моей тревоги? Ведь если Брид поймет причину беспокойства — конец… Но хватит паниковать, надо звонить. А куда?.. Я не мог вспомнить номер телефона «Норы», на который случайно наткнулся в сумочке Айрис, когда искал адрес ее и Миа.
…Миа! Прекрасная Миа с потрясающим взглядом и еще более потрясающей фигурой, где ты сейчас? Что с тобой?.. Сняв трубку, начал накручивать какие-то цифры, понятия не имея, куда звоню.
С уверенным видом набрал наобум комбинацию из двух букв с пятью цифрами и, поднеся трубку к уху, стал слушать громкие удары собственного сердца. По шипению, доносившемуся из мембраны, было ясно, что такого номера в природе вообще не существует.
Прижав плотнее трубку к уху, чтобы предательский шип не услышал Брид, некоторое время подождал и положил ее на рычаги аппарата.
— Занято, черт побери! — Почесал затылок: — Попробую снова.
Конечно, можно было спросить номер «Норы» у Айрис, но за этим вопросом сразу последовала бы пуля в лоб — ничего себе «правая рука», не знает телефон босса! Да и, честно говоря, я даже боялся глянуть в сторону девушки. Пот катил градом, нервы явно сдавали. Кажется, и Брид уже опять подозрительно смотрел на меня. И вдруг…
И вдруг Айрис, моя дорогая Айрис, моя чудесная Айрис, моя милая Айрис спросила как ни в чем не бывало:

— Вы звонили по номеру «Мичиган 1-16-45», мистер Скотт?

Великолепная Айрис! Божественная Айрис! Я сразу простил ей презрительные взгляды, сомнения во мне и ее недоверие. Я все простил.

Даже не повернув к девушке головы, хмыкнул:

— Ну конечно, мисс Гордон. По какому же еще номеру звонить в «Нору»?!

«Мичиган 1-16-45!», «Мичиган 1-16-45!..» — билось в голове, пока цифры, произнесенные Айрис, прочно не отпечатались в мозгу.

Брид перевел сердитый взгляд с меня на нее и проворчал:

— Что такое?

— Это номер телефона конторы Садера в «Норе», — простодушно пояснил я. — Но пока там занято.

Мой ответ прозвучал столь естественно, что Брид вроде успокоился. По крайней мере, больше не ворчал. Хотя, с другой стороны, чего ему ворчать — толстяк же уверен, что все козыри у него на руках и он может вертеть мной как захочет.

Я осмелился покоситься на Айрис. Моя рыжая спасительница сидела, крепко опутанная веревкой, но, судя по озорным огонькам, мелькнувшим в синих глазах, она была страшно довольна своей находчивостью.

Подождав еще пару минут, вновь набрал «Мичиган 1-16-45».

Проклятье! Действительно занято!

Я был озадачен, однако блефовать дальше опасно — Брид опять начал проявлять подозрительность. Но неужели Садер и правда сейчас в «Норе»?! Поскольку, кроме меня, никто не знал, что линия занята, я крепко прижал трубку к уху и заговорил вроде почти спокойным, но все же как бы и малость озадаченным голосом:

— Алло, Садер, ты?.. Это Скотт... Да-да... Слушай, тут произошли кое-какие события... Нет-нет, все в порядке, подробности при встрече... Ну да... Приготовь списки клиентов, которым мы поставляем товар... Да, именно те... Что?.. Нет, Марти, сейчас не могу. До встречи...

Я помолчал еще немного, будто слушая ответ Садера, и вдруг заметил, что пухлая рука Брида тянется к трубке. Грубо рванув ее, он поднес трубку к уху...

Вот тут-то мной действительно овладел панический страх. Как загипнотизированный уставился я на толстенную лапищу и заплывшее жиром лицо Брида, представляя, что будет, когда он услышит короткие гудки. В мыслях уже хоронил себя, и... в тот миг, когда трубка коснулась уха Брида, мне ничего не оставалось, как нажать на рычаги аппарата.

Брид побагровел от ярости и заорал:

— Убью, сволочь!..

А я лихорадочно думал, что делать теперь. Подумав, заорал тоже.

— Хочешь все испортить?! — бросился в контрнаступление. — Да если б ты брякнул хоть слово, Садер сразу бы смекнул, что я у тебя в руках! Все полетело бы к чертям собачьим, слышишь?! Прости, но не понимаю...

Брид понизил тон.

— Подумаешь, он не понимает! Да я не собирался говорить, хотел только послушать... А ты... не темнишь, Скотт?

Я лишь изобразил оскорбленную невинность — на большее не хватило ни духу, ни сил.

Брид пододвинул к себе аппарат и буркнул почти миролюбиво:

— Повтори-ка номер, Скотт. Номер «Норы».

...Вот это да! Вот это Брид! Ну и фокусы устраивает! Похоже, даже если и выберусь отсюда живым, до конца дней останусь психопатом. Но врать нельзя — это еще больше усугубит ситуацию, и потому я довольно бодро произнес:

— Да пожалуйста: «Мичиган 1-16-45».

Брид набрал номер.

Глядя на выражение его лица, меня начало немножко потрясывать. Нет, останусь жив — обязательно сменю профессию. Стану, к примеру, дворником, а что? Или, в крайнем случае, уйду в монастырь...

Некоторое время Брид слушал, потом сунул трубку мне:

— Там занято, Скотт. Что скажешь?

— А чего именно ты ждешь?

Голос дрожал, но я ничего не мог с собой поделать.

Брид же почти прошептал:

— Ах, Скотт-Скотт!.. И почему у тебя так дребезжит голосок?..

(Негодяй! Просто негодяй!)

Я вздохнул:

— Еще спрашиваешь? Звонишь Садеру и спрашиваешь! Если он догадается, что я переметнулся к тебе, — все, крышка. Лучше уж пристрели сам. Да даже если ты просто посопишь в трубку, Марти сразу насторожится. Еще один подобный эксперимент, и меня хватит удар!

Такой спич, сколь ни странно, вроде удовлетворил Брида. Он поскреб пятерней жирный затылок и дернул плечом:

— Но почему же номер был занят, а, Скотт?

— Ну, в принципе, по телефонам иногда, между прочим, и разговаривают, — привел я несокрушимый в своей логике довод. — К тому же я попросил Садера сделать списки наркоманов, и наверняка сейчас он обзванивает подчиненных, с тем, чтоб подготовили информацию по районам и доставили в «Нору».

Это прозвучало не очень убедительно, но Брид вздохнул и, словно в знак того, что принимает объяснение, откинулся на спинку кресла.

— Ладно, Скотт, делай как знаешь. — Повернулся к своим головорезам: — Вагнер, свяжи Флика. Оружие у него отобрали? Отлично! Ну и готовьтесь, ребята. Будете иметь честь сопровождать мистера Скотта в его поездке. — Помолчав, добавил: — На всякий случай.

(Вот это сюрприз!)

— Нет-нет! — попытался возразить я. — Да если появлюсь в «Норе» в такой компании, что подумает Садер?

Брид усмехнулся:

— Меня не волнует, что подумает Садер. Но, впрочем, у него и времени-то на размышления не будет, для того парни и едут. А ты неужто рассчитывал вырваться отсюда один, Скотт?

Еще бы не рассчитывал!.. Втерев Бриду рожденную моим буйным воображением историю, я, естественно, был уверен в том, что жить Садеру осталось недолго. Но теперь-то, теперь под вопросом и моя собственная жизнь, и участь Айрис. С нами-то что будет?..

— Брид! — Постарался говорить спокойно. — А мисс Гордон? Ты же обещал отпустить ее.

Толстяк отрицательно завертел головой:

— Размечтался! Девчонка останется здесь, со мной и Фликом, до тех пор, пока... Пока ты не вернешься с победой, Скотт!

Брид улыбался, но улыбкой издевательской и зловещей — теперь-то уж я хорошо знал, насколько коварен этот человек, и не ожидал от таких улыбок ничего хорошего.

А сам был как выжатый лимон. Похоже, за сегодняшний безумный день я исчерпал все стратегические запасы серого вещества. Хотя... Хотя появилась одна идейка. Не гениальная, но рискнуть, кажется, стоило...

Вагнер, Гамлет, Малыш Джо-Джо и верзила Гарри должны ехать со мной и не

выпускать меня из виду. Брид же останется с Фликом и Айрис, привязанными к стульям. Несомненно, едва мы уедем, Флик сразу сообщит боссу какой-нибудь факт, подтверждающий и его алиби, и мою ложь одновременно — ну, допустим, назовет телефончик девки, у которой ночевал, или что-то другое. Это, понимаете сами, меня никак не устраивало.

А вот если Флик поедет вместе с нами, то не только не сможет напакостить, но еще и отвлечет на себя внимание моих стражей.

Вагнер уже отдал Бриду револьвер Флика и начал связывать тому руки за спиной, когда я спросил:

— Брид, а зачем ты велел связать Флика?

Толстяк удивился:

— Считаешь, его надо погладить по головке и отпустить к маме?

— Нет-нет, ты, конечно, правильно сделал, но... — Изобразил на физиономии некое подобие улыбки: — Но неужели я не до конца убедил вас в его предательстве? Поскольку работаю теперь на тебя, то имею же право требовать дать мне шанс доказать, что не вру?

— И как ты собираешься доказать это, Скотт? — насторожился Брид.

— Очень просто. Пусть Флик тоже едет в «Нору». Когда твои парни увидят, что Садер встречает его с распростертыми объятьями, они все поймут. Ну а потом расскажут тебе.

Немного подумав, Брид согласно кивнул и повернулся к Одинокому:

— О'кей! Ты понял? Поезжайте все вместе, но не спускайте глаз с обоих. — И с нажимом: — А если Скотт вдруг начнет плохо себя вести, не больно церемоньтесь...

Я махом уловил сокровенный смысл этих слов — при малейшей попытке скрыться меня элементарно пристрелят.

Брид взглянул на часы:

— Ну, нечего тянуть, вперед! Вагнер, не забудь: жду звонка.

Джо-Джо и Вагнер вывели меня с Фликом на улицу, и, когда нас заталкивали в машины, Флик успел прошипеть:

— Ты пожалеешь об этом, Скотт! Убью при первом удобном случае!..

Черный «кадиллак», куда меня усадили, вел Вагнер. Джо-Джо устроился на заднем сиденье рядом со мной. Следом ехал черный «плимут», в котором находились Гамлет, Гарри и Флик, наверняка продолжавший убеждать недавних коллег в своей невиновности.

Машины, шелестя шинами, мягко скользили по асфальту, а мне ничего не оставалось, как думать о предстоящей встрече с Марти Садером.

ГЛАВА XV

Было уже за полночь. Небо заволокло набежавшими откуда-то косматыми клочьями туч, быстро несущимися на север. Лишь изредка фары встречных машин на мгновение освещали наши лица, а потом все снова погружалось во тьму.

Вагнер, не отрываясь, внимательно смотрел на дорогу, Джо-Джо курил, бросая иногда на меня косые взгляды. Дуло его револьвера упиралось мне прямо в ребра.

Похолодало. Резкие порывы ветра хлестали по «кадиллаку», и даже казалось, что от этого автомобиль бросает из стороны в сторону. Одинокий ехал сперва по Риверсайд-Драйв, потом свернул к Центру.

Еще у Брида я от всяких треволнений вспотел, и теперь влажная сорочка, став ледяной, неприятно липла к спине, плечам и рукам. Холод проник в салон машины, и я сильно замерз.

Чтобы добраться от «финансового общества» Брида до «Норы», нам потребовалось лишь четверть часа. Зарулив в примыкающий к Седьмой улице переулок, Вагнер затормозил «кадиллак» прямо у лифта, ведущего в ночной клуб Марти Садера. Я приметил, что он вроде не собирается вытаскивать из замка ключ зажигания. Это шанс.

Черный «плимут» остановился за нами, потушил фары. Я вылез из машины, и пронизывающий ветер ударил в лицо, забрался под воротник и, казалось, проник в легкие. Я начал мелко дрожать. А может, это не из-за ветра? Может, нервы окончательно сдали и дрожь именно нервная? В какой-то миг даже показалось, что вот-вот отдам богу душу.

(Нет, надо брать себя в руки!)

«Черт! — ругнулся я мысленно, но сурово. — Ты что, Скотт? Успокойся, приятель, ты еще жив, и рано поднимать лапки кверху!»

Сей внутренний монолог несколько успокоил. Действительно, чего это я взялся помирать заранее? Удалось же выйти от Брида живым благодаря смекалке. Хотя обольщаться пока не стоит: я умудрился влезть ко льву даже не в пасть, а в желудок.

Но что могло произойти в «Норе» после нашего с Айрис побега и что может произойти сейчас? Тут возможны варианты: дюжина вооруженных до зубов головорезов засела внизу, чтобы разделаться с нами; не исключено, Садер один, и мои спутники сразу пристрелят его на месте. Допускаю также и что в «Норе» мы никого не застанем, хотя ведь кто-то же минут тридцать — сорок назад там присутствовал: телефон-то был занят. Однако ни одна из приходивших на ум версий до конца меня, увы, не устраивала.

За время работы частным детективом и даже за те четыре года, которые провел морпехом в мясорубке, именуемой Второй мировой войной, в меня часто стреляли, порой почти убивали, но никогда еще я не чувствовал себя так мерзко, как в эту ночь. Честно говоря, подумал, что, как ни крути, а все равно конец. Я почти валился с ног от усталости, от побоев и размышлений раскалывалась голова, а физическое и моральное напряжение достигло своего апогея, и, кажется, было уже глубоко наплевать на то, что произойдет... Ну, или почти наплевать.

Но, как и у всякого человека, оставался все же еще, наверное, какой-то скрытый резерв внутренней энергии, который я надеялся использовать в удобной ситуации. Идеальный вариант, естественно, — перетянуть на свою сторону кого-то из сопровождавших меня бандитов, однако это был, похоже, совсем не тот случай: ясно, что они готовы прикончить бедного Шелла Скотта при первом же неосторожном шаге.

Мы подошли к лифту и остановились. Дверь оказалась приоткрыта, и я увидел, что кабина лифта находится наверху. О господи, сделай так, чтобы в клубе никого не было! Если Садер действительно недавно покинул «Нору», воспользовавшись на сей раз лифтом, еще можно остаться какое-то время живым, объяснив людям Брида, что Марти после телефонного разговора со мной отлучился по делам и скоро вернется.

Подтолкнув нас с Фликом к двери лифта, четверо вооруженных громил вошли в кабину следом. Таким образом, я и Флик оказались впереди остальных, и, если внизу торчат дружки Садера, Флику и мне придется первый удар принять на себя. Перспективка, доложу вам...

Пока лифт медленно, со скрежетом опускался, я вспомнил, как вместе с Айрис выбирались из «Норы». Кажется, будто год прошел: столько событий, в основном, увы, неприятных, стряслось лишь за один сумасшедший день. И все же общая картина наконец сложилась. Итак, еще раз: Марти Садер делает попытку вторгнуться во владения Кольера Брида. Брид в ответ на посягательства Марти

посылает к нему Лобо — Красавчик должен осадить зарвавшегося хозяина «Норы», указать наглецу его место. В противном случае Брид грозит разделаться с Садером. Садер же, очевидно возомнивший, что ему по зубам тягаться с Бридом, убивает Лобо, но в клубе совершенно неожиданно находится Айрис Гордон, ставшая невольной свидетельницей убийства. Айрис по неосторожности впутывает в это дело меня — и вот на сцене появляется Шелл Скотт, довольно преуспевающий частный детектив, который, оказавшись замешанным в борьбу главарей двух преступных кланов — Марти Садера и Кольера Брида, — превращается в живую мишень и для той, и для другой стороны. Таковы звенья в цепи этих зловещих событий. Мое профессиональное самолюбие и человеческое любопытство были теперь полностью удовлетворены, но, боюсь, как бы не слишком дорого пришлось в итоге за это заплатить.

Лифт остановился, двери начали автоматически открываться, и я подумал о сигнальной лампочке в конторе Садера. Возможно, мои спутники о ней и не знают, а ведь если кто-нибудь из людей Марти находится в «Норе», то они о нашем визите уже оповещены.

От волнения пересохло во рту. Наконец двери лифта открылись полностью, и я увидел, что в зале клуба царит мрак.

М-да-а, сейчас я был натурально меж двух огней: за спиной подручные Брида, готовые пристрелить меня в любую минуту, не говоря уже о Флике, который, естественно, просто жаждал моей крови, а где-то там, в глубине «Норы», в несчастного Шелла Скотта тоже, не исключено, нацелена парочка кольтов. Толчок в спину — и я почти вывалился из лифта. Следом во тьму шагнул Флик, за ним остальные. Тишина...

Мы молчали, боясь пошевелиться. Когда глаза привыкли к темноте, я различил узенький лучик света, падавший из двери конторы Садера. На мое плечо легла тяжелая рука, и ничего не оставалось, как пойти в направлении света. Следом бесшумно двинулись парни Брида.

С каждым шагом шансы уцелеть стремительно таяли, но я все лихорадочно перебирал варианты спасения. Если в конторе кто-то есть (а скорее всего, сам Садер), потасовки с перестрелкой не избежать. Но если удастся вдруг уговорить Вагнера и остальных разрешить войти в контору вдвоем нам с Фликом (мол, тогда они убедятся в его предательстве: я же обещал, что Марти встретит Флика с распростертыми объятьями), то может, и пронесет. По крайней мере, рискнуть стоило.

Но дальше? Что дальше? Хотя, впрочем, зачем гадать, иного шанса все равно не было.

Увы, едва я на миг притормозил, дабы поделиться этой отличной идеей с провожатыми, сразу почувствовал, как дуло револьвера уперлось в спину. Ладно, речь отменяется. Однако страха не было. Наверное, я правда перешел уже некую черту, за которой страх исчезал. Какая разница — пуля в лоб или затылок? Вопрос чисто риторический, дело вкуса.

Мы остановились у входа в контору, и Гамлет вдруг пинком распахнул дверь. Почти одновременно мне здорово наподдали сзади, и я кубарем влетел в комнату от удара, нанесенного, похоже, Вагнером.

Ухватившись за край стола, чудом удержался на ногах. Но все-таки удержался, а когда поднял голову — прямо передо мной в кресле сидел Марти Садер.

Владелец «Норы» был мертв.

...Я видел много смертей. Приходилось даже хоронить погибших друзей, но почему-то ни одна смерть не потрясла меня так, как смерть Садера. Может, потому, что она автоматически продлевала мою собственную жизнь, во всяком случае, на ближайшие минуты.

А вот Флик явно так не думал. Он сориентировался в неожиданной ситуации

гораздо быстрее и с выпученными от ярости глазами вцепился мне в горло. Я еле вывернулся из этой мертвой хватки, но он тут же ударил меня в челюсть так сильно, что голова запрокинулась и едва не упал.

Несмотря на жуткую боль, сумел двинуть Флику в обратную, однако меня мгновенно облапил великан Гарри, а Вагнер оттолкнул Флика, лицо которого было перекошено от ненависти.

— Сволочь!.. — хрипел он. — Я все равно пришью тебя, скотина!..

— Заткнись, — процедил Вагнер, переведя взгляд на труп Садера.

И все сразу умолкли, лишь Гамлет пробормотал что-то себе под нос.

За секунду до смерти Марти сидел в кресле. Сейчас голова его лежала на письменном столе, а обычно аккуратно причесанные волосы сбились набок и обнажили залысины, которые при жизни он тщательно скрывал. Рядом валялись очки. Глаза Садера были широко открыты.

Один Флик даже не глянул на мертвого хозяина «Норы», по-прежнему не сводя с меня своих маленьких, черных, ненавидящих глазок. Ясно, о чем думал Флик: выжидал удобного момента в очередной раз броситься на меня.

Вагнер, подойдя к столу, схватил Садера за волосы и, приподняв голову, начал внимательно ее осматривать. Наконец ткнул пальцем в затылок трупа и, выругавшись, буркнул:

— Маленькая дырка, двадцать второй или двадцать пятый калибр...

Он проворчал это так буднично, словно сообщил, который час. Потом разжал пальцы, и голова Садера с глухим стуком упала обратно на стол. По моей спине пробежал холодок.

Все, кроме Гамлета и Флика, продолжали смотреть на покойника. Гамлет уставился куда-то в потолок, а Флик, не моргая, пожирал глазами меня, словно прикидывая, как бы половчее нанести очередной удар. Одинокий, увидев, что испачкал руку кровью Садера, принялся тщательно вытирать ее о полу темного пиджака Марти, а Малыш Джо-Джо начал расхаживать туда-сюда, разглядывая находящиеся в конторе предметы.

Наконец Вагнер, назначенный Бридом старшим, что-то шепнул Гамлету, и тот вышел из комнаты. Через минуту весь клуб залил яркий свет — Гамлет нашел выключатели.

И вдруг Джо-Джо удивленно воскликнул:

— Эй, ребята! Посмотрите-ка!

Малыш держал в руках тонкий, изящной выделки женский носовой платок.

— Инициалы «К Э Г», — ни к кому конкретно не обращаясь, протянул он. — И что это значит? Кому он мог принадлежать? «КЭГ»... Сокращенное от Кэгни? Да-а-а, вот бы сюда Хэмфри Богарта...

А я тоже спрашивал себя, чей же это платок и что означают буквы «К Э Г», пытаясь связать с ними всех женщин, так или иначе причастных к этой истории.

Миссис Вивиан Садер, Китти Грин, Айрис Гордон, Миа... М и а...

«Фамилию мою вы все равно правильно не выговорите», — сказала она в первую нашу встречу. Но нет, буква же не подходит...

В общем, пока я решил прервать размышления, потому что платочек этот не играл в данный момент в моей дальнейшей судьбе никакой роли. И, сколь ни парадоксально, гибель Марти Садера, отведя от вашего бедного рассказчика угрозу скорой смерти, одновременно увеличила шансы на смерть вообще — может, не такую скорую, но, кажется, неотвратимую. Уж теперь-то Флик не упустит шанса поквитаться со мной.

И — не ошибся.

— Вагнер! — взревел Флик. — И вы все! Ну неужели вам до сих пор не ясно, что мерзавец Скотт все выдумал?! Он хотел вас надуть и ради этого подставил меня.

Но я же говорил: он врет, врет! Почему же вы не поверили мне, вашему товарищу, еще там, у босса?!

Четверо бандитов, не пряча оружия, приблизились к Флику и молча уставились на меня. Да, похоже, уже не выпутаться…

— Ну что, Скотт, — криво усмехнулся Флик, — покажи-ка нам, пожалуйста, тот самый заветный сейф Садера с кучей денег и драгоценностей. И не забудь уж, будь добр, про списки наркоманов из высшего света, о которых ты столько наболтал!

Он сжал кулаки, а я попытался облизнуть пересохшие губы, но язык не слушался. Четыре дула круглыми дырами смотрели мне в голову, сердце, живот: три автоматических пистолета сорок пятого калибра в руках Джо-Джо, Гамлета и Гарри и один тридцать седьмого в лапах Одинокого-Вагнера. Да что же это такое! Почему я сегодня постоянно вижу нацеленное на меня оружие?! Поистине сегодня я для всех стал мишенью!..

Они ждали ответа. Или не очень ждали, хотя, надеюсь, некоторый огонек веры в сокровища Садера я в них (кроме, быть может, Флика) запалил. Ну что делать — вновь принялся блефовать. Теперь-то точно из последних сил.

— Погодите, погодите, ребята… — вроде бы растерянно забормотал я. — Не берите за горло, я правда не знал, что произошло. Это, — махнул рукой в сторону трупа Садера, — случилось после нашего с Марти разговора по телефону, поэтому должен заметить…

И — осекся. Нет, так не пойдет. Сейчас снова нагорожу чепухи, а потом вовсе не выпутаюсь из очередной собственной сказочки. Хватит бесполезной лжи, уж коли выкручиваться, то с умом.

Но была и еще одна причина, из-за которой замолчал. По лицу Флика блуждала зловещая ухмылочка, и он с явным нетерпением ожидал конца моей речи, чтобы разбить легенду о сейфе и деньгах в пух и прах. И у меня при взгляде на бандита пропала всякая охота говорить.

— Ну что, Вагнер? — Флик покосился на него и повернулся к остальным: — А вы что скажете?

И вдруг он резко наклонился и поднял из-под стола… телефонный аппарат. По всей видимости, когда пуля пробила череп Марти, умирающий дернулся и свалил аппарат на пол.

Держа в одной руке телефон, в другой трубку, Флик засмеялся:

— А ответь-ка, дружище Скотт, на такой вопрос: что происходит, когда трубка снята с аппарата? Линия становится занятой, не правда ли? — Он обвел приятелей торжествующим взором: — Вот почему, оказывается, номер был занят, когда сюда звонил Брид!

Малыш Джо-Джо, почесав кривой нос, начал описывать вокруг меня круги, демонстративно поигрывая блестящим пистолетом.

Флик снова насупился:

— Думал перехитрить нас, тварь? Может, скажешь, что болтал по телефону с покойником, а?

Прекрасно понимая, насколько мои доводы жалки и неубедительны, все же попытался хоть как-то объясниться.

— Да он был жив, жив, когда я звонил! И ты должен был слышать это, Флик, потому что стоял рядом!

Первым заржал Вагнер, за ним загоготал Гарри. Никто не проронил ни единого слова, только смеялись. Похоже, действительно конец…

Но я решился на последнюю отчаянную попытку.

— Не дайте Флику одурачить себя, ребята! Пошевелите же наконец извилинами: он просто спасает свою шкуру и… и… и вообще…

(Вот тебе, Скотт, и хорошо подвешенный язык! Выдохся?)

Четверо вооруженных бандитов и один покамест еще безоружный, точно вампиры, почуявшие запах крови, сверлили меня глазищами со всех сторон, будто примериваясь, куда укусить. Или выстрелить. Остекленевшие глаза Садера тоже смотрели в мою сторону. Как сговорились!..

А Флик поставил телефон на стол рядом с макушкой Садера, снял трубку и, набрав номер, вежливо пропел:

— Алло! Добрый вечер, девушка. Извините, я обнаружил, что с аппарата оказалась снята трубка, а мне должны были звонить по важному делу. Нельзя ли узнать, как долго не работал телефон?

Показалось, что ответа он ждал целый час, хотя, наверное, прошла лишь минута или даже всего несколько секунд. Я словно потерялся во времени, а мой безумный взгляд был прикован к телефонной трубке, которую держал негодяй Флик.

Наконец он, видимо, получил ответ, аккуратно положил трубку и повернулся к Вагнеру:

— Она не может сказать точно, но уверен, что не меньше часа.

— Я тоже так думаю, — усмехнулся Одинокий и, подняв пистолет, двинулся в мою сторону.

Хотя силы были на исходе, я приготовился подороже продать свою жизнь: погибать от пули этого урода совсем не хотелось. Но, впрочем, что я сделаю безоружный против их пушек...

Однако Флик, вновь ощутив себя полноправным членом банды, вдруг схватил Вагнера за рукав:

— Погоди, не спеши! Что ты хочешь?

Тот пожал плечами:

— А помнишь, как сказал босс? Если Скотт соврал, пришейте на месте.

Но тут вмешался Гамлет, действительно самый тихий и наименее жестокий из прихвостней Брида:

— Давайте-ка, ребята, мотать отсюда, и поскорее. — Бросив взгляд на труп Садера, добавил: — Не нравится мне все это, ох не нравится...

Гарри Фишер, задумчиво почесав огромной лапищей заросший густой щетиной квадратный подбородок, гулко пророкотал:

— А может, разделаемся с ублюдком на свежем воздухе? Так сказать, на природе? — И громогласно расхохотался, а насмеявшись над своей ужасно остроумной шуткой вволю, уточнил: — Ну? Согласны?

Флик уставился на Вагнера:

— Я вот что скажу: мы пятеро были в одной упряжке и неплохо работали вместе, пока эта сволочь не настроила вас против меня. Даже босс поверил, что я предатель. Решай, коль ты сейчас главный, но учти: Скотт — мой враг, и я хочу отомстить ему сам, понял?

Честное слово, они говорили обо мне, точно о последнем куске мяса в лавке, куда забрели жутко голодные люди, которые спорят теперь, кому этот кусок достанется. Гм, ну, справедливости ради, приоритет в данном вопросе и впрямь должен по праву принадлежать Флику.

— Ты же слышал, Одинокий, — гнул тот свое, — как еще у Брида я поклялся пришить Скотта? И хозяин разрешил убрать его, если соврет, — слышал?

— Да слышал, слышал, — миролюбиво согласился Вагнер. — А кто против-то?! Только отвези его сперва куда-нибудь подальше. Ну, хотя бы в Бенедикт-Каньон, что ли.

Но Флик отрицательно замотал головой, и на губах его заиграла гаденькая улыбочка.

— Нет, сделаю по-другому, вот увидишь, так будет лучше. — Обернулся к Гамлету: — Дай-ка свою пушку.

Тот протянул Флику пистолет. Кажется, он даже был рад в столь скользкий момент избавиться от оружия. А Флик, точно для пробы, пальнул в потолок. Комната наполнилась грохотом, сверху полетела штукатурка.

Я замер, вообразив, что следующая пуля — моя. Флик же заявил:

— В общем, дело было так: Скотт пришел сюда и не поладил с Садером. Тогда он застрелил Садера, однако и сам был ранен... ну, допустим, в живот. — Негодяй засмеялся: — Да-да, сейчас, Скотт, ты получишь пулю в живот, чтобы все выглядело правдоподобно. Ты же любишь, чтобы все выглядело правдоподобно, да?

(Увы, Флик снова был на коне и теперь издевался как хотел.)

— ...А потом с ужаснейшей раной в брюхе, — гнусил он, — наш бедный мистер Скотт, конечно, все-таки попытается выбраться из этой дыры, поползет... Ведь ты же поползешь, Скотт, верно?

Я молчал.

— Ох, разумеется, он поползет, но, беда-то какая, а ну как сдохнет на пороге. Сдохнет, едва лишь...

— Да послушай, Флик! — возопил я охрипшим от волнения голосом. — Я же не убивал Марти!

Он прищурился:

— Разве? А я ведь тоже не человек Садера, Скотт.

— И все равно никто не поверит, что я убил его!

— Но тебе же Брид поверил, что я предатель. Так почему полиции не поверить, что Садера пришил ты? — Флик ухмыльнулся: — Хотя — поверят, не поверят... вам-то какая разница, мистер Скотт? Ваша песенка спета!

У меня совсем пересохло во рту, лицо пылало, а по спине сновали мурашки. Флик же просто играл со мной, как кошка с мышью, явно растягивая удовольствие поизмываться над врагом.

— А что еще можно сделать с ним, когда маленько подстрелим, а, Вагнер? Отправиться в дансинг потанцевать? Кстати, посмотрим, как наш дорогой Скотт танцует и каких девочек предпочитает приглашать...

По-моему, Флик испытывал сейчас самую огромную радость в жизни. Кажется, он даже чуть рехнулся от восторга.

— ...и представьте, друзья, с каким блеском наш Скотт будет выкаблучивать разные па и какой шик в глазах посетительниц танцевального зала придаст ему брызжущая из ран во все стороны алая кровь!..

Я бросил тоскливый взгляд на дверь в надежде на чудо, хотя, конечно, прекрасно понимал, что чудес на свете не бывает и спастись нет ни малейшей возможности. Да-а-а, ловко загнал сам себя в эту нору...

Наверное, вид у меня был поистине несчастный — Флик щерился во весь рот с чувством исполненного долга. Час назад я едва не приговорил его к смерти, и теперь он с неимоверным наслаждением мстил мне.

Но вот негодяй ехидно кивнул в сторону двери:

— Ладно, Скотт, готов? Тогда топай!

Совершенно не соображая, что делаю, как лунатик, я шагнул к двери.

— Нет-нет, погоди, — посерьезнел вдруг Флик. — Дай подумать еще.

Я замер.

— Или ухлопать его все-таки тут, ребята? — обернулся он к Джо-Джо, Гамлету и Гарри. — А потом протащим нашего окровавленного друга по полу до лифта — вроде как помер от последней пули Садера.

Гамлет пожал плечами. Остальным, похоже, тоже было до лампочки.

— Но впрочем, нет, — хмыкнул Флик. — Я опять передумал: вот охота таскать эту тушу, еще в крови перемажемся. Давайте-ка, мистер Скотт, шагайте смело вперед, но не спешите: я буду решать, в какой момент спустить курок… Да, кстати, ничего, если выстрелю в спину, вы не против?

А мне было уже все равно. Не оглядываясь, я подошел к двери и переступил через порог. «Чему случиться, того не миновать», — вертелась в мозгу избитая дурацкая поговорка.

Флик шел следом, не отставая ни на шаг, — я постоянно ощущал затылком его дыхание. Тычком рукоятки пистолета он заставил меня свернуть влево. Я повиновался — протеста больше не было, только страх. Хотя… Хотя и страха уже не было. Да вообще ничего уже не было…

Внезапно Флик приказал:

— Стой!

Я замер, а он, приблизившись вплотную, тихо и уже абсолютно серьезно произнес:

— Мы оба сегодня славно пошутили, приятель, — и больно ткнул меня дулом пистолета в бок. — Но теперь хватит. Больше тебе не удастся сделать из меня дурака!..

…Дальнейшие мои действия оказались чисто рефлекторными — должно быть, сказался опыт службы в коммандос. Резко повернувшись, я вскинул правую руку, а локтем левой выбил пистолет из ладони Флика в момент, когда прогремел выстрел. Хоть и подумал минуту назад, что чудес не бывает, но пуля задела лишь рукав моего пиджака.

Потеряв оружие, Флик разразился гнуснейшей бранью, но ругаться долго ему не пришлось: мной овладела такая дикая злоба, что, уже не владея собой, я стальной хваткой сдавил ему горло. Флик закатил глаза и захрипел. Я опомнился, попытался разжать пальцы — не тут-то было, они не слушались. Еле-еле отпустил шею бандита.

Гм, отпустить-то отпустил, но, не давая Флику очухаться, врезал ему левой в челюсть. Апперкот получился великолепный!

Да, друзья, апперкот получился действительно великолепный: Флика аж подбросило в воздух, а потом он рухнул на пол носом вниз и затих. Я поднял пистолет и прислушался — гром выстрела, испортившего мой пиджак, наверняка был слышен во всем клубе, не говоря уже о конторе, где остались четверо подельников Флика.

Если честно, я, похоже, и впрямь несколько отупел: ждал, что после выстрела вся компания прибежит на шум. И только чуть позже смекнул, что для них ничего необычного, в общем-то, не случилось. Флик же повел меня на расправу — пустить, как выразился, пулю в живот. Он ее и пустил. Только, правда, не в живот, а в пиджак. Ну да это детали, главное — никто сейчас сломя голову сюда не примчится. По крайней мере, не сразу.

Нужно бежать, но как? Воспользоваться лифтом нельзя — для этого надо пройти мимо открытой двери конторы, в которой сидели «коллеги» Флика, да и поднимался он слишком медленно. И тут…

— Эй, Флик! Ты где застрял? — громко кричал Вагнер-Одинокий.

— Флик, все в порядке? — басил Гарри.

У меня задрожали руки, но молчать было опасно. И я тихонечко захихикал, пытаясь подражать интонациям Флика, однако, боюсь, этот жалкий смех скорее напоминал блеянье голодного потерявшего любимую маму козленка. Сейчас, вот сейчас они выйдут из конторы и… Нет, здесь оставаться нельзя, но что же делать?..

И вдруг в голову стукнула шальная мысль: я сам должен идти к ним…

Да-да, я сам, с пистолетом Флика, должен вернуться в контору — и попытаться перестрелять их всех, всю эту банду убийц, если, конечно, прежде они не ухлопают меня. Это был риск, смертельный риск, но иного варианта не видел.

Влажной от холодного пота рукой крепко сжал рукоятку пистолета и шагнул в сторону распахнутой двери…

ГЛАВА XVI

Уже подойдя к ней, я остановился, внезапно подумав, что не смогу стрелять в своих врагов.

Пистолет Гамлета у меня — следовательно, один из противников почти не опасен, но все равно, уложить четверых гангстеров — задачка не из простых. Однако же остановило другое: я осознал, что не только *не могу*, но и *не хочу* убивать их. Наверное, это прозвучит странновато: не вчера ведь родился, стрелял в своей жизни в людей и никогда при том особенно не комплексовал — но сейчас… сейчас мне почему-то стало страшно от мысли о том, что придется пустить пулю в лоб или сердце кому-либо из них.

Гарри вновь позвал Флика, затем послышались шаги, приближающиеся к открытой двери, и, увидев на пороге Фишера, я мгновенно ударил его пистолетом по голове.

Тело Гарри обмякло, он начал медленно оседать на пол, а я прыжком ворвался в контору «Норы» и рявкнул как в кино:

— Не двигаться! Всем оставаться на местах!

Вагнер сидел за столом, в левой руке он держал телефонную трубку, а правой набирал номер. Джо-Джо был почти у двери — наверное, шел за Гарри. Увидев меня, Малыш вскинул пистолет, выкрикнув при этом что-то невразумительное. Я тоже прицелился в него и, клянусь, не хотел стрелять, да напряжение оказалось слишком велико — и я почти бессознательно нажал на курок.

Пуля угодила Малышу в грудь. Он упал. Но тут заворочался Гарри. Не скажу, что тот представлял такую уж серьезную опасность — руки его дрожали, и выстрелил он в пол. Ну и я тоже выстрелил. В Гарри.

Он еще шевелился, огромный Гарри Фишер, но, к сожалению, возиться с ним было некогда. Я поднял выпавший из его ладони пистолет и переключил внимание на Вагнера, потому что, бросив трубку на рычаги телефонного аппарата, Одинокий уже вытаскивал свой пистолет из кобуры.

Мы выстрелили почти одновременно. Я почувствовал нестерпимую боль под правым плечом, но тем не менее, стиснув зубы, вытянул руку в сторону Вагнера. Его нос стал в этот миг чем-то вроде мишени, и я стрелял, стрелял, стрелял в одну точку до тех пор, пока он с залитой кровью головой не грохнулся на пол.

Гамлет стоял слева от стола. Я навел на него ствол и… замер. Вид у Гамлета был настолько жалкий, к тому же его пушка была у меня… В общем, я не хотел убивать безоружного. Конечно, будь у Гамлета оружие, он бы раздумывать не стал. Но я не хотел убивать его. Не мог.

Насмерть перепуганный Гамлет застыл как истукан. Я поднял пистолет Джо-Джо, просмотрел содержимое ящиков стола Садера — Гамлет не сводил с меня безумного взгляда. Где-то должна быть веревка — Марти ведь связывал утром Айрис. Наконец попался какой-то моток. Гамлет не проронил ни звука, пока я спутывал его, точно рождественский подарок. Покончив с этим делом, очумело огляделся и понял: возможно, сейчас стошнит.

Контора Садера походила на римскую арену после боя гладиаторов. Марти в прежней позе покоился за столом, глядя на всех остекленевшими глазами. Гарри Фишер лежал поперек порога и не подавал признаков жизни. Вагнер тоже не ды-

шал: лицо его залилось кровью, а в затылке виднелась маленькая дырочка. Джо-Джо полусидел, опершись о стену. Глаза были открыты и смотрели на меня. Руку он прижимал к правой стороне груди. Малыш попытался что-то сказать, но не смог — кровь темной струйкой хлынула изо рта. Довершал картину Гамлет, спеленатый, как египетская мумия.

Я подошел к Садеру — в перестрелке совсем забыл о нем, хотя именно Марти и заварил всю кашу. Ему страшно захотелось получить слишком много денег и потягаться с Бридом. И вот что из этого вышло.

«Чем могу служить, мистер Скотт?» — спросил Марти днем с ледяным высокомерием и олимпийским спокойствием. Сейчас он совсем не выглядел высокомерным, но мне не было его жаль. Попытался сунуть пистолет в карман пиджака, однако стоило лишь пошевелить рукой, резкая боль пронзила правое плечо — пуля Вагнера, задев подмышечную впадину, прошла навылет. Поморщился: «Еще легко отделался».

Промокнув выступившую кровь носовым платком, я крепко прижал руку к туловищу и, сняв трубку, начал набирать номер полицейского управления, решив вызвать наряд полиции. И вдруг вспомнил о Флике, который остался там, за дверью конторы, в глубине «Норы». Ведь он не прибежал на грохот перестрелки, а в момент, когда я подносил трубку к уху, над дверью загорелась лампочка. Значит, заработал лифт...

Бросив трубку, я рванул туда, где оставил оглушенного Флика. Его не было. Вернувшись, вновь набрал номер полиции и сказал дежурному:

— Оперативную группу в «Нору» Марти Садера, Седьмая улица. Там целая гора трупов...

Когда положил трубку, лампочка погасла, а подбежав к двери запасного выхода, я увидел, что она заперта. Но времени на поиски ключа от этой двери не оставалось. Надо сию же минуту сваливать, потому как я отлично понимал, куда сейчас направляется Флик: к Бриду, и от одной мысли, что ждет Айрис, если не поспею вовремя, стало жутко. Я просто обязан или перехватить Флика по дороге, или нагрянуть к Бриду первым!

Трижды выстрелив в замочную скважину, ногой вышиб дверь. А поднимаясь по лестнице, услышал вой сирен полицейских машин.

...Черный «кадиллак» исчез. Приблизившись к «плимуту», я проверил, остались ли еще в пистолете патроны. Увы, обойма была пуста.

Открыл дверь машины и прыгнул за руль.

Вой сирен приближался.

ГЛАВА XVII

Слава богу, ключ торчал в замке зажигания!

Я завел «плимут» и рванул с места. На перекрестке с Олив-стрит попавший в пробку полицейский автомобиль, свирепо вращая мигалкой, противно завывал, словно злясь на свою беспомощность.

Через пару минут я выскочил на автостраду и понесся со скоростью сто двадцать километров в час. Далеко впереди, тоже на большой скорости, мчался автомобиль. Сложно утверждать, был ли за его рулем обязательно Флик, но что водитель той машины очень спешил — это точно. А впрочем, Флик же не знает, что негодяй Скотт преследует его.

Ну а когда впередиидущий автомобиль свернул к Риверсайд-Драйв, все сомнения рассеялись — я ехал за Фликом. Мельком глянул на спидометр: стрелка прыгала возле отметки сто тридцать километров. Нет, это уж слишком, подумал я и немного сбавил скорость.

Машина Флика по-прежнему маячила красными огоньками и вдруг исчезла за поворотом. Я погнал «плимут» так, что, казалось, он вот-вот оторвется от земли и взлетит. Стрелка спидометра приближалась уже к ста пятидесяти километрам. Даже стало не по себе от такой бешеной гонки, но упустить мерзавца, единственным ориентиром в погоне за которым служили задние огни черного «кадиллака», было невозможно.

Я миновал четыре тоннеля и несколько перекрестков. «Плимут» заносило на крутых виражах, но я не сбрасывал газ и мчался как сумасшедший, не обращая внимания на кровавые глаза светофоров, хотя... Хотя промелькнула вдруг идиотская мысль: а хорошо бы остановиться, вылезти на обочину, да и завалиться в высокую траву, предавшись спокойным размышлениям, к примеру, о вечности... Но мысль эту я выбросил из головы сразу — сейчас нельзя допустить ни секунды промедления.

Автомобиль Флика был примерно метров за двести, когда я понял, что «финансовое общество» Брида где-то здесь.

«Кадиллак» затормозил прямо напротив входа, и Флик, выскочив из двери, юркнул в подъезд. Подрулив к его машине, я тоже остановился, но, едва вышел на улицу, в доме зазвучали выстрелы, много выстрелов.

Укрылся на всякий случай за «плимутом». Переждал несколько секунд и с разряженным пистолетом в руке (так все же как-то спокойнее) решился штурмовать дом Брида.

...Это зрелище напомнило кадры виденного давным-давно боевика. Я ничего не слышал, кроме гулких ударов измученного сердца, а в доме стояла уже гробовая тишина. Бр-р-р, даже подумал, что где-то здесь, совсем рядом, за этой приоткрытой дверью, и таится сейчас моя смерть.

Но расслабляться нельзя: независимо от того, что ожидало впереди, действовать надо стремительно. Я прыгнул к двери и изо всех сил надавил на нее левой рукой. Правая, несмотря на острую боль, крепко сжимала незаряженный пистолет.

Я тараном влетел в кабинет, но, не заметив валявшейся на полу кипы каких-то журналов, споткнулся и упал на колени. Левая ладонь, ища опору, скользнула по липкой теплой лужице — возле меня на полу лежал Флик, и бледное лицо его заливала кровь. Кажется, Флик был мертв.

Айрис по-прежнему сидела на стуле, только голова ее теперь склонилась на грудь.

И еще я увидел Брида: толстяк стоял рядом с револьвером в руке. Дуло револьвера смотрело мне прямо в лоб.

Я резко бросил тело вправо и чуть не взвыл: Брид обрушил на раненое плечо удар рукояткой револьвера. Было очень больно, но зато теперь его огромный дурацкий живот находился всего в нескольких сантиметрах. И, собрав последние остатки сил, я воткнул ствол своего пистолета в эту рыхлую, жирную массу.

И Брид сразу сломался. Жалобно завопил, застонал:

— Нет!.. Нет!.. Скотт!.. Прошу тебя!.. У меня нет патронов!.. Не стреляй!.. Умоляю!.. («Не стреляй!» А чем мне стрелять-то? Пальцем?)

Брид бросил револьвер и поднял руки.

— Не стреляй!.. — чуть не плача, повторял он.

Со своим толстым животом, маленькими глазками и задранными вверх пухлыми ручками Брид походил сейчас на Го Цзы-и, китайского бога счастья, радости и веселья, вот только вид у него был совсем не веселый. Могущественный и грозный Кольер Брид дрожал от страха как осиновый лист.

— А ну-ка повернись! — приказал я.

— Скотт… Н-н-н-е стреляй, Скотт!.. — заикался он.

— Давай шевелись, сволочь!..

Пока Брид поворачивался спиной, я еще раз глянул на просто изрешеченный пулями труп Флика, буквально плавающий в крови. Нетрудно догадаться, что здесь произошло: Брид, вообразив, что предатель Флик явился по его душу, разрядил в подчиненного свой револьвер.

Я покосился на жирный затылок Брида, и почему-то страшно захотелось проломить ему череп. Да-да, не застрелить, а вот именно проломить чем-нибудь очень тяжелым череп. А что? Ведь сегодня было уже столько смертей — одной больше, одной меньше… В общем, прихлопнул бы его с превеликим удовольствием.

Ткнув в спину Брида незаряженным пистолетом, я ласково гугукнул:

— Как зовут тебя, деточка?

— Что?! — испуганно вскрикнул он.

— Ничего, — буркнул я. — Теперь это уже неважно…

— Что «неважно»?! — заверещал Брид. — Ты о чем, Скотт?..

— Ох, да какая разница! — скривился я и, погладив левой рукой Брида, точно ребенка, по голове, правой изо всех сил врезал пистолетом ему по макушке. Без единого писка Брид ткнулся носом в пол. Наклонившись, потрепал его по дряблой шее: — Порядок, малыш?

Убедившись, что Брид не шевелится, я подошел к Айрис. Девушка сидела, уронив голову на грудь, копна рыжих волос закрывала ее лицо. Оторвав кусок ткани от собственной рубашки, я намочил его водой из стоявшего на столе кувшина и приложил ко лбу Айрис. Потом развернул стул так, чтобы, когда придет в себя, она не увидела окровавленное тело Флика, и начал развязывать стянутые веревкой руки. Айрис молчала, только губы подрагивали, будто все пыталась что-то сказать.

Поддерживая девушку за плечи, я помог ей подняться на ноги. Она стояла, пошатываясь, с закрытыми глазами и тихо-тихо всхлипывала.

Повторюсь: не составляло особого труда понять, что здесь произошло, и все же мне хотелось задать Айрис несколько вопросов.

Наконец она открыла глаза и, задрожав всем телом, вдруг громко зарыдала. Слезы катились градом, ее трясло как в лихорадке, и, чтобы привести бедняжку в чувство, пришлось даже слегка похлопать ее по бледным щекам. Когда Айрис более-менее успокоилась, я сказал:

— Все в порядке, дорогая. Теперь действительно все в порядке. Бояться больше некого.

Она часто-часто заморгала длинными ресницами и, словно пробудившись от глубокого сна, непонимающе огляделась вокруг.

Я помолчал немного, а потом опять обратился к ней, стараясь говорить как можно мягче:

— Здравствуйте, милая Айрис…

— О Шелл!.. — Она прижалась лицом к моей груди. Уже не рыдала, только еле слышно постанывала: — О!.. О!.. О!..

Через несколько минут девушка вытерла свои прекрасные синие заплаканные глаза и попыталась улыбнуться.

— Мне, кажется, лучше, Шелл…

— А не расскажете, что здесь стряслось за время моего отсутствия?

Она кивнула.

— Подождите минуточку, — попросил я и, взяв веревку, которой раньше была связана Айрис, подошел к лежавшему на полу Бриду. Сначала стянул ему руки за спиной, а потом, опутав щиколотки, притянул их к толстым запястьям, точь-в-точь как вяжут свиней. Теперь Брид очень походил на пресс-папье, и им вполне

можно было пользоваться как промокашкой. Да хотя бы для удаления с пола крови Флика.

Отойдя на несколько шагов, довольный содеянным, я с удовлетворением придирчивого художника рассматривал свою работу и вдруг заметил, что толстый зад Брида с одной стороны слишком уж оттопыривается. Наклонившись над неподвижной тушей, догадался: в заднем кармане его брюк что-то лежит, и... не без труда вытащил оттуда пухлый бумажник, набитый банкнотами.

Взяв бумажник, снова невольно вспомнил о том, что произошло за день: в меня стреляли, за мной гонялись, меня били, меня шантажировали, даже ранили, наконец, — и все (ну, или почти все) по приказу этого жирного борова. И я понял, что мне совершенно необходима хоть какая-то компенсация за причиненный моральный и физический ущерб. К тому же сегодня пришлось поработать просто так, задаром, потому что не было, увы, у меня по этому делу официального клиента.

В общем, отсчитав восемь новеньких стодолларовых и четыре пятидесятидолларовые купюры, я аккуратно переложил их в свой бумажник. На визитной карточке, которую достал из кармана, красивым почерком вывел: «Сумма в 1000 долларов получена от Кольера Брида в обмен на оказанные услуги. Шелл Скотт». Поставил дату, вложил визитку в бумажник и засунул его на прежнее место. Так как там оставалась еще приличная сумма, задница Брида опять приняла малость неестественную форму. А я, признаюсь, впервые за этот безумный день почувствовал себя полностью удовлетворенным. Или почти полностью.

Вернувшись к Айрис, которая сидела на краешке стула и отсутствующим взглядом смотрела куда-то в стену, я опустился перед ней на колени и, взяв ладони девушки в свои, еще раз попросил рассказать, что произошло с того момента, когда я и люди Брида уехали в «Нору».

Айрис вздохнула:

— Брид все время страшно нервничал и постоянно спрашивал, знала ли я, что Флик работает на Марти Садера. Я долго не отвечала, а потом взяла и сказала: да, конечно, знала и даже видела их вместе. Брид так разозлился... — Она немного помолчала и продолжила: — А вскоре он совсем разволновался — он ждал звонка этого урода Вагнера, а тот все не звонил. После Брид сам куда-то позвонил, по-моему, в «Нору». Но разговор был какой-то странный. Брид, когда положил трубку, показался еще более обеспокоенным...

Айрис поднесла руку ко лбу:

— Простите, опять закружилась голова.

Я встал.

— Сейчас принесу воды... Нет, не надо! Прошу вас, не смотрите туда...

— Хорошо, — покорно согласилась девушка.

Наливая воду все из того же стоящего на столе кувшина, я представил, как развивались здесь события. Поскольку Вагнер не давал о себе знать, Брид решил позвонить в «Нору» сам. А трубку, похоже, снял уже кто-то из полицейских. Не знаю, о чем Брид с ними говорил, но, видать, сильно сдрейфил и окончательно поверил, что Флик был моим сообщником и работал на Садера...

Я подал воду Айрис. Сделав несколько глотков, девушка стала рассказывать дальше.

— Потом он вытащил из кармана револьвер, постоянно ругал вас и Флика. Ну а через несколько минут к дому подъехала машина, и было слышно, как хлопнула дверь. Тогда Брид вскочил с кресла. На пороге появился Флик, и... Брид выстрелил. Флик упал, но Брид все стрелял и стрелял. А я... я потеряла сознание, ничего больше не помню...

Благородный рыцарь Шелл Скотт обнял леди Айрис за плечи.

— Успокойтесь, все страшное уже позади. Брид сядет за умышленное убийство, а вам лучше поскорее забыть этот день как кошмарный сон.

— Нет! Я его никогда не забуду! — слабо вскрикнула она.

(Ну да, советы давать легко. И если бы мне кто-нибудь сейчас посоветовал то же, что я Айрис, послал бы его к черту, честное слово.)

Подойдя к столу, за которым еще несколько часов назад уверенно восседал Брид, я позвонил в полицейское управление.

— Скоро здесь будет полиция, — сообщил недавней пленнице и кое о чем вспомнил. Вздохнул: — Полицейские допросят вас, Айрис. Сможете рассказать им то, что случилось, начиная с прошлой ночи?

— Конечно, Шелл.

Я развел руками:

— А мне нужно отъехать. Идемте.

Мы вышли на улицу. Мой старый желтый «кадиллак» стоял на том самом месте, где я оставил его, когда приехал сюда с Джо-Джо. Кажется, с той поры минула целая вечность.

— Куда вы теперь, Шелл? — грустно спросила Айрис.

— Увы, есть еще некое дельце, дорогая. Но попозже обязательно загляну в полицейское управление, там и встретимся. Пока!

Она улыбнулась, а я нажал на газ, потому что полицейские машины уже выворачивали из-за угла. Но я нажал на газ не только из-за того, что не горел желанием давать сейчас показания, рано или поздно это все равно придется сделать. Главное теперь — буквы на носовом платке, найденном Джо-Джо у трупа Марти Садера. И как же я был зол, что эти типы не дали мне тогда додумать все до конца. Ведь чего проще: Китти Грин!

(Китти-то, между прочим, — уменьшительное от Кэтрин, поняли?)

ГЛАВА XVIII

Я спешил и потому, стараясь ни на что не отвлекаться, внимательно следил за дорогой.

Остановив машину у аккуратного белого домика, вышел и осмотрелся. Все по-прежнему, ничего не изменилось: в окнах горел свет, и несколько желтых листьев так же кружились над аллеей, ведущей к дому.

Мне почему-то вспомнилось искаженное от горя лицо Китти после разговора по телефону с миссис Садер, приступ ярости, когда она швырнула в меня вазу, и, наконец, дрожащие, хрупкие плечи несчастной девушки, когда мы возвращались от жены Марти. Но странно — я никак не мог вспомнить ее нежного голоса и звонкого смеха... Неужели предчувствие?..

Дверь была открыта, и первое, что увидел, войдя в комнату, — пистолет. Он валялся на ковре, в нескольких сантиметрах от неестественно вытянутой руки Китти. Сама девушка в ночной пижаме лежала на левом боку посреди огромной стоящей у стены кровати. Голова Китти была запрокинута назад, мертвые глаза глядели в потолок, короткие темные волосы разметались по подушке, а в правом виске зияла маленькая черная дырочка. Пистолет на ковре был двадцать второго калибра.

Нет, никто в целом мире не убедил бы меня, что Китти выстрелила в себя сама!..

Подойдя к кровати, я склонился над ее головой и прошептал:

— Прости, Китти, если можешь... Ты... ты гораздо лучше нее...

На одеяле лежала фотография Марти Садера с надписью «Моей любимой Китти», а на полу — письмо. Я не стал читать его. По-видимому, здесь постарались соорудить декорацию последнего акта душещипательной пьесы о несчастной любви, якобы закончившегося столь трагично.

Но я знал, что все было не так.

И знал, как все было…

Вышел из дома, прикрыл дверь, сел в машину и поехал в сторону Николс-Каньон-Роуд в гости к миссис Вивиан Садер, большой любительнице пострелять из пистолета двадцать второго калибра.

Всю дорогу я представлял себе, что скажу этой мерзкой старой кобыле, если застану ее дома.… Невольно вздрогнул: а вдруг и миссис Садер тоже лежит где-нибудь возле своего любимого сена с дыркой в голове?!

Но нет, невозможно, иначе мне действительно не останется ничего иного, как сдаться по собственному желанию в ближайший сумасшедший дом.

Я остановился, вылез из машины и пошел к мрачному особняку Садера (эй, а ведь уже и не Садера!). В одном из окон, как и у Китти, горел свет. Стучать не стал — не дай бог, эта ненормальная окажется жива и тоже влепит мне заряд в висок. Только уже не двадцать второго калибра, а побольше — даже поежился, вспомнив весь арсенал почтенной миссис Садер. Бр-р-р!.. Погибнуть во цвете лет после стольких мастерски преодоленных преград от пули выжившей из ума, осатаневшей от пьянства и ревности женщины!.. Нет-нет, увольте, такая перспектива меня не устраивала.

…Да, действительно, это был не тот пистолет, из которого она расстреливала днем портрет Трумэна. Сейчас госпожа Садер держала в правой руке тяжелый, массивный револьвер, и ее указательный палец дрожал на спусковом крючке.

— Ну что же вы, мистер Скотт? — произнесла как ни в чем не бывало, кокетливо поправляя рукою левой шикарное ожерелье на дряблой шее.

Я вздрогнул от этого голоса, и сильнее, чем огромный револьвер и ожерелье, мой взгляд притягивал лихорадочный блеск ее безумных глаз.

— Да входите, входите же, мистер Скотт! — процедила эта ненормальная, поигрывая револьвером.

Наконец-таки я переступил порог, а миссис Садер сделала шаг назад, держа свое грозное оружие на уровне моего лица.

Но, честное слово, я был спокоен — за последние двадцать часов пришлось повидать столько нацеленных на меня пистолетов и револьверов, что даже пушка миссис Садер уже не впечатляла, хотя справедливости ради надо признать: она была гораздо больших размеров, нежели все остальные.

— Мне почему-то очень захотелось еще раз повидаться с вами, — сдержанно сообщил я, а хозяйка револьвера неожиданно грустно улыбнулась и пожала плечами:

— Они оба были развратниками. Развратниками… — Теперь миссис Садер уставилась куда-то поверх моей головы, словно узрела там что-то необычное. — Они были развратниками, — повторила упрямо, — великими грешниками, поэтому я убила ее! — Помолчав, добавила: — И его тоже.

— Надеюсь, мне вы не уготовили подобную участь, миссис Садер? — учтиво поинтересовался я. — Я вроде не грешник и не развратник. Ну, может, самую малость…

— Я сделала, что должна была сделать, — все тем же бесцветным голосом произнесла она, будто не слыша. И — торжественнее и громче: — Я сделала то, что должна была сделать!

— Но вы по-разному обставили их смерть: убийство и самоубийство. А почему решили, что Марти вернется в «Нору», ведь он, после того как удрал от людей Брида, должен был держаться от нее подальше?

— Я попросила его прийти туда, — самодовольно заявила она. — Сказала, что это необходимо, очень необходимо…

(Да уж, действительно! Особенно для Марти. Однако что можно было сказать

Садеру такого, чтобы заставить явиться в «Нору»? Но ведь заставила же. Получается, и впрямь нашла веские доводы.)

— А как все было в доме Китти? — спросил я. — Она уже спала, когда вы приехали? И вы подняли бедняжку с постели, чтобы поудобнее выстрелить ей в висок? А после устроили спектакль с фотографией, да?

Миссис Садер смотрела пустыми глазами, в которых вспыхивали порой злые огоньки. Потом забормотала что-то себе под нос. Прислушался: о боже, она пела!.. И, теряя самообладание, я заорал:

— Старая ведьма, я убью тебя!..

Не знаю, смог ли бы действительно ее убить, но в тот момент ненависть моя к жуткой карге достигла апогея. А она... она мурлыкала некое подобие гимна или чего-то в этом роде и, похоже, даже не слышала меня.

И вдруг каркнула:

— Идемте!

— Куда? — остолбенел я.

— Идемте, — сердито повторила миссис Садер и махнула вглубь дома рукой. Но не той, в которой держала револьвер, а другой, левой. Нет, эта женщина не была такой уж безумной. Но зачем она ведет меня в дом? Хочет затащить куда-нибудь подальше и там пристрелить? Или вырыла уже в саду яму и сейчас потащит бедного Шелла Скотта к его могиле?

М-да-а, разделавшись с целой сворой гангстеров и убийц, погибнуть от пули кровожадной старухи! Но что делать? Пошел вперед.

Я осторожно ступал по коридору — разболелась рана, и временами начинала кружиться голова. В доме горели теперь уже почти все лампы; мы шли, шли, и миссис Садер, следуя за мной, без умолку бубнила свой проклятый гимн. Мне показалось даже, что присутствую на похоронах. Ох, хоть бы не собственных.

Возле двери, ведущей к лужайке за домом, миссис Садер страшно вежливо попросила:

— Остановитесь, пожалуйста, на секундочку, мистер Скотт, и включите свет во дворе.

Я попытался поднять правую руку, но из-за резкой боли сразу опустил и потянулся к выключателю левой.

— Эй! — Миссис Садер моментально сменила любезность на обычный грубый тон. — В чем дело? Почему другой рукой?

Я сердито прошипел:

— Да потому, что ранен, вот почему! Так включать или нет?

Фурия одарила меня, наверное, самой обворожительной улыбкой, на которую только оказалась способна: «Конечно, включайте!» Замерла в нескольких метрах и, теребя пальцами бусины ожерелья, приказала:

— Вперед! — И опять замурлыкала гимн.

Я подчинился, плелся по двору и раздумывал, как бы вырвать у нее револьвер. Однако постоянно или я находился к ней спиной, или же она была далеко от меня. Возможно, эта полоумная и не отличалась особой меткостью, но рисковать жизнью все равно не хотелось.

В общем, я шел по зеленой лужайке под аккомпанемент ее гимна (кстати, миссис Садер здорово фальшивила), и остановились мы у сарая, рядом с которым на земле лежала длинная лестница.

— Поднимите лестницу. — Голос ее вновь зазвучал очень сухо.

— Что-о-о?! — изумился я. А вы бы не изумились? Может, старая идиотка вздумала вознестись прямо на небо, а я держи лестницу?! Впрочем, я бы, конечно, подержал, помог даме... до тех пор, пока не влезла бы повыше, а потом... Каюсь, даже злорадно ухмыльнулся.

— Да поднимайте же! — взревела миссис Садер.

Э-э-э нет, она не шутила, и злорадство мое уступило место осторожности — очень не хотелось нарываться на пулю, а поступки этой женщины были столь непредсказуемы, что не удивился бы, кабы она вдруг решила сделать из меня мишень наподобие старины Трумэна.

Нагнувшись, я взялся за лестницу и попробовал поднять, но ужасная боль в груди и руке не позволила даже оторвать ее от земли. Плюс дул сильный ветер, что порядком усложняло задачу. А еще, между прочим, я не спал уже почти двое суток и настолько устал от всех событий последнего дня, что едва голова оказалась склоненной, сердце сразу бешено заколотилось и в висках застучала кровь.

...Эх, а хорошо бы рискнуть придавить лестницей проклятую старуху к земле, но увы: лестница казалась просто неподъемной, к тому же жутко болела рана...

Слова миссис Садер вернули меня к действительности:

— Отойдите подальше и не вздумайте стрелять, мистер Скотт.

Теперь ее голос был на диво спокойным. Я все же схватил лестницу за один конец и потащил к дому. Вивиан Садер со своим гимном шествовала следом. А мне... А мне внезапно подумалось, что уже не уйду отсюда живым. И ведь никто не явится на помощь, потому как крепость Садера далеко от других домов. Да и кому я вообще нужен?.. О боже, до чего докатился: оказавшись наедине с чокнутой бабой, Шелл Скотт, знаменитый частный детектив, жаждет помощи!..

Возле дома миссис Садер сказала:

— Приставьте-ка лестницу во-о-он к тому окну.

Совершенно не понимая, зачем это нужно, я попытался выполнить приказ, но не хватило сил.

— Ну что такое? Быстрее! Быстрее! — подгоняла она.

И я взбунтовался.

— Дорогая миссис Садер! — огрызнулся довольно резко. — Повторяю: я ранен и смертельно устал. Если немного передохну, через несколько минут поставлю эту чертову лестницу куда вам заблагорассудится!

Она милостиво кивнула, и я прислонился к свежей побелке дома. А знаете, в ее безумии была определенная система, и, кажется, я понял, чего она добивалась: лестницу надо приставить к тому окну, откуда я днем наблюдал за учебными стрельбами миссис Садер. И как раз под ним висели вязанки сена. Так-так, мозги вроде снова начали что-то соображать.

— Миссис Садер... — пробормотал я голосом умирающего. — Мне... мне плохо... ужасно плохо... — И начал корчиться, как тяжелобольной, да вдобавок трясти головой, пытаясь в то же время нащупать в кармане зажигалку.

— Ну все, хватит скулить! — рявкнула госпожа Садер. — Не поставите лестницу — пристрелю!

— А можно покурить? — взмолился я. — Хоть какое-то облегченье!

Произнося это, снова подумал, что у миссис Садер, несмотря на безумие, явно есть некий план, и она вряд ли станет стрелять, предварительно не осуществив его.

— Нет! — Фурия опять занервничала. — Ставьте лестницу и лезьте наверх.

Чуть ли не со стоном пододвинул лестницу к окну. Ветер шевелил сено, и сухие травинки летели мне в лицо.

Я оглянулся:

— Высоковато, мэм. Не знаю, смогу ли...

— Мне надоела пустая болтовня, Скотт! — отрезала миссис Садер. — Лезьте, не валяйте дурака!

Она отошла чуть в сторону, не упуская, однако, меня из виду. (Стояла теперь немного левее сена — отлично!..)

— О'кей, — вздохнул я и начал подниматься.

Вдова и убийца Марти Садера следила за каждым моим движением.

— Господи... Как больно-то!.. — постанывал я, но не получал ни капельки сочувствия в ответ.

Достигнув высоты, на которой висело сено, я незаметно протянул к нему руку и чиркнул зажигалкой. Увы, огонек сразу же погас.

— А ну-ка в сторону, Скотт! — закричала миссис Садер.

Только сейчас я понял, что неправильно держу зажигалку. Повернув ее как нужно, еще раз попытался поджечь сено. Маленькая искорка нырнула в сухую траву. К счастью, миссис Садер пока ничего не замечала.

— Достаточно, спускайтесь, — потребовала она. Наверное, теперь захочет, чтобы я вылез на лестницу через окно ее спальни?

И не ошибся. Новый приказ:

— Возвращайтесь в дом!

Обойдя дом вокруг, я приблизился к парадному крыльцу, вошел. Вивиан Садер следовала по пятам. (А огонь-то, надеюсь, разгорается...)

Я стал медленно подниматься по ветхим ступеням, госпожа Садер со своим огромным револьвером — сзади. На втором этаже остановился у двери спальни:

— Туда?

Молча кивнула.

— О-о-о! — воскликнул я, перешагивая через порог. — Ваша комната великолепна, а с каким вкусом обставлена!.. (Надо, надо было ввернуть ей что-нибудь приятное, ведь лесть порой поразительно действует практически на всех женщин без исключения, даже чокнутых.)

— Гм, действительно так считаете? — Ее голос зазвучал почеловечнее.

— Конечно! Но позвольте, однако, заявить, миссис Садер, что вы поступили ужасно гадко...

Она радостно засмеялась:

— Да неужели?! А по-моему, я все прекрасно устроила, вот только вы, мистер Скотт, к сожалению, оказались не в меру догадливым.

Требовалось выиграть время, и я продолжил наш странный диалог.

— Не совсем, мэм, не совсем... Признайтесь, вы все рассчитали, правда? Вызвали Марти в «Нору» и там прикончили. Потом поехали к бедняжке Китти и свели с нею счеты, бросив возле трупа для вящей убедительности письмо и фотографию. Верно?

Она опять закивала:

— Да-да, именно так. Только вот я не могла предположить, что...

Пришлось прервать ее — не хотелось вдаваться в подробности, чтобы опять не рассердить.

— Но мне не известно ничего конкретно, миссис Садер, — якобы простодушно вздохнул я. — Вы действовали осторожно, очень осторожно. Просто поражен вашей ловкостью...

Однако она вдруг нахмурилась:

— Не заливайте! Ведь вы-то все разнюхали!

— Ой, ну что значит — все? Конечно, я вас видел, но... но... — совсем растерялся. (Господи, что я несу?! Или тоже схожу с ума?)

Лицо женщины стало непроницаемым.

— Подойдите к окну, — сурово отчеканила она.

И я понял, что эта дурацкая история и замысел, созревший в нездоровом мозгу миссис Садер, похоже, приближаются к развязке.

Шагнув к окну, пробормотал:

— Что вы хотите со мной сделать?

Она смотрела пустыми глазами, опять теребя ожерелье и бурча свой гимн. Вопрос остался без ответа, и я отважился на вторую попытку:

— Мне правда интересно, миссис Садер, что еще вы придумали. Когда полезу, пристрелите, да?

Она равнодушно кивнула.

— Замечательно!.. — охнул я. Какие-либо еще слова застряли в горле, а эта мегера помахивала револьвером и теперь натянуто улыбалась.

— Но неужели же не заслуживаю более славной смерти, чем пуля в спину?! — вскричал с пафосом.

Миссис Садер молчала.

— Значит, когда полезу в окно, да?

— Да.

— А между прочим, я приехал, чтобы... арестовать вас, мэм, и...

Наверное, действительно сошел с ума. Услышав это, госпожа Садер вмиг стерла улыбку. Нельзя, конечно, нельзя было брякать такое...

— Вперед!

Я же подумал, что никакая сила не сдвинет меня с места, потому что один шаг к окну — и она выстрелит. И тут... И тут вдруг почувствовал, что в комнате стало значительно теплее.

А миссис Садер нетерпеливо взмахнула револьвером:

— Ну же?

Я закричал:

— Да скажите, любезнейшая: почему вы сделали это? Зачем убили их?!

— Они были распутниками, — зло повторила карга. — Распутниками и великими грешниками...

— Согласен, но убивать?!

Госпожа Садер проворчала что-то под нос, а потом фыркнула:

— Он сам мне сказал!

— Кто?!

— Он!

— Да кто — «он»? — недоумевал я.

— Он, — упрямо твердила ведьма, и наверняка, спроси еще раз, точно выстрелила бы.

И тут до меня донесся треск охватившего сухое сено огня.

— Миссис Садер, — воскликнул тревожно, — послушайте!

Насупившись, она склонила голову набок:

— Что это?!

Я недоуменно развел руками.

Она молча смотрела на меня, прислушиваясь к звукам за окном. Шум огня уже становился громче завываний ветра, бьющегося о стены старого дома. Пламя явно разгоралось все сильнее, потому что вскоре почувствовался едкий запах дыма. В комнате стало совсем жарко.

И я... улыбнулся проклятой миссис Садер — мне все-таки удалось поджечь этот чертов дом!

Ее лицо было мрачным, и сейчас она как никогда была похожа на лошадь — старую, больную лошадь.

А я вдруг завопил:

— Знак! Знак! Смотрите, знак свыше!..

И почти в тот же момент огонь, уже вовсю полыхавший снаружи, через окно ворвался в спальню. Несчастная Вивиан Садер с вытаращенными от ужаса глазами, пронзительно крикнув что-то, выскочила в коридор. Я — бегом за ней. Со стороны ситуация выглядела, быть может, комично, но это, знаете ли, кому как. Я

находился в горящем доме вдвоем с сумасшедшей, и сейчас мы оба, гонимые животным страхом, сломя голову неслись вниз по лестнице на первый этаж.

Я уже почти достиг входной двери, когда увидел, что миссис Садер внезапно метнулась по коридору налево. Резко остановилась, вскинула руку с револьвером и выстрелила.

К счастью, успел упасть на ковер, и пуля, пролетев над головой, разбила окно в противоположном конце коридора. Я пополз к двери, ведущей в одну из многочисленных комнат, а она продолжала стрелять. Слава богу, мимо. Наконец дополз до двери и толкнул ее плечом.

От боли в раненой руке я на какую-то секунду потерял сознание и ткнулся лицом в порог. «Ну вот, — мелькнула глупая мысль, — теперь-то мой нос точно будет как у Джо-Джо». А потом... А потом услышал удаляющиеся шаги и, подняв голову, увидел, что миссис Садер бежит обратно вверх по лестнице. Неужели собралась лезть на крышу?!

Но медлить больше нельзя. Прикрывая лицо руками, я выскочил из горящего дома и бросился к «кадиллаку» — нужно отогнать его подальше, а то еще чего доброго раздуваемый бешеным ветром огонь перекинется на машину. Отъехав метров на сто, оставил «кадиллак» у обочины дороги и вернулся назад.

Особняк Марти полыхал вовсю на фоне черного неба, и соседи наверняка вызвали уже пожарных. Конечно, я не хотел специально спалить дом, но и, между прочим, становиться мишенью для миссис Вивиан Садер, когда направлялся сюда, не собирался тоже.

Замер, прислушиваясь, не едут ли пожарные машины, однако кроме треска горящих бревен ничего не услышал. Жар пламени обжигал лицо, хотя стоял довольно далеко от огня.

Ну где же эти проклятые пожарные?! Я не на шутку разволновался — ведь нельзя оставлять на произвол судьбы миссис Садер, несмотря на то, что она сотворила. Машинально сунув в рот сигарету, начал искать по карманам зажигалку. Не нашел: должно быть, потерял. А впрочем, к чему зажигалка, когда рядом целое море огня.

Я бросил сигарету. Пожарные все не приезжали, а дом пылал теперь не только сзади — огонь перекинулся на фасад. Языки пламени лизали свежевыкрашенные стены, вползали в окна.

И я не выдержал — побежал к двери, откуда выскочил каких-то пару минут назад. Ох, сумасшествие — болезнь заразная, а я долго общался сегодня с миссис Садер.

Огромные клубы вонючего дыма уже заволокли первый этаж. Задыхаясь и кашляя, сумел-таки добраться до лестницы и поднялся наверх. Да где же искать эту дуру?!

Кинулся в тот конец коридора, где видел ее в последний раз, и остановился у небольшой двери, за которой женщина вполне могла сейчас находиться. Но если она действительно там и поймет, что я тоже рядом, то обязательно будет стрелять. Что же придумать?..

И тут я услышал голос миссис Садер, однако доносился он не из-за двери, а из противоположного крыла коридора. О боже!.. Она... пела!.. Пела все тот же гимн, только теперь голос звучал громко, уверенно, и, ей-ей, даже почти не фальшиво.

Я замер истуканом и смотрел туда, откуда она должна была появиться. И она появилась, с неизменным револьвером в руке. Шла и пела.

И вдруг миссис Садер умолкла: увидела меня. Постояв пару мгновений неподвижно, быстро, навскидку выстрелила и... снова запела.

Хвала всевышнему, в который уже раз она промахнулась. Я юркнул за выступ стены. Миссис Садер надсадно закашлялась, однако револьвер не опускала. И — опять зазвучал ее гимн.

«Ладно, — стиснул зубы я, — хватит! Хотел спасти тебя, безмозглую, да коль ты сама этого не желаешь...» — И повернулся к лестнице.

А лестница-то уже горела.

ГЛАВА XIX

В общем, пока был наверху, нижний этаж дома охватил огонь, и миссис Садер находилась сейчас между мной и полыхающей лестницей. Теперь ей оставался единственный путь к спасению — через окно, но это тоже было очень рискованно.

И тут послышался вой сирен пожарных машин. Вбежав в еще не охваченную пламенем комнату, я заперся изнутри (чтобы следом туда не ворвалась вооруженная миссис Садер) и шагнул к окну.

Увы, порыв ветра — и на месте окна ослепительный огненный квадрат. Как порох вспыхнули легкие шторы, опалив ресницы и брови.

С минуты на минуту дом мог рухнуть, и я запаниковал. Почти ничего не видно из-за наполнявшего комнату едкого черного дыма. Еще минута — и нечем будет дышать.

Судя по звукам сирен, машины остановились неподалеку, и пожарные, наверное, уже бегут к дому. Но я-то, я здесь, в закрытой комнате, полной дыма! Господи, ну неужели выбраться невозможно?..

Внезапно в мозгу словно сверкнула молния — крыша!.. Да-да, крыша! Если забраться туда, пожарные увидят меня и спасут... Лесенка, на крышу ведет маленькая лесенка! Приметил ее, когда искал тут днем Айрис...

Я отпер дверь и побежал по коридору — горячий воздух обжигал щеки, из глаз текли слезы... Миссис Садер нигде не было.

Добравшись наконец до заветной лестницы, быстро поднялся и, толкнув еще одну дверь, оказался на крыше. Огонь здесь тоже уже пылал вовсю, ослепительный фейерверк искр летел в воздух, а от страшного треска горящего дерева сразу же заложило уши. Балансируя, как циркач на канате, подобрался к краю крыши, глянул вниз и увидел огромные красные машины и много людей. А прямо подо мной стояли двое пожарных.

Я бросил вниз пиджак. Один из пожарных, подхватив его на лету, задрал голову вверх и что-то сказал напарнику. Я начал вопить, размахивать руками, и... они вдруг со всей прыти бросились прочь от дома.

Идиоты!.. Куда вас понесло?!

Но через минуту эти двое вернулись, а с ними целая команда пожарных, тащивших какой-то огромный рулон. Сеть!.. Да это же сеть, в которую я должен прыгнуть! Вот счастье-то подвалило!..

Кажется, крыша уже начинала дрожать. А может, это я трясся от страха? Но выбора нет.

Пожарные тоже что-то кричали, махали руками, очевидно, веля мне прыгать. Да придется, и как можно скорее, иначе они и сами рисковали быть погребенными под руинами горящего дома, который грозил вот-вот завалиться. (Кстати, вероятность того, что упаду им прямо на головы, по-моему, была не меньшей.)

Вдохнув горячего воздуха, я попытался прикинуть расстояние до земли. Достаточно высоко, потому что растянутая сеть показалась величиной с мелкую монету. Хотя не исключено, что со страху.

Ну, Скотт, ну, старая кляча, давай же решайся!.. Иначе зачем ты вообще, спрашивается, лез на эту проклятущую крышу?..

Набрав полные легкие обжигающего воздуха, я чуть присел, ощущая противную слабость в коленях, и — прыгнул...

Прыгнул, мне почудилось, так, как это делают лихие герои в криминальных

боевиках, — ногами вперед. Правда, оказавшись в воздухе, вдруг совсем не по-геройски отчаянно закувыркался, звезды горохом посыпались на меня со всех сторон, и возникла дурацкая мысль, что свалюсь обязательно на голову. От этой мысли я заорал как резаный и орал, пока спина не коснулась сетки.

Сообразив наконец, что больше не лечу, замолчал. Не скажу, что полет прошел совсем уж гладко — от удара о сетку еще сильнее заныла рана и затуманилось в мозгу, но в любом случае это было лучше, чем трахнуться о землю.

Надо мной зазвучали голоса.

— Ну? Все в порядке, парень?

«Все замечательно», — хотел ответить я, однако не смог вымолвить ни слова и лишь закивал как болванчик.

— Там есть еще кто-нибудь?

— Да… — прошептал я.

— О дьявол!..

— Там женщина… — Еле ворочал языком. — Ходит по дому и поет…

— Что-о-о?!

— Поет, — повторил я. — Очень громко.

— А что поет?

— Вроде гимн, — вздохнул я. — И у нее револьвер, — сообщил уже более внятно.

— Ладно-ладно, старик, успокойся! Ты, ясное дело, здорово перетрусил, но теперь все позади.

(Похоже, меня принимали за чокнутого.)

— Да послушайте же! — завопил и впрямь как ненормальный. — Там действительно осталась женщина! И она…

— Ну конечно-конечно…

Один из пожарных появился с аптечкой в руках, и от досады я даже заскрипел зубами.

Но тут кто-то сказал:

— Надо отойти подальше, дом вот-вот рухнет.

И в этот момент…

И в этот момент я увидел миссис Садер.

Она стояла на крыше, на том самом месте, откуда я только что спрыгнул. Огонь и дым уже почти полностью скрывали ее от нас.

— Да вон же она! — заволновался я.

Все головы точно по команде повернулись туда, куда я показывал рукой. Двое пожарных начали махать ей, а остальные вновь растянули сеть.

— Знаете… — пробормотал я. — Вы поосторожнее… Дело в том, что…

Докончить фразу не успел. Выстрела из-за шума и треска никто не услышал, но в самом центре мелкой сети появилась небольшая дыра.

— Она вооружена! — закричал я. — У нее револьвер!

Бросив сеть, пожарные разбежались. Я тоже постарался укрыться. Рядом оказался парень, который сперва принял меня за чокнутого.

— Объясни, наконец, — рыкнул он, — что здесь стряслось!

— Та женщина — сумасшедшая, — пожал плечами я. — И у нее револьвер.

— Но почему вы оба не вышли из дома, когда пожар начался? И почему пожар вообще начался?..

Что тут ответить? Что собственноручно поджег дом, потому как не хотел быть застреленным? А деталей произошедшего между мной и миссис Садер я не расскажу никому и никогда. Пусть это будет лишь моя тайна.

— О, здесь стряслось немало такого… — только и сумел выдавить.

Пожарные уже держали наготове брандспойты, но я понимал, что потушить

дом невозможно, и, словно в унисон этим мыслям, кто-то из стоявших рядом покачал головой:

— Мы не доберемся до места, откуда вы спрыгнули. Поздно...

И действительно, хотя выдвижная лестница с машины была приставлена к фасаду здания, никто из пожарных так и не сумел достичь крыши из-за сплошной стены огня.

— Эх, зачем строят такие дома! — сокрушенно развел руками один из них. — Вы-то не сильно ушиблись, мистер? Вам уже лучше?

— Да, спасибо, — вздохнул я. — Хотя, если честно, было очень страшно.

— Но почему все-таки загорелся дом? — Пожарный точно разговаривал сам с собой, однако не мог же я сказать: «Это я поджег, зажигалкой», — а потому промолчал. И в этот момент кто-то крикнул:

— Все назад! Сейчас рухнет!..

Я прыгнул в сторону и побежал. А сзади был уже слышен не только треск огня, но и ужасный грохот падающих балок.

Оглянувшись на пылающий в ночи огромный факел дома, я в последний раз увидел миссис Садер. Вот она взмахнула руками — и исчезла в языках пламени. И почти сразу же обвалилась крыша, а за ней, на мгновение содрогнувшись, осел весь дом. Бедная миссис Садер погибла, и почему-то я был уверен, что она допела-таки свой гимн до конца...

Громадный столб огня взметнулся вверх, к холодному черному звездному небу, как будто что-то непознанное, неведомое и страшное отлетело в мир иной.

Возможно, то была душа Вивиан Садер.

ГЛАВА XX

Ну вот и все. Вот и конец...

Глядя на догорающие обломки, я понял, что сил уже нет.

Миссис Садер погибла в огне. И она не единственная, кто погиб за последние несколько часов. Марти, Флик, Вагнер, возможно, Гарри и Малыш Джо-Джо, Китти... О Китти я горько сожалел. Несмотря на вздорный характер, а может, и именно благодаря ему, маленькая Китти была очень мне симпатична. И она была такая несчастная...

Один из пожарных пристально уставился на меня, и я вдруг вспомнил, что ранен. Кровавое пятно на рубашке становилось все больше и больше. К тому же под мышкой висела пустая кобура.

Я поморщился:

— Понимаете, та женщина... У нее был револьвер... Она меня ранила...

Пожарный, ничего не ответив, пошел к машине. Там рядом с огромными красными грузовиками уже стоял и полицейский автомобиль. Когда же это он подъехал?

И я направился к нему, ибо мне было о чем поведать полиции. Правда, вспомнив подозрительный взгляд пожарного, на миг замедлил шаг... но все равно пошел: чувствовал сейчас себя таким разбитым и опустошенным, что было, ей-ей, наплевать, поверят или нет...

Не скажу, что четыре последующих часа мы провели весело. Мы — это я и Айрис. Я встретил ее в полицейском управлении, где мы сообщили обо всех наших приключениях. Говорила в основном Айрис, я лишь кое-что дополнял.

Полицейские задавали вопросы, много вопросов, море вопросов. А получая ответы, бормотали ругательства и недоверчиво качали головами. Хмурые, усталые лица — и вопросы, вопросы, вопросы...

Да впрочем, в небольшой, даже уютной комнатке, где было тепло и не слышно завываний ветра, рассказанная нами история и самому казалась уже фантастической и нереальной. Хотя, закончив пожаром в доме Марти Садера и пояснением роли Брида в том, что произошло в «Норе», я, кажется, сумел нарисовать достаточно полную картину событий прошедших суток. И, между прочим, ухитрился не упомянуть об информации, полученной от Йорка. Даже если Оззи еще и не скоро покинет стены тюрьмы, я слово свое сдержал, а остальное — не мое дело. Итак...

Итак, Кольер Брид арестован по обвинению в убийстве Флика. Гамлет тоже уже в камере, а Фишер и Джо-Джо в тюремном госпитале. У Гарри поврежден череп, Джо-Джо ранен в грудь. Увы, пули сорок пятого калибра не просто ранят — они рвут мышцы и ткани, поэтому у Джо-Джо был реальный шанс встретиться в морге с Марти, Вагнером, Фликом и Китти.

Мою рану перевязал полицейский врач, и я почувствовал себя гораздо лучше, не считая того, что совершенно обессилел и дико устал.

...Капитан Сэмсон лично проводил нас с Айрис до дверей. Остановившись у входа, посмотрел на меня и покачал головой:

— Жди неприятностей, Шелл. Скорее всего, отберут лицензию. Но, поверь, это чтобы уберечь тебя от... — Он помолчал и тихо шепнул: — А вообще-то, классная работа, молодец! — И опять якобы строго: — Ну ладно, будь осторожен. Отвлекись, отдохни, а после приходи к нам. Хорошо?

— Хорошо, — кивнул я. — Хорошо, Фил. Обязательно. Через годик...

Мы вышли на улицу в восемь часов утра. Свежий, но совсем не злой ветерок шевелил кроны деревьев, и птицы вовсю распевали свои нехитрые утренние песенки. Кругом царили мир и покой...

И вот наша троица — Айрис, Миа и я — снова вместе. Миа рассказала, как, вернувшись с чесноком и никого не застав, улеглась в постель, но так и не смогла уснуть, ожидая нас. Мы с Айрис, в свою очередь, поведали о собственных похождениях, а в заключение я пожелал всем поскорее забыть эту страшную историю.

Теперь хотелось только одного: спать. К тому же очень плотно позавтракали — наконец-то отведали приготовленные Миа спагетти по-итальянски и пропустили по стаканчику виски.

— Вам понравилось? — спросила Миа своим чуть глуховатым голосом. Она смотрела мне прямо в глаза, и коварная улыбка играла на влажных губах. — Больше не сердитесь?

— Да что вы! — воскликнул я. — Конечно, не сержусь. Правда, может, не стоило ночью идти в магазин... А впрочем, это оказалось и к лучшему.

— Шелл, кажется, вам пора отдохнуть, — прощебетала Айрис.

Девушки лежали на широченной кровати. Миа была в той воздушной накидке, в которой накануне выскочила из дому, а Айрис — в своих синих брючках, делавших ее так похожей на очаровательного подростка. Ну а ваш бедный рассказчик сидел на полу, приткнувшись спиной к стене.

— Разумеется, родные мои... — с ноткой горечи пробормотал я. — Конечно, с удовольствием отдохну... — И полуприкрыл на секунду глаза.

Миа спрыгнула с кровати и подошла, покачивая бедрами.

— Еще виски, Шелл?

— Да, пожалуйста.

Грациозно изогнувшись, она взяла стакан и наполнила до краев.

— Будьте любезны, поставьте его на пол, — попросил я голосом умирающего.

Девушка склонилась надо мной, и я вдохнул тонкий аромат ее духов (о небо!). Потом вернулась к кровати и вытянулась на покрывале как тигрица.

Айрис маленькими глотками пила виски.

— Я очень рада, что вы привезли нас сюда, Шелл, — сказала она. — Тем более что мы теперь безработные. А тебе, Миа, здесь нравится?

Миа кивнула.

Выпив, мы вновь наполнили стаканы, опорожнив бутылку до дна

— Шелл, — негромко проговорила Айрис, — наверное, на полу неудобно? Ложитесь на кровать (Миа лукаво улыбнулась), никто не укусит.

Девушки подвинулись, и тут Айрис как-то робко вымолвила:

— Ах, Миа-Миа, ангел мой… Кажется, кому-то из нас лучше…

И Миа, не отрывая от меня своего потрясающего взгляда, ответила:

— Конечно-конечно. Сейчас уйду.

— О дорогая!.. — только и смогла выдохнуть Айрис. И…

И все замолчали. Молчали долго, тишина становилась невыносимой. И тогда…

И тогда подал голос почти лишившийся уже и сил, и лицензии частный детектив Шелл Скотт:

— Слушайте, разлюбезные крошки, сегодня мне еще нужно кое-куда успеть… К тому же у меня дела… а после надо… почистить пистолет… дальняя дорога… жутко хочется спать…

Они смотрели на меня. А потом, озорно глянув друг на друга и рассмеявшись, будто обеим пришла в голову одна и та же мысль, нежно пропели:

— Ше-е-елл!..

О господи!

Ну в чем дело?! Ясно же сказал: устал и хочу спать! Девушки, милые, отстаньте!

Потом!

Все потом!

Сокращенный перевод с английского
Юрия КУРГУЗОВА

Об авторе:

Ричард С. Пратер *(Ричард Скотт Пратер, 1921–2007) — американский писатель, популярный в 1950-х — 1970-х годах. Автор детективной серии «Шелл Скотт» («Shell Scott») и других криминальных романов. Предлагаемый нашим читателям роман «Весь мир вооружен» — один из вариантов перевода романа «Everybody Had a Gun» (1951).*

О переводчике:

Юрий Митрофанович Кургузов *родился в 1957 году. Член Союза писателей России, Союза журналистов России, Международной Ассоциации писателей и публицистов. Печатается с 1988 года. Лауреат премии журнала «Подъем» «Родная речь», литературной премии «Кольцовский край». Автор книг «Приключения Звездного Волка. Луна — Солнце мертвых», «Черный Скорпион», «Возвращение Скорпиона», «Кольцо Изокарона», «Тринадцатая звезда», «И у нас был Высоцкий…», «Встречи с эпохой», «Возвращение к Клио» и др.*